

ПОНИМАЯ «ДЕВЯНОСТЫЕ»

Москва
Издательство «Знание»
2013

УДК 947
ББК 63.3(2)

ЕЛЬЦИН *Издается при поддержке*
ЦЕНТР *Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина»*

Понимая «девяностые» — М.: Знание, 2013. — 270 с.: ил.

ISBN 978-5-254-02021-9

Эта книга не только писалась, но и «складывалась». Прежде всего из наиболее интересных выступлений на Международной конференции, посвященной 80-летию Первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Она даёт панорамный взгляд на события 90-х годов, которые теперь уже стали историей.

ISBN 978-5-254-02021-9

УДК 947
ББК 63.3(2)

© Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013
© Издательство «Знание», 2013

*Адресуется тем, кто умеет думать,
но знает об этой эпохе только по рассказам старших*

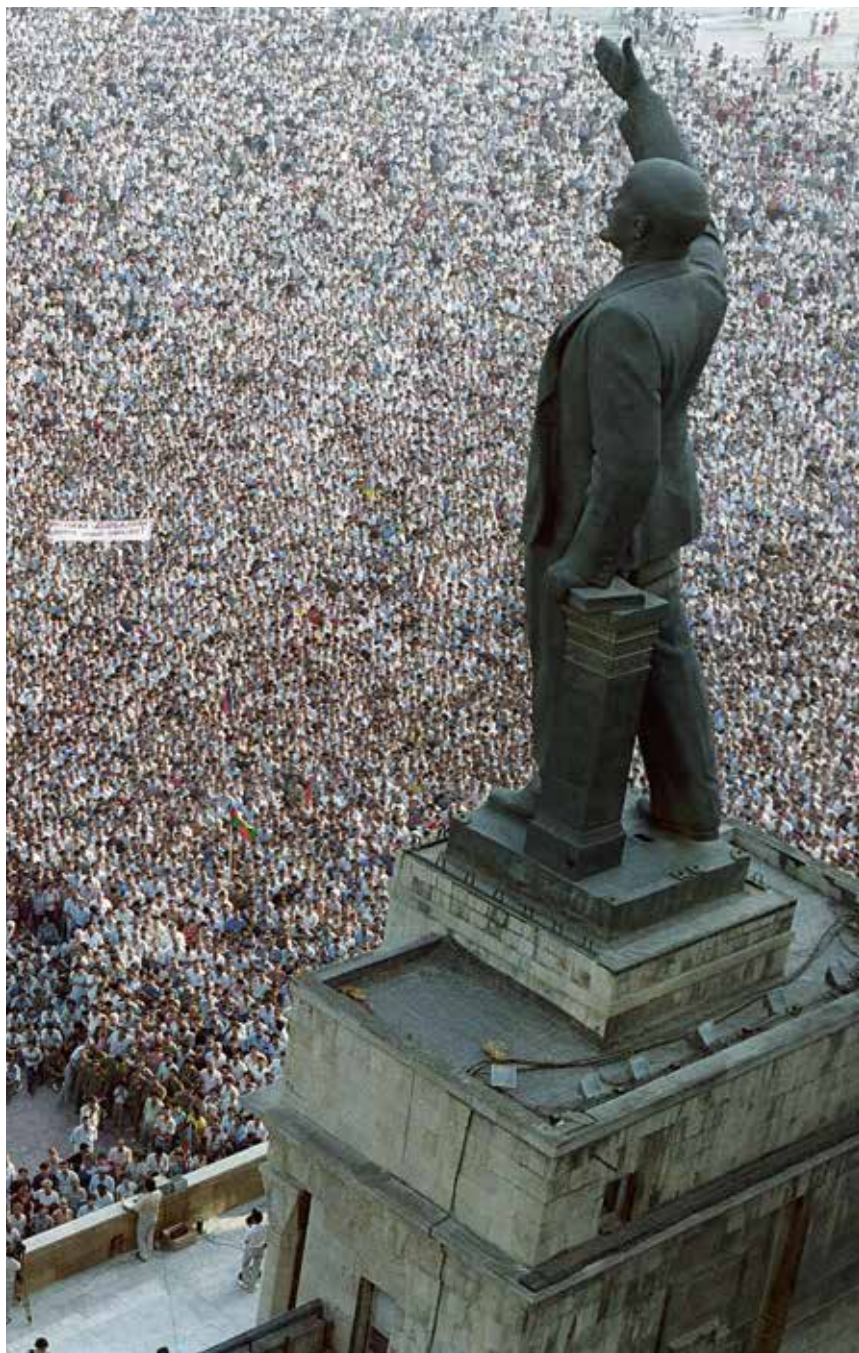
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В руках у вас замечательная книга, которая называется «Понимая 90-е». Нужную, глубокую и поучительную книгу о недавнем времени, по поводу которого есть полярные точки зрения, найти крайне непросто. Про 90-е годы вышло достаточно много литературы: тематических сборников, аналитики, мемуаров и воспоминаний, но многие из них грешат понятной и простительной субъективностью, избыточной полемичностью, а нередко и сознательным искажением правды.

Книга «Понимая 90-е» отличается от этих книг глубиной, широкой взглядом, более точным углом зрения, разнообразием рассматриваемых тем. Отличается возможно потому, что у нее много авторов. Это серьезные ученые, журналисты, крупные политики, находившиеся в 90-е годы в эпицентре общественной и политической жизни, многие из них занимали высокие государственные посты и должности. Поэтому глубоко, обстоятельно и детально знают время, о котором пишут.

Тому, кто хочет глубже понять российскую историю последнего времени, её механизмы, людей, которые действительно были творцами истории, мотивы, которые ими двигали, эта книга будет очень полезной и нужной. Хочу сказать спасибо всем, чьими трудами и усилиями она увидела свет.

Наина Иосифовна Ельцина

**Во время митинга Народного фронта Азербайджана.
Среди требований митингующих – решение вопроса экономической
самостоятельности республики, решение проблем Карабаха.
Баку. 1989**

Санкционированный митинг, в котором приняло участие 200 тысяч человек.
Москва. 4 февраля 1990

Манифестация демократических сил. Участники собрались у входа в ЦПКО им. М. Горького и направились к Манежной площади. Москва. 1990

Танки на Красной площади. Москва. 19 августа 1991

У здания Верховного Совета РСФСР состоялся митинг москвичей в поддержку демократии. На балконе Моссовета А. Яковлев. Москва. 1991

**Опустели цеха Димитровградского
коврово-суконного комбината.
Ульяновская область. 1991**

**Простои на Пермском мясокомбинате.
Может остаться без работы обвальщик
Ф. Галкин. Пермь. 1992**

Г. Явлинский и Б. Немцов. Москва. 1992

В Москве открылся первый ресторан системы «фаст фуд» «Макдональдс». Он сможет за день обслуживать до 15 тысяч посетителей. Москва. 1990

Очередь за хлебом. Ярославская область. 1991

А. Собчак в перерыве между заседаниями делегатов Российской партконференции. Москва. 1990

**Благотворительный рок-концерт на Тушинском аэродроме.
На сцене – группа AC/DC. Москва. 28 сентября 1991**

Алла Пугачева и Михаил Жванецкий. Москва. 1992

Показ мод Валентина Юдашкина. Москва. 1992

Председатель Госкомимущества РФ Анатолий Чубайс выступает на пресс-конференции «Народная приватизация: акции, чеки». Москва. 1992

Егор Гайдар во время выступления на седьмом Съезде народных депутатов РФ. Москва. 1992

На Крымском Мосту. Москва.
3 октября 1993

Открытый концерт, посвященный памяти П.И. Чайковского. За дирижерским пультом — М. Растропович. Москва. 1993

У Белого дома. Москва. 4 октября 1993

**4 октября. Штурм Белого дома.
Москва. 1993**

Демонтированные самолеты. Ростовская область. 1993

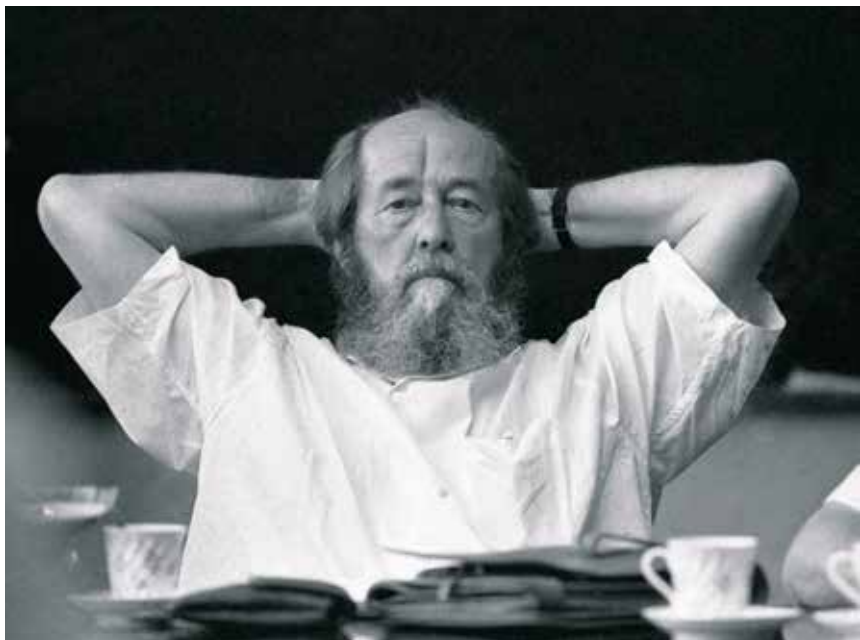
**В аэропорту «Шереметьево-2» во время встречи
Майкла Джексона.** Москва. 1993

Участники многодневного митинга. Грозный. 1994

А. Солженицын в России. Новосибирск. 1994

**С. Мавроди освобожден
из «Матросской тишины».**
Москва. 1994

**Пикетчица у здания
Госдумы.** Москва. 1995

Владислав Листьев во время съемок телепрограммы «Тема». Москва. 1995

**Принцесса Диана во время посещения Тушинской детской больницы.
Москва. 1995**

В центре города. Грозный. 1996

**Освобождение заложников чеченских террористов.
Буденновск. 1995**

После подсчета голосов избирателей на информационном табло в ФИЦ «Выборы-96» высветились данные о том, что Президент России Борис Ельцин увеличил отрыв от кандидата блока народно-патриотических сил Геннадия Зюганова. Москва. 1996

9 августа в Государственном Кремлевском дворце состоялась торжественная церемония официального вступления в должность Президента России Бориса Ельцина. Принятие присяги на верность российской Конституции и стране. Москва. 1996

Визит Президента России Бориса Ельцина в Нью-Йорк для участия в торжественном заседании Генеральной ассамблеи по случаю 50-летия ООН. США. 1995

Президент России Борис Ельцин прибыл в Денвер на встречу глав государств «восьмерки». США. 1997

Встреча глав государств и правительств стран «восьмерки».
Фотография на память на крыше денверской городской библиотеки. США. 1997

Филевский парк. Презентация новой лицензионной видеокolleкции программы
«Куклы». Москва. 1997

Президент РФ Б.Ельцин встретился в Кремле с десятью крупнейшими промышленниками и банкирами России: М.Фридманом («Альфа-групп»), В.Потаниным («Интеррос»), А.Смоленским («СБС-Агро»), Р.Вяхиревым (РАО «Газпром»),

А.Чубайсом (РАО «ЕЭС России»), В.Алекперовым (НК «Лукойл»), В.Богдановым (НК «Сургутнефтегаз»), В.Гусинским («Медиа-Мост»), М.Ходорковским («Роспром-Юкос»), В.Малкиным («Российский кредит»). Москва. 1998

Начавшаяся довольно мирно студенческая акция протеста, во второй половине дня переросла в стычку с правоохранительными органами. Москва. 1998

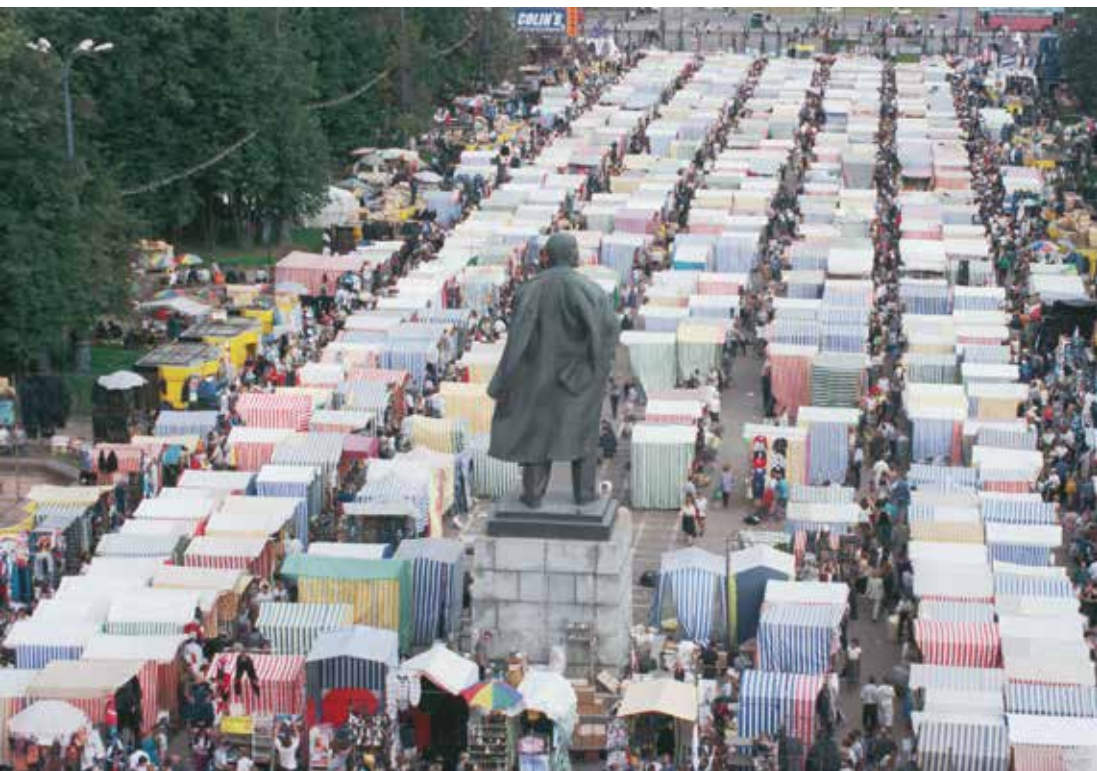

Приметы прошлого на свалке истории. Республика Коми. 1998

Хрусталь и стекло завода «Красный май» – зарплата сотрудникам натурой.
Трасса Москва – Санкт-Петербург. 1998

Рынок на территории Лужников не только одевает и дает возможность зарабатывать многим людям, но и финансирует реконструкцию главной спортивной арены.
Москва. 1997

Официальная передача власти от Бориса Ельцина Владимиру Путину.
Москва. 1999

9 сентября прогремел мощный взрыв в девятиэтажном жилом доме на улице Гурьянова. Погибли 21 человек, более 150 пострадали. На месте трагедии работают спасатели. Москва. 1999

У пункта обмена валюты москвичи следят за изменением курса рубля.
Москва. 1998

На съемках фильма А.Балабанова «Брат-2». Москва. 1999

Главные редакторы изданий, входящих в холдинг «Медиа-Мост» Евгений Киселев и Сергей Пархоменко обратились к первому Президенту России с просьбой о встрече. Москва. 2000

РАЗДЕЛ 1

Конструируя новое государство

БУРБУЛИС Геннадий Эдуардович,
Президент фонда «Стратегия»

Культура памяти как основа конституционного консенсуса

Российские власть и общество опять оказались на перепутье, безуспешно пытаясь определить вектор своего развития в новейшей истории в условиях размытости, неосознанности и концептуально-практической неопределенности мировоззренческих оснований собственного национального бытия в современности. Поиски таких оснований то в советском тоталитарном прошлом, то в царско-имперском прошлом — признак болезненного исторического беспамятства. Мы видим нарастание политико-правового аутизма и у власти, и у общества, разрыв их естественно-правовых и морально-духовных связей. Всё это исключает диалог и взаимооткрытость, необходимых как для формирования консенсусного понимания государственно-общеполитических проблем страны и повседневных жизнедеятельностных задач и нужд людей, так и для поиска путей их решения. Страна стоит перед угрозой коммуникационного паралича общества и власти, признаки наступления которого все очевидней и за которым проступает патологическое состояние «войны всех против всех».

Именно гуманитарно-правовые, мирокультурные жизненно-практические и индивидуально-личностные ценностные ориентации являются не только основанием государственной, экономической и общественной деятельности, но и залогом ее научно-исторической обоснованности, глобальности и, в конечном счете, успешности и конкурентоспособности. Говоря политософски, без опоры на ценности человеческой жизни, истины, добра, красоты, блага, пользы невозможны акты целеполагания и основанные на них социально-политические и гуманитарно-правовые стратегии. Благодаря гармоничной системе нравственно-духовных ценностей человек способен к стратегическому планированию и к активному преобразованию государственно-политической сферы, к реформации жизненного мира и социально-экономического уклада. ***Именно на основе общности личностных систем ценностей, а не только руководствуясь загадочной гениальной интуицией,***

Ельцин принимал свои знаменитые кадровые решения — создавал команды реформаторов, отдавал предпочтение тем или иным государственным деятелям, оценивал и выбирал политиков и соратников. Ельцин дорожил наличием ценностного стержня в человеке и отторгал как «бесхребетность», так и излишнюю жесткость — эти две опасных крайности в характере людей. Нравственно-ценностное человеческое измерение, включающее в себя гуманитарно-технологические механизмы целеполагания и регулятивы поведения, — это необходимое условие жизнестворчества и миротворения.

Человек творит во имя каких-то истинных ценностей, что-то отрицая и что-то утверждая, — такова политософская сущность человека. Комплексная аксиологическая система функционирующих в обществе гуманитарных ценностей определяет процесс социализации личности, способы ее достойной жизни среди людей, в родной стране и в современном мире. Процесс социализации — это усвоение жизненных ценностей не только через воспитание и образование, через институты семьи и школы, но и через личный пример лидера, когда образ главы государства является определяющим для современников, что особенно свойственно российской истории, где характер руководителя страны всегда накладывал существенный отпечаток на суть и стиль эпохи. Можно констатировать, что гуманитарно-правовые и нравственно-духовные ценности играли исключительно важную роль в становлении Эпохи Ельцина, определяя индивидуальную логику свободного выбора, удерживая «догражданское», слабо структурированное общество переходного периода от соскальзывания во враждебное противостояние, создавая условия для формирования нового общественного договора. Основанием системы ценностей, воплотившейся в ельцинской Конституции, является человеческое достоинство как сущность феномена Эпохи Ельцина и личности первого Президента России — таков обобщенный вывод, концептуальный итог конференции, который содержится в мировоззренческой рефлексии базовых докладов и выступлений, выявляющих, по существу, аксиологическое содержание феноменологии Ельцинской Эпохи.

Личностное миротворчество Бориса Ельцина — это выдающийся исторический пример индивидуального преодоления самых трагических и тяжелых для экзистенциального мироощущения человека граней духовного кризиса и выхода в новое ценностно-практическое измерение. Ведь гражданско-поколенческой сутью кризиса было характерное для СССР расхождение официально декларируемых и реально действующих в обществе ценностей. Личным социально-онтологическим опытом переживания «пограничных состояний», порождаемых подобными явлениями, стала для Бориса Николаевича гуманитарно-правовая стратегия. Разрешение ценностного кризиса, поразившего страну, началось с Беловежского консенсуса в декабре 1991 года и было закреплено в ло-

гике движения к Конституционному консенсусу, отправной точкой которого послужило принятие ельцинской Конституции, но к которому общество и государство, страна в целом не пришли и поныне.

Знаменательно, что интеллектуальными и духовно-практическими усилиями участников конференции было осуществлено рефлексивно-аксиологическое проникновение в ценностные глубины коллективного исторического творчества в той его сущности, в какой оно содержательно проявило себя в Эпоху Ельцина. Это была Эпоха переоценки ценностей, когда был вынесен моральный приговор амбивалентным и потому лживым советско-тоталитарным имперским ценностям и дан гуманитарно-правовой импульс рождения новым системам ценностей Новой России как матрице собственного, российского опыта реализации достойной человеческой жизни. Тем самым были раскрыты такие фундаментальные черты ельцинского правления, как *поразительно бережное, толерантно ответственное отношение Бориса Николаевича к свободе слова и прессы, свободе совести и вероисповедания, как способность власти слышать время и ощущать жизненную необходимость перемен, как активно-деятельностное понимание значения феномена собственности в качестве человеческого измерения экономических реформ, как определяющая роль конституционного мировоззрения для формирования в обществе консенсуса и национального согласия, и, наконец, как внешнеполитическая концептуализация новой геополитической цели страны в рамках конструктивно-созидательного миротворческого проекта «Большая Европа», проекта новой единой мирокультурной панъевропейской гуманитарно-технотронной цивилизации. Открытие аксиологического измерения Эпохи Ельцина — это главное концептуальное событие конференции, тот самый смысловой успех, который я предлагаю коллегам и соратникам по научно-историческому осмыслению новейшей истории России всесторонне развивать и поддерживать в различных проектных и институциональных формах.*

Именно в этом ценностном измерении феномен Эпохи Ельцина сущностно включается в контекст многовековой истории России. Это эпоха историко-смыслового выбора народа на перекрестках путей от советской империи как наследницы российского империализма и деспотизма к Конституционной Свободной России, от монополии и диктатуры самодержавия и государства-партии к мировоззренческому плюрализму, автономии и самоуправлению, к сотворческой, гуманитарно-развивающей политической конкуренции.

Развитие гуманитарно-политической ситуации в стране и мире все больше показывает научно-историческую правоту сформулированного тренда. Коллективный антикризисный опыт гуманитарно-правового творчества и нового типа лидерства Бориса Ельцина и его соратников все более актуален и востребован в мировой и внутривнутриполитической современности, проходящей критическую точку глубокой и системной ценностной реформации.

Важнейшими особенностями современного периода являются:

- глобализация не только экономики, включая такие ее негативные стороны, как мировой финансовый кризис, но и национальных освободительных движений, ратующих за избавление от тоталитарных и авторитарных, несменяемых режимов и переход к реальной демократии;

- выработка и реализация международных гуманитарно-правовых стандартов демократии и социального развития;

- рост актуальности и действенности, ролевого значения духовно-нравственных мирокультурных и социально-ценностных оснований человеческого бытия в политической реальности и в общей структуре качества жизни;

- понимание важности осуществления жизненно необходимых преобразований в конституционном русле гуманитарно-правового развития;

- раскрытие институтов государственности, гражданского общества и экономики, прежде всего как сфер человеческой деятельности, фундаментально и повседневно ориентированной на идеалы, нормы, ценности и цели.

Устойчивое, бескризисное вступление в наступающую Эпоху («Мир-Систему», Валлерстайн) более невозможно без гуманитарно-правового развития, без расширения зоны действия культуры мира, без формирования новых гуманитарных и мирокультурных технологий и практик. **Эпоха Бориса Ельцина — предвестие и зачин Новой мирокультурной, гуманитарно-правовой эпохи.**

Эпоха — это раскрытие смысла истории прежде всего через феномены субъекта, гения истории. Как мышление является упорядоченным потоком смыслов, так и история находит свое отражение в эпохальных личностях. Личность Бориса Ельцина — это уникальность человеческого прорыва к свободе в ситуации невероятно жестких структурных ограничений личностного бытия. Когда личность заблокирована внешними обстоятельствами в своем естественном пространственном развитии (в смысле движения в среде собственного жизненно-психологического, а также гуманитарно-правового, социокультурного и гражданско-государственного пространства), то ей остается почти фантастический шанс развития как бы в надпространственном, внепространственном измерении, во времени человеческого бытия, то есть в культурно-смысловой, политософской сфере. Именно этот путь политософской антропологии первопроходцем прошел Борис Николаевич Ельцин — сложный путь от функционера советской эпохи, которому искусственно организовали политическую смерть, до личностного воскресения в новом гуманитарно-правовом демократическом пространстве. Это был путь страдания, переосмысления и выхода в новое качество понимания времени человеческого бытия и ощущения пульса эпохи — путь, который способствовал острому осознанию несовременности страны и

порождал желание привести ее к движению в ногу со временем. Этот личный опыт Ельцина лежит в основании его эпохи как методологии социального творчества масс, огромного повседневно-естественного движения людей, сообществ, народов. Прежде чем революционно изменить Россию, Борис Ельцин изменил себя, показав невиданный пример власти над самим собой. **Эпоха Ельцина — это качественный духовно-исторический процесс, главным содержанием и достижением которого стал мировоззренческий переворот в сознании людей и, как следствие, фундаментальная трансформация общественно-государственного строя России на основе ценностей прав и свобод человека, верховенства права.**

Судьба России — исторически развивающаяся система жизненно-практических ценностей, определяющих, в конечном счете, человеческое измерение и качественное состояние общественно-государственного и социально-экономического строя, формирующихся в реальном времени человеческого бытия, в повседневном гуманитарно-правовом пространстве «Человек-Власть-Свобода» и транслируемых через межпоколенческий диалог.

Важнейший вклад Бориса Николаевича Ельцина в судьбу России, в культуру памяти российской цивилизации выражается в духовно-практическом единстве четырех стратегий.

Во-первых, это стратегия гуманитарно-правового миротворчества. Она вырабатывалась на всем протяжении его тернистого политического пути, в том числе и примером его личного поведения. Как лидер страны Борис Ельцин всегда следовал ценностям верховенства права, даже когда это не было им самим внятно артикулировано. Он прошел через горнило выборов и референдумов:

- не вписавшийся в рамки партийного обезличивания и подвергнутый правящей элитой остракизму, Борис Николаевич 26 марта 1989 года, на самых честных выборах в истории страны, был избран народным депутатом СССР по национально-территориальному округу № 1 большинством голосов москвичей;

- не набрав достаточного количества голосов «агрессивно-послушного большинства» Съезда, он становится членом Верховного Совета СССР благодаря усилиям хотя и небольшой по численности, но обладавшей обостренным чувством времени активной оппозиции и одновременно — одним из руководителей Межрегиональной депутатской группы;

- 16 мая 1990 года Ельцин избирается народным депутатом РСФСР от Свердловской области и 29 мая 1990 года, после мучительной борьбы за голоса на российском I Съезде народных депутатов — Председателем Верховного Совета РСФСР;

- после положительного итога **Всероссийского референдума о введении поста Президента РСФСР**, на выборах 12 июня 1991 года он одержал убедительную победу и стал Президентом РСФСР;

- по результатам всероссийского референдума, который проводился 25 апреля 1993 года по четырем вопросам — о доверии президенту Ельцину, об одобрении его социально-экономической политики, о досрочных выборах президента и о досрочных выборах народных депутатов, Борис Ельцин получил дополнительный вотум доверия россиян;
- по итогам выборов 1996 года он вновь был избран Президентом России.

Во-вторых, это первая в мировой истории успешная стратегия ненасильственной реализации неизбежного исторического распада огромной тоталитарной милитаризованной империи. Эта стратегия осуществлена в политической форме Беловежского консенсуса, которая была принята Ельциным после сложнейшего и тонкого гуманитарно-правового маневрирования в условиях структурно-политических ограничений, связанных с действиями мощных сил реакции и консерватизма. До Беловежского консенсуса насилие в подобных случаях, включая войны и сопровождавшие их гуманитарные катастрофы, было «повиальной бабкой истории». Беловежский консенсус — это новое начало («точка бифуркации») и новое качество многотысячелетней мировой истории человечества, в которой глобальные изменения происходят в конструктивно-созидательной, эволюционно-правовой форме. В этом его непреходящая и всемирно-историческая общечеловеческая ценность, которую еще предстоит постигать, создавая новую культуру памяти, адекватную вызовам и угрозам современности, соответствующую рискам становления единой гуманитарно-правовой цивилизации.

В-третьих, это перспективная для будущего международной дипломатии и геополитики инновационная стратегия отказа новых независимых государств от ядерного оружия и соответствующего статуса «ядерных держав». Без этой фундаментальной стратегии человечество будет и далее пребывать в смертельно опасном тупике, чреватом самоуничтожением в результате неизбежного (технократически случайного или целенаправленного) перехода ядерного потенциала в реальном времени в актуальное состояние. В выработке и реализации этой стратегии решающую роль сыграли гуманитарно-правовой авторитет Ельцина и способность его соратников организовать содержательно соответствовавшее ему внешнеполитическое направление новой российской государственности.

В-четвертых, это стратегия формирования Конституционного консенсуса как методологической основы нравственно-духовного и гуманитарно-правового развития России — каждого конкретного человека, каждого российского гражданина, общества и государства, страны в целом. Фундамент и политософскую логику этого развития Борис Николаевич Ельцин заложил, обеспечив разработку и принятие в 1993 году Конституции Российской Федерации, но мучительные поиски ме-

ханизмов ее прямого действия продолжают. И если они до сих пор не найдены, причиной этого, на мой взгляд, является в первую очередь то, что выработка таких механизмов тесно связана с формированием у граждан страны, прежде всего у молодого поколения, конституционного мировоззрения, базовые ценности которого прописаны во второй главе Конституции.

Вводя понятие «**конституционное мировоззрение**», я исхожу из того, что традиционные общепринятые определения «основной закон», «главный политико-правовой документ» и некоторые другие говорят о том, что исторически и актуально *конституция — это всегда нечто большее, чем нормы права*. Одновременно это всегда и *набор ориентиров*, организующих жизнь государства, общества и человека, и содержательная *система ценностно-смысловых координат* взаимосвязи Человека, Власти и Свободы, то есть это система базовых ценностей. Именно на этой основе я считаю правомерным и необходимым осмысление мировоззренческой специфики Конституции в единстве ее политико-правового и нравственно-культурного содержания, выражающего настоящее и будущее гуманитарно-правовой стратегии России. Сегодня страна нуждается в политософском осмыслении концепции Конституции, ее структуры и, самое главное, ее духа, под которым я понимаю совокупность базовых жизненных ценностей, имеющих долговременное культурно-историческое и социально-гуманитарное значение.

В этом году исполняется 20 лет действующей Конституции Российской Федерации, и наш долг — приложить все усилия к тому, чтобы этот юбилей стал импульсом к ее практическому освоению. В этом плане **стратегия Конституционного консенсуса**, заложенная деятельностью Бориса Николаевича Ельцина, может и должна быть преемственно закреплена и воплощена в широкой программе комплексного солидарного, толерантно-ответственного сотрудничества всех активных, целеустремленных, креативных людей современного российского общества. Речь идет о мировоззренческой и практической **платформе** широкого полисубъектного движения, в результате многопрофильной деятельности которого может и должен сложиться реальный **конституционный консенсус**. Платформа Конституционного консенсуса позволит:

- осуществить качественный *научный анализ предмета* Конституционного консенсуса;
- разработать действенную *образовательно-издательскую программу* и конкретный план того, как разворачивать эту работу в школах, лицеях, гимназиях, колледжах и высших учебных заведениях,
- создать различные *конституционно-образовательные модули* для взрослого населения с учетом специфики жизненных проблем и конфликтных ситуаций,
- сформировать конкретный план различных социально-развивающих, то есть собственно *политософских практик*.

Один из способов формирования Конституционного консенсуса — проведение Фондом «Президентский центр Б. Н. Ельцина» совместно с Гуманитарным и политологическим центром «Стратегия» ежегодного Всероссийского конкурса научных теоретических работ и практических проектов студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов разных сфер жизнедеятельности. Название конкурса «Борис Ельцин — Новая Россия — Мир», и в этом году его тематика сконцентрирована именно вокруг стратегии Конституционного консенсуса, этого выдающегося наследия ельцинской политики.

В этом смысле Эпоха Ельцина продолжается. Президент Ельцин (1994—1999 гг.), надо признать, воспринимается как бы «меньше» созданной им Эпохи, и в этом есть часть нашей вины — его соратников. Тем важнее восстановить ельцинскую гуманитарно-правовую духовность, соответствующую историческому размаху маятника этой эпохи — от Беловежского консенсуса к Конституционному консенсусу, и не последнее место здесь принадлежит культуре памяти.

Культура памяти — это инновационное политософское понятие, обозначающее единое методологическое основание, внутреннюю связь и взаимообусловленность всех форм свободной и толерантно ответственной человеческой деятельности по формированию нравственно ориентированных правовой государственности, гражданского общества, эффективной экономики. Культура памяти связана с овладением жизненной и политической мудростью, со способностью находить истоки политико-правовой и экономической истории в системе генерации жизненных ценностей и целей, личностных, общественных и государственных мотивов, интересов и действий, определяющих достойное качество жизни человека среди других людей и в современном ему мире.

Государство в истории рождается не в момент его формально-правового провозглашения, и даже не в момент его международно-правового признания, но тогда, когда у него появляется **собственное прошлое**. Когда мы рассуждаем о прошлом нынешней России в историческом смысле, то имеем в виду чаще всего Советский Союз и Российскую империю. Собственного прошлого как научно-исторической фактичности и событийности, как наследия и историко-культурного достояния у Российской Федерации все еще нет. Идет непрерывный провокативный спор об истоках и исторической состоятельности Российской Федерации, в ход пускается множество антиисторических информационно-вирусных конструкций типа «лихие 90-е», «геополитическая катастрофа развала СССР» и т.д., имеющих целью не допустить «затвердевания» фундамента Новой России. Территориальное образование в виде страны, не имеющей собственного прошлого, не имеет и будущего. Если у страны нет устойчивого прошлого, она обречена жить такой порочной формой настоящего, как «жизнь одним

днем», поэтому завтра о ней могут «позаботиться» другие силы, у которых есть и прошлое, и настоящее, и будущее. Кроме того, в силу «непредсказуемости прошлого» в такой стране с каждым новым правлением возникает соблазн «создать новое государство» и стать «отцом нации». Надо показать и утвердить, что это место для страны «Российская Федерация» **занято**.

Поэтому важнейшей, жизненно необходимой для России задачей является сегодня **стабилизация собственного исторического прошлого** — формирование **культуры памяти** — до такого качественного уровня, когда на вопрос об истории нашей страны даже юному школьнику первым делом приходила бы в голову реальная история рождения Российской Федерации с ее демократическими именами, завоеваниями, базовыми документами. Решение этой стратегической задачи ограничит коридор политического волюнтаризма «здесь, теперь и сейчас» и создаст условия для возникновения реального будущего Российской Федерации, преодолевающей реальные и возможные задержки своего развития.

Борис Ельцин тонко чувствовал новые идеи, которые могут изменить направление развития страны, жизнь и личный опыт дали ему неопровержимые доказательства того, что старые идеи устарели, а прежние принципы объединения людей ложны. В отличие от других советских лидеров он не закрывал глаза на факты, свидетельствующие о неэффективности и антигуманности советского строя, следуя в своей деятельности принципу сотрудничества перед лицом опасностей и лишений. Склонный к решительному прорыву к новому (даже из самых невыгодных положений) и выходу на качественно иные уровни жизнетворчества, он был глубоко озабочен размышлениями о реформах, переполнен социальными инновациями и личными гуманитарными открытиями, ему хотелось изменить все вокруг и желательно сразу. При этом он обладал фантастическим организаторским талантом, умело взаимодействовал с любыми людьми и непрестанно совершенствовал общественную и профессиональную политическую жизнь. Но легко сокрушая нормы и авторитеты, внедряя вопреки им принципиально новые подходы и свежие идеи, он был способен не только разрушать старое, но и воплощать в жизнь новое.

Ему был присущ разнообразный спектр способностей, важнейшая из них — собирание оригинального круга друзей-единомышленников. И сегодня соратники Бориса Ельцина ведут активную социально-творческую деятельность, являются «прогрессорами» Новой России на самых различных направлениях ее гуманитарного развития. Мы достраиваем Ельцинское дело Реформации России XX века и выхода российской цивилизации в новое качество, выявляем и утверждаем основания и смыслы миротворческой гуманитарной революции 1990-х, культивируя преемственные идеалы, нормы и ценности в социокультурной и политической реальности начала XXI века.

В культуре нашей памяти Борис Николаевич останется человеком:

- сильным, настойчивым, разносторонне одаренным и испытывающим глубочайшую потребность участвовать в переменах на благо России и человечества;

- осознающим ценность достоинства личности и практически реализующим, жизнеутверждающим эту ценность в политической и гуманитарно-правовой реальности, в личном общении и командной работе;

- ярким, всегда открытым новым идеям и умеющим прокладывать новые пути, если этого требовала логика развития ситуации;

- обладающим колоссальной энергией творчества и интуитивно улавливающим глубоко скрытые отношения между людьми и связи отдельных граней и деталей реальности.

Он не терпел поверхностного вмешательства других в свои дела и стремился лишь к одному — к непредвзятому исследованию истины в процессе практических поисков новых, более совершенных форм политико-экономической жизни, отбрасывая идеи и методы вчерашнего дня, если те противоречат реальности и мешают движению вперед.

Жизнедеятельность Ельцина — это краеугольный камень Новой России, утверждающий конституционный приоритет Личности на жизненно-историческом примере, ее образ в единстве трех политософских ипостасей:

- **Одухотворенной**, ориентированной на высокие нравственные ценности **Власти**;

- **Человека-жизнетворца** в уникальной совокупности его жизненно-политических и нравственно-духовных личностных качеств, связанных воедино **политической мудростью**;

- **Свободы слова, мысли и личности** как воплощенного духа и перво-двигателя российской и мировой политической истории.

АРОН Леон
старший научный сотрудник
Американского института предпринимательства

Моральное обновление страны

Французский поэт, писатель и философ Шарль Пегй писал: «Все начинается с таинства и заканчивается политикой». А самое глубокое среди политико-образующих таинств — это мораль. То есть, в конечном итоге, представление о добре и зле и выбор между ними. На этом основывается идеология политического режима, или убеждения его лидеров, как должна жить их страна, чем вдохновляться и к чему стремиться. И из этого, в свою очередь, произрастают государственные институты. Они как бы опосредованная, окаменевшая государственная мораль. А совокупность институтов — это и есть государственность.

Революции интересны тем, что они отмечают посреднические структуры, на очень короткий исторический миг выворачивая наизнанку моральную сердцевину государственности. И тогда столь редко вспоминаемые, да и то главным образом ритуально, термины «свобода» и «тирания», «достоинство» и «рабство», «справедливость» и «произвол» становятся оперативными понятиями, частью чертежа, строительным материалом новой государственной философии в действии. В такой момент государственность проходит проверку на моральную пригодность. Чем, например, была гласность в последней российской революции, если не безжалостной этической проверкой прошлого и настоящего России, ее идеалов, ее легитимизирующей мифологии?

Конечно, моральное обновление общества, а именно это было базовой целью всех великих современных революций, в конечном итоге является делом самого гражданского общества. Политика здесь нужна в одном, но очень принципиальном аспекте — для создания начального контекста, минимального набора должным образом измененных государственных институтов. Другими словами, она необходима хотя бы на начальной стадии морального обновления государственности, которое, в свою очередь, дает шанс на успех моральному обновлению общества. Вот об этом аспекте деятельности Бориса Николаевича мне бы и хотелось сказать несколько слов, потому что этот аспект, абсолютно ключевой с исторической точки зрения, либо вообще не отме-

чается, либо не вычленяется из других моментов последней российской революции.

Если попробовать определить доминанту, или главное направление морального реформирования российской государственности в эпоху Ельцина, наверное, ее можно обозначить как самоограничение государственной власти. И это, конечно, не случайно. Как показывает история вообще, и история посткоммунизма в частности, в начале перехода от авторитарности к демократии усилия первой правящей элиты ограничивать свою собственную власть чрезвычайно, а может быть, даже в жизненной степени важны. Важны, поскольку такие усилия закладывают основу нарождающегося демократического консенсуса. Лидеры как бы экзистенциально, то есть своей жизнью во власти, проводят черту, через которую исполнительная власть не должна, не может переступить ни в коем случае и никогда. И, конечно же, речь главным образом идет о главе исполнительной власти. Как мне кажется, парадигматическим примером такого личного, морального акта самоограничения является отказ Джорджа Вашингтона от трона и короны, которые ему практически преподносили офицеры континентальной армии после победы в Войне за независимость.

В случае Ельцина я бы выделил шесть центральных моментов самоограничения власти как морального и личностного усилия по оздоровлению российской государственности.

Первый момент: подчинение Конституции и конституционным прерогативам парламента.

С указанной точки зрения здесь, мне кажется, нет равного тому, что произошло в феврале 1994 года, когда национальный парламент, которому едва исполнилось два месяца, в полном соответствии с Конституцией принял закон о полной и безоговорочной амнистии руководителей вооруженного восстания 2–4 октября предыдущего года, а также путчистов августа 1991 года.

Трудно найти случай в истории революций, и уж совсем невозможно в российской истории, когда режим, только что с трудом подавивший восстание, отпустил бы на волю открытых, не раскаявшихся и об этом прямо заявлявших врагов, которые в случае победы почти наверняка казнили бы проигравших. Ельцин, например, знал — я это выяснил, — об обсуждении в Белом доме вопроса о том, как он будет казнен: сразу повешен на Красной площади, или сначала, было такое предложение, провезен в клетке по городам и весям России. И вот эти люди, которые обсуждали все эти детали, были отпущены не только без условий и оговорок, но и без всяких ограничений на участие в национальной и местной политике. При этом многие из них потом стали депутатами Думы и губернаторами. Ельцин, как говорится, рвал и метал — грозился уволить всех, кто выполнил приказ Думы, принял отставку Генерального прокурора, отдал приказ о подготовке проекта указа о повторном

аресте амнистированных, но отступил или не нарушил закон. Есть ли в истории, хочу повториться, пример самоограничения власти, который находился бы в таком колоссальном отрыве от национальной политической культуры? Я думаю, что нет.

Второй момент: отказ от безраздельного контроля государства над законами и судами.

Это стало особенно очевидно после решения Верховного Суда в октябре 1995 года о расширении юрисдикции районных и областных судов. Им давалось право рассматривать решения властей всех уровней с точки зрения их соответствия Конституции.

Одной из самых ярких вех конституционного ограничения государственной власти стал вынесенный в декабре 1999 года оправдательный приговор Санкт-Петербургского городского суда по делу о шпионаже и государственной измене, возбужденному ФСБ против бывшего капитана ВМФ Александра Никитина. Как заметил адвокат Никитина, в истории России это был первый оправдательный приговор по обвинению в государственной измене, выдвинутому секретными службами страны. Необходимо отметить, что защита Никитина базировалась исключительно на конституционных правах, и главным образом речь шла о праве на получение и распространение информации, а также недопущении секретных законов и недопущении того, чтобы законам давалась обратная сила.

Менее заметными, но не менее важными, стали судебные иски отдельных граждан и групп граждан, оспаривавших административные акты федерального и местных правительств — это беспрецедентно для российской истории. Например, решение московского районного суда по иску мэра Владивостока Виктора Черепкова, оспаривавшего акт президента России о его, Черепкова, увольнении. Суд объявил акт президента незаконным, и через двенадцать дней Ельцин подписал указ о восстановлении Черепкова в должности. С 1993 по 1998 год число таких исков граждан против государства возросло с более чем 9 тысяч до 91 тысячи, и в четырех из пяти случаев суды выносили решение в пользу истцов, включая решение Верховного суда по иску более чем 220 тысяч пенсионеров, которые успешно оспорили коэффициент начисления пенсии.

Третий момент: эволюция критериев национального успеха, то есть величия России, от государственно-центричных к общественно-центричным, и соответствующие изменения стратегии достижения успеха.

Что я имею в виду? В политической культуре и истории России величие страны не только определялось величием государства, но было ему абсолютно синонимично. Вот почему государственное строительство и все российские модернизации, за исключением великих реформ Александра II, в итоге сводились к модернизации государства, то есть

к расширению его власти над обществом и усилению эффективности государственных институтов. Напротив, ключевым элементом ельцинской стратегии государственного строительства стала передача прав, полномочий и собственности от государства к обществу. «Первая обязанность государя, — писал великий русский историк Николай Карамзин в меморандуме Александру I, — есть сохранение внутреннего и внешнего единства государства. Забота о благополучии общественных классов и индивидуумов должна быть на втором месте». А вот Ельцин 12 июня 1997 года в обращении к нации в связи с 7-й годовщиной Декларации суверенитета России: «Великая держава — это не горы оружия и бесправные граждане. Великая держава — это самостоятельные и талантливые люди с инициативой. В основе нашего подхода к построению российского государства лежит понимание того, что наша страна начинается с каждого из нас. И единственная мера величия нашей Родины — это в какой степени каждый гражданин России свободен, здоров, образован и счастлив».

Не вдаваясь в подробности того, как реализовывалось новое понимание величия страны, хочу заметить одно: Ельцин решил или попытался решить один из так называемых «проклятых вопросов» или дилемм российской политики. Речь о соотношении внутреннего прогресса страны, благополучия и свободы, с одной стороны, и интересов империи, с другой. Императив сохранения империи практически всегда тормозил или прерывал внутреннюю либерализацию. Так было и с реформами Александра II, замедленными и прерванными подавлением польского восстания 1863–1864 годов, и с хрущевской десталинизацией и с венгерской революцией 1956 года, и с косыгинской реформой, которая практически прекратилась после пражской весны 1968 года. Ельцин, закрепляя во многом импровизированный, вынужденный и тактический отход Горбачева от империи, был, видимо, первым российским руководителем, пытавшимся сознательно и стратегически отделить имперское мышление от российской национальной идеи, а значит и от российской государственности, как воплощения этой идеи.

Четвертый момент: решение еще одной проклятой структурной дилеммы российской государственности — выбор между диктатором и унитарностью, с одной стороны, и демократией и федерализмом, с другой.

Подобно США, Германии или Индии, Россия слишком велика, разнообразна и гетерогенна, чтобы быть одновременно и унитарной, и демократической. В истории страны унитарное государство поддерживалось только авторитарно — через монархию или диктатуру. И, наоборот, региональное самоуправление всегда было частью и, видимо, следствием либерализации или ослабления центра — от земских соборов в начале царствования Ивана Грозного и после его смерти, до земств Александра II и хрущевских Совнархозов. Но радикальная и преднамеренная пере-

дача власти от Москвы к регионам, подлинная федерализация, привела к тому, что в эпоху Ельцина впервые в своей долгой истории Россия стала одновременно и не авторитарной, и целостной.

Два самых важных, но и самых очевидных момента, или аспекта государственного самоограничения я оставил напоследок. Скажу о них вкратце: это ликвидация государственной монополии на экономику и политику. И в том, и в другом случае ельцинская интерпретация сделанного выбора интересна широтой контекста его публичного объяснения, а также явно личностным и моральным характером этого выбора.

Что касается, как тогда говорили, «разгосударствления экономики», здесь я сошлюсь на полный текст одной из самых блестящих речей Ельцина — обращения к Съезду народных депутатов 28 октября 1991 года. Учитывая популярность бесстыдных искажений истории, напомним, что именно после этой речи съезд проголосовал подавляющим большинством голосов (876 — за, 16 — против) за отпуск цен, приватизацию и сокращение бюджетных расходов. Но процитировать я хотел бы не эту речь, а то, что Ельцин сказал два месяца спустя, в обращении к нации 29 декабря 1991 года — за четыре дня до отмены контроля над ценами. Мне кажется, это очень интересно с точки зрения ельцинского понимания колоссально широкого контекста, в который он поместил сугубо экономические, казалось бы, решения.

«С контролируемыми ценами, — сказал Ельцин, — мы оставляем миражи и иллюзии. Сейчас ясно, что коммунистическую утопию построить невозможно. Не Россия оказалась побежденной, а коммунизм. Избавляясь от государственной собственности на экономику, — продолжал Ельцин, — мы избавляемся от милитаризации нашей жизни, от античеловеческой экономической системы, почти полностью посвященной военному строительству. Россия прекращает постоянную подготовку к войне со всем миром. Железный занавес, который отделял Россию почти от всего мира, исчезает навечно».

И последний момент: отступление от государственной монополии на политику, которое началось в эпоху Горбачева, но институционализировалось как народный суверенитет только в эпоху Ельцина.

Здесь, пожалуй, достаточно простого перечисления известных, но порой забываемых фактов. С 1993 по 1999 год в России были проведены два референдума и четыре национальные избирательные кампании. Ни одна из кампаний не вызвала сколь-нибудь серьезных нареканий ни со стороны оппозиции, ни со стороны международных наблюдателей, которые, кстати, имели полный и неограниченный доступ к процессу голосования и подведения результатов выборов. Здесь хочу процитировать сказанное Ельциным через несколько недель после подавления в октябре 1993 года вооруженного мятежа. Сказанное в тот момент, когда был отменен временный запрет на участие в политической жизни всех

леворадикальных и националистических партий, кроме пяти небольших, непосредственно и с оружием в руках участвовавших в конфликте. Вот объяснения Ельцина, опять-таки поставленные в широкий контекст законопослушания, дебольшевизации и народовластия.

«Есть, конечно, соблазн, и президента подталкивают в этом направлении, — сказал он в интервью «Известиям» в ноябре 1993 года, — использовать эту возможность для отсеечения коммунистов и подобных им партий от участия в выборах. Я не думаю, что это было бы правильно. Уж если мы решили строить правовое государство, то мы должны действовать в рамках закона. Открыто криминальные организации могут быть отстранены от выборов. Но совсем другое дело не допускать кандидатов и партии к регистрации и агитацию за них только из-за того, что они против реформ. Если мы пойдем таким путем, то нас практически нельзя будет отличить от большевиков, которые сначала запретили, а потом репрессировали оппозиционные политические движения за их неприятие советской власти. Только суды могут исключать эти силы из политического процесса. Только открытое судебное разбирательство с соблюдением всех юридических процедур может решать, отвечает ли та или иная партия стандартам демократической системы. Если мы говорим о свободном выборе для народа, то давайте создавать условия, чтобы сделать такой выбор действительно свободным».

И, кстати, еще кое-что о свободном выборе, и том, что вытекало из самоограничения государства в политике. Одним из главных следствий этого было снятие государственного контроля над той сферой, без которой национальный выбор или народовластие стали бы беззубой имитацией. Я имею в виду снятие контроля над общественным диалогом, над производством и распространением информации и идей. Так народовластию придается легитимность, поскольку легитимным является только информированный выбор, а не тот, при котором имеет место просто формальное соблюдение принципов голосования. Здесь мы, конечно, говорим о свободе печати и телевидения, и это тоже был глубоко осознанный и личностный выбор Ельцина, сделанный перед лицом жесточайшей каждодневной критики. Я хочу процитировать то, что он сказал о свободе информации после отмены цензуры радикальных оппозиционных газет.

«Свобода принесла интенсивное распространение изданий и телевизионных каналов, многообразие идей и взглядов, — говорил Ельцин. — Так и должно быть. По-настоящему демократическое общество невозможно без свободы слова и печати. Конечно, не всем это нравится. Периодически мы слышим громкие упреки: вы неправильно пишете, вы не так показываете, то, что вы производите, должно быть помягче, поблагодороднее, покрасивее. Короче, нас толкают к наложению определенных запретов на средства массовой информации. А это, как ни крути, уже цензура. Вначале, конечно, это будет ограниченная цен-

зура, потом, как вы сами понимаете, все больше и больше. Мы такое уже видели. Мы знаем, куда все это ведет. Вот почему мы не допустим политической и идеологической цензуры».

Я хочу закончить свое выступление крошечным эпизодом из истории становления самой первой современной республики, самой первой демократии — Соединенных Штатов. Рассказывают, что в Филадельфии, сразу после окончания Конституционного конвента 1787 года, из толпы, окружавшей здание администрации штата Пенсильвания, где проходило заседание, выбежала женщина и спросила Бенджамина Франклина, выходявшего вместе с другими делегатами, какое же государство они придумали для Соединенных Штатов. Франклин ответил: «Это Республика, мадам». И, задумавшись на секунду, добавил: «Если вы сумеете ее удержать». Выбрав самоограничение государственной власти и ее функций как точку опоры, Борис Ельцин попытался своим титаническим моральным выбором заложить фундамент морально обновленной российской государственности. Но удержать ее гораздо сложнее, чем он, как мне кажется, предполагал.

ФИЛАТОВ Сергей Александрович
президент Фонда социально-экономических
и интеллектуальных программ

Основной закон и представительная власть

Чем дальше мы уходим от 1990-х годов, тем лучше виден масштаб фигуры первого президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина. И все яснее становится главное — он поставил Россию на путь демократических и экономических преобразований, он дал России новую Конституцию. А самое существенное, что приоритетом нашей жизни стал человек, его права и свободы, которые, по Конституции, обязано защищать государство. Путь к новой Конституции был непрост, но его этапы, наши дела и мотивы, намеренно или нет, но нередко представляются в искаженном виде. Поэтому необходимо вспомнить, как все происходило в те годы.

Когда состоялся первый Съезд народных депутатов, — а уже тогда были задумки и рыночной экономики, и демократизации страны, и построения нового государства, — мы понимали, что идя на преобразование страны, мы упираемся в старую Конституцию, которая не дает нам возможности ничего сделать. Значит, необходимо было готовить новую. Уже на первом Съезде была создана Конституционная комиссия, которую возглавил Борис Николаевич. Ее секретарем стал Олег Германович Румянцев, очень активный и впоследствии популярный депутат, который отдавал все силы на то, чтобы поставить работу широко, гласно, с пониманием дела, так как существовали вещи непонятные очень многим. И самое главное, что в тот период Конституция начинала создаваться в опоре на основополагающие принципы, и прежде всего, на идеи о правах и свободах человека и гражданина. Когда в 1991 году мы увидели, что реформы тормозятся, было принято решение сосредоточить всю исполнительную власть в руках президента.

Президентом был избран Борис Николаевич. А после ГКЧП уже непосредственно встал вопрос о том, что необходимо проводить экономические реформы. Однако, начиная со 2 января 1992 года, против этих реформ, и персонально против Гайдара, руководство Верховного совета в лице Хасбулатова начало вести активную борьбу.

бу. Под знаком этой борьбы прошел весь 1992 год, и в конце года Гайдара сняли.

Борис Николаевич, конечно, понимал, что старая Конституция, в которую, по разным оценкам, к тому времени уже были внесены шестисот поправок, постепенно впитывала в себя и вопросы прав человека, и проблему реконструкции местного самоуправления, и вообще все элементы, сопутствующие демократизации страны. Но президент чувствовал главное — у него нет свободы реформирования страны, возможности защитить правительство реформаторов. Старая Конституция монопольно закрепляла всю власть за Съездом и Верховным Советом: они могли объявить импичмент президенту, отправить в отставку правительство, и самостоятельно, никому не передавая эти возможности, провести референдум. Все, что касалось компетенции в пределах Российской Федерации, принадлежало Съезду народных депутатов. Президент осознавал «сжатость» своего состояния — после VII-го съезда, когда был снят Гайдар, VIII-й и IX-й съезды прошли уже под знаком импичмента. То есть все силы были направлены на то, чтобы теперь убрать его.

Мы все понимали, что соотношение политических сил на Съезде не в нашу пользу. Однако с помощью Конституционного суда нам удалось найти согласованные решения, предоставлявшие возможность перехода к новой Конституции. При этом Конституция, создававшаяся под председательством Бориса Николаевича, не имела никаких шансов быть принятой на Съезде в необходимом для реформ виде. Сначала принятие новой Конституции тормозили реакционные силы, затем тормозить ее стали мы, поскольку ее проект уже не соответствовал государственному устройству, включавшему главный принцип демократии — разделение властей.

После того, как на IX-м съезде попытка импичмента провалилась — не хватило 62 или 65 голосов — мы пришли к референдуму, который и был проведен в апреле 1993 года. Этот референдум показал истинное соотношение сил в обществе. На всенародное обсуждение были вынесены вопросы: «Доверяете ли вы президенту?», «Доверяете ли вы экономическим реформам Гайдара?», «Нужно ли проводить досрочные выборы президента?», «Нужно ли проводить досрочные выборы Верховного совета?». И люди ответили тремя «да» и одним «нет». Стало совершенно очевидно, что население полностью поддерживает Ельцина и Гайдара, и их реформы. К сожалению, Конституционный суд принял тогда решение, что итоги референдума не имеют юридической силы, так как тот представляет собой просто опрос общественного мнения.

Но, тем не менее, уже на следующий день, на закрытой встрече с губернаторами, Борис Николаевич поднял вопрос о принятии своего, нового проекта Конституции. И фактически с 29 апреля 1993 года начался новый процесс создания основного закона страны. На этот раз мы предложили президенту проводить обсуждение более широко, ор-

ганизовав Конституционное совещание. Вместе с тем, мы понимали: чтобы принять новую Конституцию, у нас все еще нет юридических средств, потому что президент даже не может назначить референдум. Но мы считали, что, поскольку люди явно поддерживают линию президента и правительства, Съезд народных депутатов не осмелится не принять новую Конституцию.

И вот 5 июня открылось Конституционное совещание, которое состояло из пяти палат: федеральной, региональной, палат политических партий, местного самоуправления и производителей. 12 июля новый проект Конституции был готов, но он все еще был компромиссным, так как нужно было считаться с расстановкой политических сил на Съезде. Проект был одобрен, и мы передали его субъектам Федерации, чтобы они дали свои замечания.

Но здесь руководство Верховного Совета вновь воспользовалось своей монополией на власть. В тот период Верховный Совет своим решением мог отправить в отпуск местные законодательные собрания, не платить им деньги и так далее — все финансирование шло по вертикали законодательных органов. И вот в самый разгар обсуждения проекта Конституции выходит распоряжение Хасбулатова о том, что все законодательные органы субъектов Федерации идут в отпуск. Процесс работы над Конституцией приостанавливался, одновременно с этим в Москве возобновилась активная дискредитация реформ, президента и всего, что с ним было связано. Видимо, все это и навело Бориса Николаевича на мысль, что простыми методами проблему не решить.

И тогда начал готовиться указ № 1400, который, как вы знаете, был опубликован 21 сентября. Первое, что бросалось в глаза: не только распускались Верховный Совет и Съезд, но и самое главное, президент назначал на 12 декабря выборы в Государственную Думу. На мой взгляд, даже при формальном нарушении закона и Конституции, это был все-таки нормальный шаг, который дал возможность сформировать законодательное собрание, соответствовавшее расстановке политических сил в обществе.

Таким образом, встал вопрос о подготовке нового проекта Конституции к его принятию на референдуме. Референдум должен был пройти 12 декабря 1993 года — одновременно с голосованием на выборах в Государственную Думу. Вновь было организовано Конституционное совещание, но теперь оно состояло из двух палат — государственной и общественной. Должен сказать, что структура Конституционного совещания была построена на удивление грамотно. Кроме двух палат, в нее входила рабочая экспертная группа. По предложению Юрия Михайловича Батурина был создан еще и так называемый Конституционный арбитраж, который возглавил академик Кудрявцев. Когда мы заходили в тупик по тем или иным вопросам, президент обращался в Конституционный арбитраж, который разъяснял, как нам из этого тупика

выйти. И это решение не опровергалось уже никем, оно практически было предписанием Конституционному совещанию. Кстати, основополагающих вопросов Арбитражу было задано, по-моему, 14. В Арбитраж входили представители и руководители всех судов — Верховного, Арбитражного, а также специалисты из Института государства и права и других институтов.

Благодаря активной работе всех этих людей, 8 ноября мы представили Борису Николаевичу проект Конституции уже в готовом виде — отшлифованный нашими лингвистами, юристами и прочими командами для того, чтобы президент мог его подписать и представить через прессу народу.

Скажу несколько слов о проекте. На определенном этапе у нас возникли серьезные разногласия по поводу того, из чего должна состоять Конституция. Сергей Сергеевич Алексеев, очень уважаемый и известный вам правовик, который был председателем Комитета по законодательству еще в Верховном Совете СССР, выступал категорически против того, чтобы в Конституции было отражено государственное устройство. Он считал, что Конституция должна, в основном, закреплять права и свободы человека и гражданина, и отражать то, что касается защиты этих прав и свобод. Но, тем не менее, мы посчитали, что на данном этапе Конституция должна быть более полной.

Надо отметить и то, что из текста новой Конституции были устранены все компромиссы, которые содержал проект, выработанный еще первым Конституционным совещанием. Мы создали такую Конституцию, которая давала возможность реально перейти к разделению властей. Было удалено все то, что мешало переходу к справедливому, правовому государству.

Получив проект, Борис Николаевич посмотрел его, и внес 16 своих замечаний. Замечания были как принципиальные, так и непринципиальные, что показывает, насколько внимательно он изучил текст. Напомню, хоть Ельцин и не участвовал в работе групп Конституционного совещания, он каждый день получал подробные отчеты — от Юрия Михайловича Батурина, от меня и от других участников процесса. Несомненно, он «держал руку на пульсе» и понимал, какую Конституцию мы готовим. Все замечания, которые он внес, были опубликованы.

Президент сохранил для себя одно важное право — не для себя, как для Ельцина, а для себя, как для президента страны, у которой законодательное и правовое пространство было в сплошных дырах. У нас было еще только несколько сотен законов, когда их требовались тысячи. Поэтому президент сохранял право издавать нормативные указы с тем, чтобы иногда, опережая наших законодателей, с помощью этих документов регулировать важные сферы. Но в каждом указе Борис Николаевич обязательно писал, что указ действует до принятия соответствующего федерального закона. Это очень важно.

И вот Конституция была принята. Какие важные идеи были в нее заложены?

Конечно, основные главы были посвящены правам и свободам человека и гражданина, а также основам конституционного строя. Эта часть — незыблемая. Вместе с тем нас сильно беспокоило то, чтобы возможности быстро вносить изменения в текст Конституции в целом были закрыты. Перед нашими глазами стояли недавние примеры — можно припомнить немало анекдотов про то, как на Съезде народных депутатов изменялась прежняя Конституция. По-моему, мы пять раз переголосовывали решение о том, как назвать страну: «Российская Федерация — Россия», или «Россия — Российская Федерация». Причем, один раз побеждали одни, а на следующем голосовании — уже другие. Потом первые объявляли бойкот, уходили — опять побеждали вторые. Например, семь раз мы голосовали за то, чтобы Ленинград переименовать в Санкт-Петербург, хотя это было абсолютно техническое голосование, потому что город сам себя переименовывал. Но, поскольку он был отдельно указан в Конституции, его название необходимо было из нее убирать. Ну, и так далее.

Поэтому мы сделали так, что основные положения Конституции изменяться не могут. Они могут быть только приняты вновь, так же, как новая Конституция — либо Конституционным совещанием, либо Конституционным собранием, либо референдумом. В остальные положения изменения вносятся проще, но и здесь был повешен приличный «замок» — для этого необходимы не только 2/3 голосов Государственной Думы, но и 3/4 голосов Совета Федерации. Более того, за внесение изменений должны высказаться не менее 2/3 регионов страны.

И последнее, что я хотел бы подчеркнуть. Для нас было очень важно, чтобы Конституция была компактной — скажем так, отмечала все основные положения. При этом определенные детали можно было бы менять и уточнять, не изменяя саму Конституцию, а принимая те или иные законы. Поэтому в основном законе страны, например, по социально-экономическим вопросам имеются 52 ссылки на различные законы, которые можно изменять с учетом ситуации, не меняя при этом основополагающие вещи. Также было введено понятие «конституционный закон» — то есть закон, статус которого равен статусу Конституции. И в самой Конституции есть 14 ссылок на законы, которые Федеральное собрание должно будет принять. Напомню, когда создавали Конституцию, таких законов еще не было, их принимали потом — в течение многих лет.

Вот, если вкратце, каким был процесс, начатый по инициативе Бориса Николаевича и проходивший в тяжелейшей борьбе.

САТАРОВ Георгий Александрович
президент Фонда «Индем»

Уроки институциональных реформ

Вообще я приравниваю ту трансформацию, которая происходила в 1990-е годы, к тому, что делал Александр II. За всю историю России это были две серьезные и во многом успешные попытки именно институциональных реформ, в отличие от всех остальных, которые, в общем-то, были техническими — военными или какими-то еще.

Я хочу сказать о четырех вещах. Первое: в чем заключались главные ошибки этих реформ. Второе: что удалось сделать. Третье: почему удалось это сделать, несмотря на то, что были ошибки. И четвертое: каковы же уроки.

Итак, ошибки.

Две базовые ошибки. Первая — у юристов есть такой термин «легизм». Если я правильно помню, это святая вера в то, что принятые законы немедленно начинают менять жизнь к лучшему. Мы прекрасно знаем, что весь наш двадцатилетний опыт является прямым опровержением этого факта. Но здесь не нужно посыпать голову пеплом, потому что Россия в этом смысле не является исключением. Это связано, кстати, с тем, что понятие института в этой концепции мыслится узко, как формальный институт, как набор норм, описывающий регулирование той или иной сферы отношений. При этом реформы, естественно, понимаются как чисто юридическая проблема — надо принять правильный закон, и тогда наша жизнь сразу изменится к лучшему.

Как я уже сказал, это общая проблема, а не только российская — это проблема модернизационных проектов XX века вообще. Но для России она была связана со своими трагическими индивидуальными особенностями. Дело в том, что вера в могущество писанных норм у нас оптимистичным образом сочеталась с неуважением к закону и с традицией не очень-то ему следовать. Вы помните классическое выражение, что жесткость наших законов компенсируется необязательностью их исполнения. Согласитесь, сочетание чрезвычайно забавное.

Вторая ошибка — как теперь это становится понятным, неточность в определении институциональных приоритетов. На первом месте,

естественно, были политические и экономические реформы. Конечно, осуществлялась гигантская революционная реформа правосудия, но на самом деле реально для верховной власти эта часть трансформации находилась на втором плане. Понятно, что и в других странах, допустим у наших западных соседей, осуществлявших модернизацию, также шла трансформация судебной власти, и она также не находилась на переднем плане. Но и здесь опять была специфика России, и опять трагическая. У них это не находилось на переднем плане, потому что следование закону и то, что судья — это верховный арбитр и так далее, было старой мерзкой капиталистической привычкой. И лозунгом их судебных трансформаций было вернуться к прежнему суду. И они это сделали. А у нас было 70 лет негативного советского опыта, когда, как говорят наши юристы, не было судебной власти, а имелась только судебная функция как вспомогательная функция гигантской карательной машины, где на выходе была штамповка принятых до этого либо партией, либо прокуратурой решений. Плюс, конечно, советское позитивистское сознание, что ты часть этой машины, а не судья-арбитр. И вот отсюда росла эта наша, с советскими корнями, недооценка важной части трансформации.

Теперь — что же удалось.

Первое: на самом деле, после того, как начал работу Съезд народных депутатов России, была, бесспорно, совершена институциональная революция. Было введено в действие огромное число новых институтов — формальных институтов, то есть законов. Но это еще не означало, что заработал социальный институт — этого я коснусь чуть позднее. А сейчас приведу примеры. Прежде всего, совершенно очевидно, это Конституция. Второе: судебная власть, и я об этом говорил. Здесь просто гигантская революция. Дальше: Гражданский кодекс — революция бесспорная. Не могло быть при советской власти Гражданского кодекса, это понятно — как буржуазного пережитка. Это и комплекс экономических законов.

В этом процессе законотворчества есть еще одно очень важное обстоятельство, и мы о нем забываем — здесь колоссальную роль играло общество. Приведу только три примера. Первый — уже упоминавшийся закон «О печати». Он родился не в недрах депутатских фракций, правительства, или администрации. Это была частная гражданская инициатива. Второй пример: закон «Об общественных организациях». Его разработали и предложили Думе Нина Беляева, ее фонд и еще несколько организаций, и Дума его приняла. Третий пример: закон «О защите прав потребителей». Это один из лучших законов, и один из двух законов, в которых у нас записана защита интересов неопределенного круга лиц. И эти законы работали. Но, что чрезвычайно важно, несмотря на то, что мы тогда не оперировали категориями социальных институтов — я себя к «мы» не причисляю, я тогда был абсолютная «табула

раса» — институты через некоторое время начинали работать. И вот это самое поразительное. Самый яркий тому пример — 1998 год: дефолт, финансово-экономический кризис потрясающей глубины, и вслед за этим острейший политический кризис.

Помните, что тогда кричали все политики? «Главное не трогать Конституцию», — кричали они. А куда бегали? В Совет Федерации. Вот остался орган со своей собственной легитимностью, незыблемый, который не может быть затронут парламентомско-правительственным кризисом, потому что так устроена система сдержек и противовесов, система автономности, которая и обеспечивает адаптивную стабильность системы в целом. Вообще-то на этом держится демократия. И, в конце концов, что произошло? Вышли и из того кризиса, и из другого. Не благодаря постановлениям партии и правительства, воле какого-то демиурга, насилию и так далее, а благодаря тихой, незаметной работе институтов. Сработала Конституция, сработали законы, и, как Владимир Рыжков замечательно написал в одной своей статье, всякий раз, когда в России исторически был кризис, формировалось правительство парламентского большинства. Так произошло и в тот раз. И такое правительство приняло первый бездефицитный бюджет. Обратите внимание: что такое бездефицитный бюджет? Это значит урезание социальных гарантий государства. И коммунисты за него проголосовали, потому что это было правительство парламентского большинства.

Вот так работают институты, коллеги, а не воля каких-то гениев. А после этого мы вышли за полтора-два года из экономического кризиса. Сравните это с пророчествами, и внутренними, и внешними, от 1998 года, где нам предрекали задницу еще долго-долго. Это сработал другой институт, который формировали с начала 1990-х — свободная экономика. А ее из задницы вытащил свободный бизнес, которому никто не мешал, и которого сейчас, к сожалению, уже нет. Помните, началось импортозамещение — выгодно производить самим, а не тащить все из-за рубежа. Тут же были задействованы резервные мощности, и пошло-поехало. А почему? Сработали институты.

А почему институты, несмотря на нашу социальную слепоту, начали работать? Благодаря двум факторам. Первый — свобода, потому что только в условиях свободы могут генерироваться новые социальные практики, неформальные нормы, которые имеют потенциал адаптивности к новым формальным институтам. Вне условий свободы это невозможно. И второй фактор — ведь генерируются работающие на новые институты и позитивные, и негативные неформальные нормы и практики, но поэтому должна работать и система отбора, как при любой эволюции. И такая система отбора существовала. Ее существенной частью был как раз Борис Николаевич Ельцин. И это очень важное обстоятельство. Приведу пример, который очень любит мой друг и коллега Михаил Краснов. Когда Павел Грачев отказался идти на суд,

куда его вызвали по его же собственному иску, Борис Николаевич ему строго на это указал. И министр обороны пошел в суд. Вот маленький, крохотный пример, но такие микро-практики, задаваемые властью, и создают восприимчивые обществом фильтры и наши представления об институтах и жизни внутри этих новых институтов, и так далее.

И последнее: каковы же выводы из всего этого?

Четыре урока.

Институт мы обязаны трактовать современным образом, как социальный институт, как тройку, состоящую из формальных норм, неформальных предписаний и условий, в которых они функционируют — я почти дословно цитирую Дугласа Норта.

Очень важно, что эти институты могут работать, только когда есть соответствие между первым, вторым и третьим. Для того чтобы оно возникло, надо проектировать реформы не как юридические, а как социальные.

Надо исправлять институциональные приоритеты. И я, и мои коллеги считаем, что базовым приоритетом является правовая судебная ось.

Как я уже говорил, важно поддержание свободы, как необходимого условия, в котором возможна адаптация не формальных норм и практик, а адаптация общества, сознания граждан к новым институтам. И важно рефлексировать механизмы отбора возникающих разнонаправленных норм и практик. И не только рефлексировать, но и пытаться на них влиять.

МАЛЫШЕВА Ольга Геральдовна
профессор кафедры истории российской государственности
Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Возрождение парламентаризма

Вмноговековой истории российского государства XX столетие оказалось, пожалуй, самым насыщенным событиями разного масштаба — войны, революции, слом старых и возведение новых политических систем и систем государственного управления. И именно в этом веке Россия дважды вступала на тернистый путь построения парламентаризма.

В первый раз, в начале столетия, в Российской империи, во второй — в 1990-е годы, в условиях новой свободной России, мучительно освобождавшейся от наследия тоталитарного прошлого.

В обоих случаях российские реформы политической системы начались со значительным временным отрывом от большинства европейских стран, где завоеванные в ходе буржуазных революций демократические права и свободы уже составляли неотъемлемую часть жизни общества.

В отличие от этих стран Россия в начале XX века оставалась одним из немногих европейских государств, сохранивших абсолютизм — форму правления, характерную для Средневековья. При этом, по наблюдению американского экономиста Пола Грегори: «Темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX — начала XX века. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких как США, Япония и Швеция». Очевидно, что несоответствие между динамичным развитием капитализма и устаревшей политической системой, исключавшей участие представителей бизнеса в государственном управлении в целом и законодательной деятельности в частности, стало на рубеже веков проблемой, которая требовала разрешения.

Не останавливаясь подробно на экономической ситуации в СССР и России, при которой начались политические процессы, приведшие к масштабным политическим реформам, вспомним, что в начале 1991 года Советский Союз неуклонно приближался к банкротству. Резервы быстро уменьшались, внешний долг неуклонно рос и составлял не-

сколько десятков миллиардов долларов. Это было непосильным бременем для страны. В условиях стремительно нарастающего экономического кризиса политическая ситуация в союзных республиках, в том числе и в России, приобретала все более угрожающий характер.

В 1991 году особенно острым стало противостояние союзного центра и его нерешительного руководства с одним из наиболее ярких альтернативных лидеров — Борисом Николаевичем Ельциным, председателем Верховного Совета РСФСР. В июне 1991 года Ельцин, впервые в истории страны, был избран президентом в результате всенародного голосования. И, несомненно, легитимность президента России оказалась на порядок выше легитимности президента СССР, избранного голосами лишь депутатов высшего органа власти Союза. На повестку дня встал вопрос о создании новой политической системы России, важной частью которой стал бы полноценный институт представительной власти.

Несколько слов о политической ситуации, в которой в начале и в конце XX века предпринимались попытки создания представительных институтов с законодательными полномочиями. В обоих случаях политические реформы начались в условиях глубокого политического кризиса. И если в первом случае это была революция 1905—1907 годов, то на рубеже 1980—1990-х это был активный процесс разложения тоталитарной системы, развивавшийся на волне перестройки и гласности, при том, что в союзных республиках одновременно набирали силу национальные движения, которые выдвигали требования суверенитета и отделения от СССР.

В обоих случаях события принимали порой непредсказуемый характер, застигали власть врасплох, и потому ее действия являлись либо попытками разрешить конфликт силовым способом, либо поспешными и не всегда продуманными вынужденными шагами. Так было, например, в ситуации с принятием 12 июня 1990 года Декларации о суверенитете России. Этот документ появился в период действия Конституции СССР 1977 года и явно выходил за пределы правового поля. Разумеется, союзная власть отреагировала на его появление крайне нервно: с решительным осуждением выступил Верховный Совет СССР. Однако этот окрик повис в воздухе, что понятно, если учесть, например, что не Россия начала «парад суверенитетов». С марта по июнь 1990 года аналогичные акты были приняты в Грузии, Литве, Эстонии, Латвии, а позднее — в Узбекистане, Молдавии, Белоруссии и на Украине.

Схожую растерянность демонстрировала власть и в октябре 1905 года — в период крайнего обострения политического конфликта, то есть так называемой Всероссийской октябрьской политической стачки. Тогда, несмотря на устойчивое нежелание продолжать процесс «модернизации», верховная власть была вынуждена сделать шаг по пути трансформации абсолютной монархии в конституционную. Подписание 17 октября 1905 года манифеста «Об усовершенствовании государствен-

ного порядка», даровавшего населению основы гражданских свобод, стало для императора, по его собственному признанию, «страшным решением». Но шаг этот, несомненно вынужденный, был на тот момент единственным способом спасти режим и своего рода компромиссом между сторонниками самодержавия и его противниками.

Хотя император и переживал по поводу того, что обстоятельства оказались сильнее него, ему пришлось поделиться законодательными полномочиями. Он расценивал манифест 17 октября как конституцию, признавая в письме к своему соратнику Трепову: «Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов свершилось неизбежное».

Одним из наиболее важных был вопрос об избирательном законодательстве, от которого напрямую зависел состав депутатского корпуса.

В СССР руководство страны, решившись в 1988 году на изменение закона о выборах, согласилось на упразднение норм представительства, разнярядок для «сбалансированного» формирования депутатского корпуса и на другие демократические новации. При этом было сделано все, чтобы «забронировать» для руководства и его сторонников необходимое число мест в парламенте. Так появились квоты для всесоюзных общественных организаций — КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов. На этом этапе команда Горбачева была не готова играть по иным правилам. Совершенствование избирательного законодательства, направленное на формирование полноправного представительного института, окажется по плечу только властям РСФСР, и только в 1990 году.

Необходимо отметить, что у верховной власти, которая разрабатывает и осуществляет политические реформы, всегда остается возможность сохранить для себя наиболее «льготные» условия, обеспечивающие формирование наиболее «удобного» состава парламента, режима существования политической оппозиции и взаимодействия с ней — современная политическая ситуация яркий тому пример. Но российский президент Ельцин такому соблазну на том этапе не поддался.

Очевидно, что результат политической реформы, проводимой «сверху» — а в части создания представительных институтов она и в начале, и в конце XX столетия была именно такой — в значительной степени зависел от отношения главы государства к этим нововведениям. И оно не было одинаковым.

Николай II раз и навсегда определил свое отношение к создаваемой им Государственной думе как к «нелюбимому дитя» — она стала его вынужденной уступкой обществу, претендовавшему на долю участия в законотворческой деятельности. Президент Ельцин, в свою очередь, не видел политической системы, новой российской государственности, без полноправного представительного органа и четко определил свою позицию по отношению к будущему парламенту. Как написал Борис

Николаевич в «Записках президента», он имел в виду «не разгон съезда, а создание нового, «профессионального» парламента с участием реальных политических партий (в том числе и коммунистов)».

Первому президенту России пришлось принять непростое решение о роспуске Верховного Совета РСФСР. Отдавая себе отчет о возможных последствиях такого шага, он, тем не менее, был тверд и непоколебим в своем решении. «Я распускаю парламент — писал он в «Записках», — не потому, что он мне надоел. Просто настал момент, когда этот Верховный Совет, превратившись в мощнейшую разрушительную силу, стал проявлять угрозу безопасности России. Поэтому на этот шаг придется идти в любом случае». При этом Ельцин позднее признавался: «Мне всегда было важно одно: политическая стабильность, ясность, определенность. ... Не выдержит Россия больше наших драк на съезде, и придет российский новый Сталин, который захочет всю эту интеллигентскую возню с демократией — к ногтю. И я выбрал этот вариант стабилизации».

Здесь следует отметить, что указанным событиям предшествовал затянувшийся конфликт между президентом и российским «парламентом» — так называл Верховный Совет РСФСР его председатель Хасбулатов. При этом, каждая сторона конфликта рассматривала действия другой стороны как мятеж, государственный переворот. Конституционная законность, таким образом, была подорвана с двух сторон и утратила нейтральность.

Попытки достичь согласия не увенчались успехом — кризис стал порождать беспорядки и силовые действия. Сторонники президента организовали блокаду Верховного Совета, а сторонники Верховного Совета предприняли попытки захватить здание мэрии Москвы, один из военных штабов и телецентр «Останкино». Последнее повлекло за собой вмешательство армии и обстрел Дома Советов. В результате предпринятых силовых мер антипрезидентские выступления были подавлены, но те трагические события оставили неизгладимую печать на молодой российской государственности, ясно указав, к каким последствиям могут приводить амбиции политиков, действующих, к тому же, в условиях несовершенства конституционной системы.

В 1993 году результатом затянувшегося противостояния стало и то, что часть депутатов Верховного Совета были арестованы. Но следует отметить, что в истории российского парламентаризма такое случилось не впервые.

В 1906 году часть депутатов первой Государственной думы, не подчинившись императорскому указу о роспуске, подписала «Выборгское воззвание» к избирателям. В нем были призывы путем пассивного сопротивления власти добиваться созыва парламента. И 169 человек, подписавших этот документ, были арестованы, преданы суду и, как государственные преступники, получили сроки тюремного заключе-

ния — от трех до шести месяцев. Единогласно избранный председателем первой Думы Сергей Андреевич Муромцев отбывал срок в Таганской тюрьме. При этом многие из осужденных не просто потеряли работу, а были лишены права заниматься профессиональной деятельностью — преподавательской, адвокатской, судебной. Кроме этого осужденные, в рамках действовавшего законодательства о выборах, были лишены права избираться в органы народного представительства, то есть утратили часть своих политических прав.

Современники считали, что «...в лице подсудимых, составивших Выборгское воззвание и обвинявшихся в участии в его распространении, палата судила первую Государственную думу... Каждый момент процесса показывал, что скамью подсудимых занимает Государственная дума, распадающаяся на связанные партийной дисциплиной фракции и подготавливающая вне зала план действий на суде». По мнению видного юриста того времени, лидера кадетской партии Владимира Кузьмина-Караваева, приговор по делу показал, что судились политические противники за политический акт.

Следует отметить, что в отличие от депутатов начала века, которых власть не только решительно вычеркнула из политической жизни страны, но и заклеила как государственных изменников, представители анти-президентской оппозиции в лице руководителей Верховного Совета РСФСР, проводя какое-то время в «Матросской тишине», вскоре вернулись в большую политику и бизнес, и в этих сферах стали вполне успешными.

Нам, современникам и очевидцам, трудно быть до конца объективными в оценках трагических событий октября 1993 года. Но при этом нельзя забывать о том, что страна не просто оказалась тогда на пороге гражданской войны, она фактически вступила в ее начальную стадию. Войска, обстреливавшие здание Верховного Совета, так же как и его защитники, руководствовались своим пониманием гражданского долга и необходимостью исполнять присягу. И те, и другие защищали Россию. То есть случилось то, что уже было однажды в XX веке, когда произошел раскол на «красных» и «белых», когда «они за Россию, и мы за Россию».

Только политическая воля Бориса Николаевича Ельцина позволила тогда удержаться от соблазна навести порядок «железной рукой», постолыпински, и остановить движение государства по пути в никуда. Гражданская война, начинавшаяся вокруг отдельно взятого здания — «Белого дома» — была пресечена, и пресечена жестоко. Но зато она не расплзлась по стране — и об этом нельзя забывать.

Жесткие, если не жестокие меры, принятые для подавления мятежа, доказали, что президент контролирует положение в стране, что у него имеется кредит доверия большинства населения, что ему подчиняются армия, Министерство безопасности, другие силовые структуры. Это

свидетельствовало о сохранении в России центральной власти, и политическое значение этого было чрезвычайно велико.

Борис Николаевич признавал, что те решения дались ему очень не просто. В последующие годы он неоднократно возвращался к вопросу, можно ли было избежать того «черного октября», и в своих «Записках» даже допускал, что теоретически это было возможно. Но при этом он напоминал, что все «мирные» возможности к тому времени были исчерпаны. Смена руководителя правительства, согласительные комиссии, неудавшийся импичмент показали всю бессмысленность дальнейшего развития конфронтации.

События сентября и начала октября 1993 года создали в стране качественно новую, но вместе с тем и достаточно противоречивую политическую ситуацию.

После подавления вооруженного выступления оппозиции президентское правление (полномочия) оказалось практически ничем не ограничено. Однако почти сразу Борис Ельцин издал Указ о правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации от 7 октября 1993 года, который подтвердил действие на всей территории России законов и постановлений, принятых Верховным Советом и Съездом народных депутатов до 21 сентября 1993 года. При этом было установлено, что до начала работы Федерального собрания правовое регулирование по вопросам, отнесенным к компетенции Съезда и Верховного Совета, осуществляется указами президента. В этот период главой государства были приняты сотни нормативных актов.

Взрыв «президентского» нормотворчества в октябре—ноябре 1993 года напоминает ситуацию начала XX века, когда важнейшие государственные акты принимались в периоды после роспуска очередного созыва Государственной думы. Например, знаменитая столыпинская аграрная реформа была объявлена 9 ноября 1906 года — после того, как была распущена Первая Государственная дума, и перед созывом Второй Государственной думы.

Следует напомнить, что у Ельцина после октябрьского кризиса 1993 года был реальный шанс серьезно расширить свои властные полномочия за счет ограничения их у будущего, пока не созданного парламента. В начале XX столетия именно так и случилось, когда на этапе подготовки к созданию Первой Государственной думы представители правящей элиты «отняли» у нее все, что было можно, до предела сузив ее возможности на законодательном поприще. Но такой вариант Ельцин решительно отверг.

Вместе с тем, президент России осуществил ряд мер по реформированию государственности. Указом о реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации от 9 октября 1993 года были прекращены полномочия Советов

народных депутатов, а Указом от 27 октября утверждены «Основные положения о выборах в представительные органы государственной власти в регионах». Это означало, что в стране была «юридически» ликвидирована советская власть. Одновременно с этим для решения вопроса о конституционной реформе было назначено всенародное голосование (референдум) по проекту новой Конституции, предусматривавшему создание нового законодательного института — Государственной думы. 10 ноября этот проект был опубликован. В итоге всеми перечисленными действиями была фактически завершена радикальная ломка существовавшего с 1917 года государственно-политического строя.

В Государственной думе, выборы в которую состоялись в декабре 1993 года, расстановка политических сил оказалась очевидно «неудобной» для верховной власти. По результатам голосования лидером стала Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского, получившая 22,7% голосов. Пропрезидентский «Выбор России», которому прочили победу, набрал 15,4%, Компартия — 12,4%, «Женщины России» — 8,1%, Аграрная партия — 7,9%, «Яблоко» — 7,8%, «Партия российского единства и согласия» — 6,8%, Демократическая партия России — 5,5%.

Жириновский выступал в ходе избирательной кампании как талантливый демагог — призывал к восстановлению СССР, использовал националистическую риторику и говорил то, что хотели слышать многие граждане страны: нужен порядок, Россия должна гордиться своим прошлым, русские не должны быть нищими и униженными, не должны зависеть от Запада. В пользу Жириновского сработало и то, что ЛДПР не была вовлечена в трагические события начала октября 1993 года.

Необходимо также учесть, что серьезное влияние на формирование баланса сил в Думе оказало то обстоятельство, что часть симпатизирующих разным партиям депутатов были избраны по мажоритарному принципу. В результате коммунисты вместе со своими союзниками «аграриями» стали самым большим парламентским блоком. При этом председателем Государственной Думы стал Иван Рыбкин, возглавлявший в Верховном Совете РСФСР фракцию «Коммунисты России», и избранный в Государственную Думу по спискам Аграрной партии.

Однако, несмотря на все это, выборы в Государственную Думу имели огромное стабилизирующее значение. Все сколько-нибудь влиятельные политические силы страны, пройдя через эту процедуру, тем самым, во-первых, признали правомочность и дееспособность Конституции 1993 года, во-вторых — ограничили острую политическую борьбу стенами Государственной Думы, в-третьих — приняли принцип разделения властей и, в частности, роль Государственной Думы как парламента, как органа законодательной власти, и в-четвертых — разрывали с традицией «всевластия Советов». Важным итогом стало также то, что в России на политическую сцену вышли партии. А точнее, начался

трудный и сложный процесс формирования реальной многопартийной системы, который не завершился и по сей день.

Для Президента Ельцина появление первого подлинно многопартийного органа народного представительства стало еще одним, крайне важным этапом строительства новой российской государственности, сопровождавшимся трудным, порой конфликтным диалогом с народными избранниками. Но, тем не менее, таким образом было положено начало наработке совместного опыта созидательной работы нового парламента и первого президента. То есть еще одному витку политической биографии Бориса Николаевича Ельцина.

РЫЖКОВ Владимир Александрович
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Миф о представительной власти

Прекрасный памятник жертвам сталинских репрессий на одной из центральных площадей города. Я считаю, это тоже продолжение дела Бориса Николаевича, потому что для него память о жертвах сталинского террора, открытие архивов, реабилитация были одними из важнейших дел, о которых сегодня упоминается редко. Кроме того, в этом году мы осуществляем большой совместный проект. Четыре партнера — «Фонд Ельцина», радиостанция «Эхо Москвы», газета «Известия» и агентство РИА «Новости» — делают цикл передач «Лихие 90-е или время надежд». Мы рассматриваем один очень важный и неоднозначный аспект: «Путинская эпоха — это, скорее, продолжение ельцинской, или отрицание?» Тоже кстати, тема, заслуживающая очень серьезного осмысления. Сверхзадача нашего цикла — разоблачить многочисленные мифы о 1990-х годах, которые грязными пластами покрывают память о той эпохе. И, к сожалению, в это очень часто вносят свой вклад и лидеры нашей страны, которые сами вышли из 1990-х годов. Да, они не с неба спустились.

Теперь перехожу к одному из сюжетов мифологизации «Лихих 90-х». И это, конечно, мифологизация истории с парламентом. Есть несколько мифов.

Миф первый: Борис Николаевич ненавидел парламентаризм. Это, конечно же, не соответствует действительности, потому что, напомню, первый высший пост в стране, который занял Борис Николаевич, был пост председателя Верховного Совета. Фактически он начал свой путь к вершине с того, что был избран депутатом — в Москве, с феноменальным результатом в 90%. Ельцин не мог быть врагом парламентаризма, потому что он начинал с укрепления именно этого института. Затем он был избран первым в истории России президентом, — и не по его вине, я помню те события, хотя работал тогда не в Москве... Я работал на Алтае, был самым молодым вице-губернатором. Я отвечал за проведение референдума по Конституции...

Так вот. Конфликт с Верховным Советом и Хасбулатовым произошел не по вине Ельцина, я в этом убежден. Я помню, сколько Борис Николаевич сделал попытки пойти на уступки, найти согласие. Но тогда в Совете возобладали линия на противостояние президенту, на подрыв реформ, на жесточайшее противостояние правительству Гайдара. Одной из последних уступок, которую сделал Борис Николаевич, была отставка Гайдара. Поэтому в противостоянии с парламентом не объективно обвинять только Ельцина. Ему такое обвинение может быть предъявлено лишь в меньшей степени, а в большей — консервативному, реакционному большинству Верховного Совета, которое откровенно саботировало все усилия президента и реформаторского правительства.

Второй миф укоренен всюду, и его часто вспоминает Путин: в 1990-е годы якобы не было никакого сотрудничества между президентом и Государственными Думами. Как депутат первой и второй Думы, могу сказать со всей ответственностью: это чушь несусветная. Приведу лишь некоторые факты. Первая Дума приняла 199 федеральных законов, и именно она уже за первые два года сформировала основной корпус современного российского законодательства. Только за один 1995 год — и это на фоне мифического противостояния — были приняты законы «О местном самоуправлении», «О внешнеторговой деятельности», «Об особо охраняемых природных территориях», «О детских пособиях», «Об общественных объединениях», «О поддержке малого бизнеса», «О Центральном банке», «Об основах госслужбы», «О ветеранах», «Об инвалидах», «О Счетной палате», «О ФСБ», «О прокуратуре», «О почтовой связи».

Не хотел бы вас дальше утомлять цифрами, но необходимо проиллюстрировать, насколько миф о тотальном противостоянии парламента, где большинство было не за Бориса Николаевича, вжился в наше сознание.

Вторая Дума приняла уже 558 федеральных законов. Фактически происходил процесс когда указы, которыми первоначально — в 1993–1995 годах — регулировались многие сферы, очень быстро, в течение буквально двух-трех лет, были заменены федеральными законами. И эти федеральные законы были приняты совместно президентом, Советом Федерации и Государственной Думой. И это факт. Как можно сегодня утверждать, что Ельцин был совершенно недоговороспособен?

Точно также существует миф, что в первой Думе, где у блока «Выбор России» не было большинства, и во второй Думе, где не было большинства у «Нашего дома — России» и «Яблока», не удавалось ничего принять. Чушь собачья — принимали практически все. Есть лишь несколько исключений, и самый яркий такой пример — Земельный кодекс. Но нельзя же лишь по одному Земельному кодексу делать вывод

о недоговороспособности Бориса Николаевича и парламента той поры! Здесь я полностью присоединяюсь к Георгию Александровичу Сатарову — институты сложились и работали: институт Госдумы, институт Совета Федерации и институт президента. И между ними было налажено взаимодействие. Кризис 1998 года продемонстрировал их жизнеспособность, когда была найдена фигура Евгения Максимовича Примакова, поддержанная всеми думскими фракциями. Было сформировано правительство парламентского большинства, которое приняло первый в истории новой России бездефицитный бюджет. Этот бюджет готовил «яблочник» Михаил Михайлович Задорнов. А в ЦБ тогда был возвращен Виктор Владимирович Геращенко.

В целом «траекторию» российского парламента можно проследить статистически: с 1993 по 1999 год — подъем. Я имею в виду количество и качество законов, количество согласительных процедур, отклоненных поправок, влияние на бюджет, на Счетную палату, на Центризбирком, на Центральный банк, на утверждение председателя правительства. И, начиная с 2000-го, с приходом Путина — резкий слом тенденции, и затем падение до нынешнего состояния, когда парламент фактически полностью утратил свое влияние. Я проследил это по статистике — на это указывают число отклоненных законопроектов, число согласительных комиссий между Думой и Советом Федерации, число и доля законопроектов, вносимых депутатами и членами Совета Федерации, число комиссий, создаваемых по каким-то событиям. Кстати, сейчас нет ни одной такой комиссии, а, например, во второй Думе их было около сорока. Кроме того, Счетная палата фактически передана от парламента президенту, хотя по Конституции она — парламентский орган. Центризбирком — по закону это на 2/3 парламентский орган, и только на 1/3 президентский — тоже президенту. «Правительственные часы» в Думе превращены в фарс. За последние годы не было проведено ни одного парламентского расследования. Практически исчезли запросы палаты, отдельных депутатов, отдельных фракций. Фактически произошла атрофия парламента как института.

У нас с Михаилом Александровичем Красновым постоянно идут споры. Он, как юрист, считает, что причина этой атрофии в политическом дизайне, в его дефекте. То есть, раз у нас правительство формируется не по итогам парламентских выборов и не подотчетно парламентскому большинству, то атрофия рано или поздно произошла бы. А я, как историк по образованию, склонен недооценивать юридические материи и всегда обращаю внимание на политическую ткань — на мотивы, субъектов, игроков, расклад политических сил и так далее. Давайте посмотрим: Конституция в этой части за прошедшие годы не изменялась, а парламент 1990-х и парламент «нулевых» — это две совершенно разные истории. Это, возможно, аргумент в пользу того, что институциональный дизайн изначально имел огрехи — в этом я согла-

сен с Красновым. Я и сам в 1990-е годы писал о том, что нужно этот дефект устранять. Но, по всей видимости, основную роль здесь все же сыграли политические причины — как в подъеме парламента в 1990-е, так и в его атрофии в «нулевые» годы.

Сегодня парламент не использует даже те ограниченные полномочия, которые ему даны Конституцией. Он их просто добровольно отдал исполнительной власти. То есть тот значительный потенциал, который у него был, сегодня полностью утрачен. И поэтому сегодня вопрос, наверное, нужно ставить так: почему это произошло и существуют ли предпосылки для того, чтобы этот потенциал восстановить — он на самом деле огромный, и сравним с потенциалом, например, французского парламента.

МОРЩАКОВА Тамара Георгиевна
член Совета по развитию гражданского общества
и правам человека при Президенте Российской Федерации,
судья Конституционного Суда в отставке

Так создавалась Конституция

Я хотела бы привести отдельные примеры, которые показывают совершенно правильную конституционную и правовую ориентацию Бориса Николаевича в период конституционных реформ, учитывая, что его часто осуждают за то, что он тогда сделал со страной, «вздыбив» ее. Может быть, именно для того и вздыбил, чтобы она могла выскочить из ямы, в которую мы все попали.

Сначала о Конституционном совещании.

Решение президента о немедленном завершении подготовки проекта Конституции было шагом колоссального политического мужества, свидетельствовавшим о высоком правовом сознании. Ведь в какой обстановке было принято это решение? Когда произошли печальные события после проведения референдума (1993 года), результаты которого, в том числе благодаря решению Конституционного суда, не могли быть воплощены в жизнь в соответствии с волей, выраженной народом. Но мы почему-то это обстоятельство недооцениваем и все время вспоминаем только о том, что к тому моменту уже давно работала Конституционная комиссия. Но эта комиссия в составе высшего законодательного органа (Верховного совета) работала уже несколько лет, а дело с места не двигалось. И нужно было очень серьезное политическое усилие, чтобы самой актуальной задачей стало принятие новой Конституции. И это сделал Борис Николаевич. Наверное, дело было и в том, что у Ельцина были очень хорошие правовые советники, но все равно это было проявление его политической воли.

Значение Конституционного совещания я бы отметила еще с одной точки зрения. Это был первый показательный пример того, как хорошо может сработать гражданское общество. Что такое было это Совещание? С одной стороны, конечно, великое дозволение президента, чтобы такая работа происходила. Но, с другой стороны, Совещание не было каким-то зарегулированным органом, работающим строго в рамках регламента. Оно само создавало идеи, процедуры, и делало выводы. И это мне кажется очень продвинутой классикой деятельности гражданского общества.

Да, результаты деятельности неизбежно попадали к тем, кто отвечал за окончание этой юридической работы, но я думаю, что в нашей истории это был потрясающий урок, и никакие Общественные палаты и президентские советы, действующие ныне, не могут сравниться с тем центром правовой и конституционной мысли, который был создан по воле Бориса Николаевича.

Надо отметить, что в рамках Совещания удалось организовать настоящую мозговую атаку. Причем могу вам рассказать о реакции юристов на эту работу, в том числе и тех, кто работал в составе Совещания — а ведь там были не только юристы. Мы так долго сидели без дела в этой стране, и поверьте, переживали совершенно искренне. Наши правовые познания очень долго никому не были нужны, и вот оказалось, что мы пригодились. Это вызывало очень серьезную, если хотите, профессиональную гордость.

Второй момент, может быть, носит частный характер, но он показывает, как определялось направление работы. Была деталь, о которой наверняка знают все участники Конституционного совещания. Аппарат президента тогда подготовил в качестве руководства к действию и роздал всем работающим на Совещании только один комплект материалов. Что это было? Это были переводы на русский язык всех международно-правовых актов, в которых на первом месте стояли права и свободы людей и принципы организации судебной власти. На самом деле юристы, наверное, не нуждались в таких материалах, но это показывает, из чего исходило руководство страны. А оно встало на единственно правильную позицию: нельзя больше настаивать на дискриминации нашего собственного великого народа в международном сообществе. И эту идею я считаю самой драгоценной среди тех, которые затем были воплощены в Конституции. Именно она придает нашей Конституции большую социальную ценность. Я бы даже сказала, что именно на этой идее был, в конце концов, построен конституционный консенсус, несмотря на то, что позиции разработчиков основного закона во многих вопросах расходились.

О следующем значимом эпизоде хочу напомнить, потому что в нем большая роль принадлежала самому Борису Николаевичу Ельцину. На определенном этапе подготовки проектов Конституции те крупные юристы, к чьим советам прибегал Борис Николаевич, а это как раз был Сергей Сергеевич Алексеев и те, кто впоследствии стал организаторами Центра частного права, сформулировали одну идею. Ее суть: над всеми судами, которые планировалось создать в нашей стране на основе конституционных норм, должен быть поставлен некий высший судебный орган. Был представлен соответствующий проект, согласно которому этот высший орган обладал определенными функциями по отношению ко всем судам, а также был обязан обеспечивать единство в сфере всей судебной деятельности. При этом в его состав входили руководители

судов и еще некоторые ответственные лица, которые должны были быть в него делегированы. Это Высшее судебное присутствие призвано было надзирать за тем, что происходит в судебной системе.

Здесь нужно отметить, что период активной работы над Конституцией совпал с определенным кризисным моментом для Конституционного суда. Напомню, что все судьи Конституционного суда, несмотря на то, что его деятельность была приостановлена, принимали участие в разработке проекта новой Конституции. Им очень доверяли, и все они также входили в состав Конституционного арбитража. Это отдельный вопрос, но он заслуживает особого внимания — каким бы ни было отношение у Бориса Николаевича к решениям КС, как бы он ни был неудовлетворен решением по референдуму, или попытками Суда проверить конституционность его ночного мартовского обращения к народу, он доверял судьям.

Итак, когда появилась идея создания Высшего судебного присутствия, произошло событие, о котором почти никто не знает, поэтому я беру на себя смелость о нем рассказать. Шесть членов Конституционного суда попросили аудиенции у президента Ельцина по единственному вопросу — создания Высшего судебного присутствия. И он почти немедленно нас принял. Мы объясняли ему, не-юристу, как могли, насколько эта идея вредна для независимой судебной власти. Мы исходили из тезиса, что решения такого собрания, являющиеся директивами для всех судов в стране, это нечто несовместимое с тезисом о независимости судебной власти. Мы сидели долго, не один час, и разговаривали с Борисом Николаевичем с глазу на глаз. Конечно, внутренне трепетали, потому что не были уверены, что президент нас услышит, что поймет юридическую сторону вопроса. И ждали его заключительного слова. Но последнее, к счастью, получили именно в том виде, на который могли только надеяться. Он сказал: «Я вас услышал, я вас понял, я понимаю, почему нельзя этого делать». Высшее судебное присутствие не появилось в Конституции. И для меня это знаковое событие, потому что сегодня мы снова возвращаемся к идее Высшего судебного присутствия, за которое ратует председатель Высшего Арбитражного суда. И в нем опять будут состоять председатели и заместители председателей всех судов. Непонятно в какой форме они будут давать указания другим судебным органам. «Не-юрист» Ельцин все понял, а ныне действующие юристы, в том числе и работающие в судебной системе, этого не понимают.

Последнее, что я скажу, имеет целью отвергнуть все то, что с негативными коннотациями напрасно приписывают Борису Николаевичу. Воспользуюсь для этого эпизодом, также имеющим отношение к юридическому анализу. Все помнят указ № 1400. Речь пойдет о «популярном» тезисе о «безосновательной» приостановке деятельности Конституционного суда.

Когда после принятия новой Конституции деятельность КС была приостановлена — так же, как и действие многих законов, — это имело совершенно не то значение, которое пытаются найти. Переходные положения Конституции содержали такие нормы: все акты, действовавшие в Российской Федерации до принятия Конституции, применялись только в той части, в которой не противоречили новой Конституции, в противном случае они и не применялись. Для кого была сформулирована задача не применять противоречащие новой Конституции акты? Мне, как юристу, ясно, что тогда — прежде всего, для правоприменителей.

На самом деле, в тот момент, когда президент опубликовал решение о приостановлении, этого можно было и не делать, потому что того Конституционного суда, который планировалось создать в соответствии с новой Конституцией, в стране не существовало. При этом у «старого» не было ни необходимого количества членов, ни необходимой компетенции, ни соответствующей внутренней структуры. Я скажу даже больше: до того, как была принята новая Конституция, целый ряд членов Конституционного суда написали заявления на имя председателя суда о том, что при наличии соответствующих «старых» конституционных норм они считают возможным участвовать только в процессах, где рассматриваются жалобы граждан на нарушение их прав, потому что на базе «старой» Конституции все остальные вопросы уже решаться не могут. Уже в силу этого внутреннего решения суда, процессы в Конституционном суде до момента одобрения новой Конституции не проходили. И когда Борис Николаевич написал, что до принятия нового закона «О Конституционном суде» деятельность этого суда приостановлена, то была лишь констатация факта, что переходные нормы Конституции уже начали действовать.

Другими словами, я бы не хотела, чтобы на нашем первом президенте лежала вина, которую на него часто возлагают — за то, что он «парализовал конституционное правосудие в стране». Этого не было, фактические обстоятельства были другими. К этому надо добавить и вот что: ни с одной головы судьи Конституционного суда не упал ни единый волос. И это при том, что в нем работали люди, которые бывали в состоянии конфронтации с президентом и выражали несогласие с его действиями, пусть и в присущей их статусу форме. Все они продолжили работать в новом Конституционном суде, и я считаю, что здесь президент также проявил максимальное уважение и понимание правовых принципов. Поэтому я всегда буду сохранять в своем сердце благодарность, и не только человеческую, но и благодарность представителя юридического сообщества, к профессии которого в нашем государстве на первом этапе его становления высшая власть проявляла высокое уважение. Это могло бы быть и моим пожеланием, адресованным действующей власти.

РАЗДЕЛ 2

Создавая новую экономику

АЛЕКСАШЕНКО Сергей Владимирович
директор по макроэкономическим исследованиям
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
член научного совета Московского центра Карнеги

Успехи и неудачи экономической реформы в России

Те, кто помнят последние годы и месяцы экономической истории Советского Союза, понимают, что страна сделала совершенно фантастический шаг вперед, что мы выбрались из экономической пропасти, вырвались из тупика, куда упорно двигались 75 лет. Думаю, споры можно было бы закончить, просто вывесив две большие фотографии: полки московского Елисеевского магазина в октябре 1991 года и теперь. Они наглядным образом могли бы показать, что произошло в стране, и насколько радикальными были произошедшие экономические изменения.

То, что случилось с российской экономикой, безусловно, связано с именем Бориса Николаевича Ельцина. Он взял на себя ответственность и не побоялся пойти по тому пути, куда Михаил Сергеевич Горбачев, к которому я отношусь с глубочайшим уважением, ступить не решился. Горбачев, подойдя к той грани, когда одним своим словом он мог сдвинуть страну в сторону преобразований, так и не смог сделать последний шаг. Сделай он это, и реформы начались бы раньше, и, наверное, издержки были бы меньше. Роль Бориса Николаевича в судьбе реформы российской экономики — историческая, потому что с ней связана его личная судьба, и она была его персональным решением. Когда мы говорим о реформах 1990-х, мы понимаем, что они, при всех их плюсах и минусах, были, наверное, самыми успешными.

Недавно в ходе дискуссии с оппонентами, которые были существенно моложе меня, я обнаружил, что они, например, даже не знали, что в Советском Союзе не было государственной собственности — была общенародная собственность. То есть очевидно, что двигаться вперед без приватизации, и без того, чтобы формализовать государственную собственность было невозможно.

Вместе с тем, я бы не хотел, чтобы при любых обсуждениях звучали только парадные реляции и здравицы в том духе, что реформы 1990-х — это выдающееся достижение, и что все, что было сделано, было

сделано правильно, и не было никаких сомнений. Те, кто сталкивался с Борисом Николаевичем, понимают, что это был человек совершенно неординарный и неоднозначный. Он мог принимать порой самые противоречивые, противоречащие друг другу решения. И не случайно вспоминается его любимое слово «загогулина» — это о ситуациях, когда он мог какими-то своими решениями что-то резко изменить.

Такие «загогулины» в нашей экономической истории, как казалось тогда — в эпоху 1990-х годов, происходили постоянно. Но, тем не менее, в какой бы точке мы не находились — в 1992, 1993, 1995, 1998, в 2000 годах, каждый раз, стоило оглянуться назад, чтобы посмотреть, как же «загогулины» повлияли на ход экономической истории, выяснялось: движение-то идет по прямой. То есть, решения Ельцина удивительным образом не меняли траекторию, общий тренд развития.

Кроме того, говоря о последовательности его шагов, мы должны четко понимать одну вещь. Он, конечно, не был экономистом, и объем его экономических знаний был недостаточным для того, чтобы самостоятельно проводить какую-то экономическую политику. Но, тем не менее, он обладал удивительной интуицией, и был готов разбираться в проблемах. А самое главное, у него была абсолютно уникальная для руководителя способность — умение, готовность и желание делегировать ответственность. Ведь, собственно говоря, реформы 1990-х удались — в широком смысле слова — не только потому, что Борис Николаевич своевременно подписывал правильные указы, которые ему вовремя принесли советники. Все это было не так. В то время что-то сделать мог даже человек, занимающий должность заместителя министра. Если человек понимал, что хочет делать, и мог объяснить это начальнику, в его распоряжении была достаточно широкая свобода полномочий, чтобы полностью реализовать свою идею. Ему не мешали, хотя он и мог, безусловно, сталкиваться с определенным сопротивлением.

Другими словами, реформы — это были не решения одного или двух человек. Реформы — это была команда, не знаю, в двадцать, или сорок человек, вряд ли больше, которые постоянно генерировали какие-то решения. И сопротивляться таким реформам было крайне тяжело, потому что никогда нельзя было понять, с какой стороны следует следующее движение. И в конечном итоге реформа была как развязывание «гордиева узла». Его нельзя было разрубить, его нужно было постоянно разматывать, узелок за узелком. И к этому большому-большому узлу советской экономики, которую, в принципе, нельзя было использовать, как наследие, каждый человек подходил со своей стороны.

То, что Россия получила от Советского Союза, не могло служить фундаментом экономики хотя бы потому, что в той системе не было ответствующих законов. Помню, как весной 1990 года мы с Евгением

Григорьевичем Ясиным практически одновременно напечатали статьи в журналах «Экономика и математические методы» и «Вопросы экономики», где впервые за 60 лет советской истории употребляли слово «налоги». Хотя это смешно звучит, но в Советском Союзе налогов не было — кроме подоходного, который вычитался у всех автоматически, и того, который взимался за бездетность. Предприятия налогов не платили. И нужно было создавать налоговую систему, систему экономического законодательства, начиная с Гражданского кодекса.

Все эти реформы, развязывание узлов, невозможно было совершить в одиночку. Конечно, нельзя этого было сделать и вдвоем — требовалась большая группа людей. И Борис Николаевич сделал, наверное, все для того, чтобы такие люди появились и смогли работать. Собственно говоря, вокруг меня в правительстве атмосфера всегда была такой, что, четко понимая, какие задачи перед собой ставишь, можно было со своей идеей двигаться вперед.

Помимо налоговой системы, про которую я уже говорил, безусловно выдающимся достижением реформ стала новая банковская система. Потому что, и мы очень хорошо это увидели в ходе последнего глобального кризиса, банки действительно являются кровеносной системой любой экономики. Но в наследие от Советского Союза банковской системы мы не получили — она возникла практически с нуля, на очень слабом фундаменте. Хотя сегодня мы, конечно, можем критиковать банковскую систему, называть ее слабой и так далее.

Мне кажется, что впервые с 1917 года в России удалось сделать относительно прозрачный бюджет. Поскольку я был к этому причастен, каждый раз, приезжая в Санкт-Петербург и проходя мимо Храма Спаса-на-Крови, я останавливаюсь у одной из досок с перечислением сделанного Александром II для Государства Российского — у той, что посвящена как раз росписи доходов и расходов бюджета. Это то, что отметили его современники из сделанного им для реформ. Люди старшего возраста помнят, как в Советском Союзе проходили сессии Верховного Совета СССР — в два дня. Заслушивался доклад министра финансов, и тут же принимался бюджет, который затем печатался на трех полосах газет. Конечно, там не было никакой росписи. Когда в 1993 году я пришел в Минфин, то к своему ужасу обнаружил, что бюджет состоит из пяти разных кусочков, а в том законе, который называется «Бюджет», отражен лишь один из них. Остальные четыре, составлявшие в сумме, наверное, 60% от основного, находились в распоряжении министра финансов. По этим четырем кусочкам, естественно, не было никакого отчета ни перед парламентом, ни перед обществом.

Огромнейшее достижение — конвертируемость рубля. Можно много спорить о том, правильно или неправильно, вовремя или нет это было сделано, но тогда всем было понятно, что макроэкономическая стабилизация требовала свободного курсообразования. Россия пошла

даже дальше — достаточно быстро перешла к практически полной конвертируемости рубля. И когда в начале 1996 года нас ругали за то, что мы разрешили нерезидентам официально работать на рынке ГКО, никто просто не хотел принять во внимание тот факт, что к декабрю 1995 года нерезидентам уже принадлежало 20% рынка ГКО. Тем не менее, страна де-факто получила конвертируемую валюту, что, помимо прочего, дало людям понимание, что они живут в стране, связанной со всем миром, и что теперь на заработанные доходы они могут поехать за границу, купить импортные товары. Эту бытовую сторону конвертируемости рубля мы получили достаточно быстро — уже в самом начале реформы.

Последний пункт в моем списке, но не последний по значимости — приватизация. Я уже кое-что говорил про общенародную собственность. Надо отметить, что первоначальное распределение собственности никогда не бывает справедливым. В книге Владимира Мау есть хорошая история о том, как было проведено распределение ирландских земель при Кромвеле: за месяц до начала войны против Ирландии Кромвель раздал ваучеры на ирландскую землю солдатам своей армии, потому что платить им у него не было денег. За неделю до начала войны все ваучеры уже были сосредоточены в руках семи семей. Мировая история удивительно однообразна, в ней можно найти все! Следует также учитывать, что для нас приватизация и появление частных собственников — людей, заинтересованных в развитии бизнеса, — это то, чего Россия не видела, наверное, с конца 1920-х годов. Конечно, это наиважнейший исторический «фундамент», сломать который безумно тяжело. Хотя, я думаю, что желающие это сделать есть.

Однако были не только успехи, но и определенные неудачи. Главной из них я бы назвал «поражение во времени». Первой задачей экономической трансформации на пути от коммунистической, социалистической экономики к рыночной является макроэкономическая стабилизация. Традиционно в восточно-европейских странах она занимала несколько месяцев. В успешных странах, как например, в Польше — пять месяцев. В странах чуть менее успешных потребовался год. России потребовалось пять лет. То есть только в 1997 году мы достигли показателей инфляции ниже 10% в год. И эти пять лет мягкой денежно-бюджетной политики оказались чреваты излишней отсрочкой появления твердого фундамента — ведь для частного бизнеса нужна низкая инфляция. Это отставание вылилось в два тяжелейших валютных кризиса — «черный вторник» и дефолт 1998 года. Но самое страшное, что эта ситуация породила у российских властей некую готовность компромисса с инфляцией.

Евгений Григорьевич Ясин считает, что в 2006 году инфляция была ниже 10%. Это правда. Но ведь даже после кризиса 1998 года, когда внешние факторы были довольно благоприятными, и экономика

росла достаточно быстрыми темпами, российские власти так и не решились, не смогли, не захотели подавить инфляцию, опустить ее до того уровня, который считается нормальным во всем мире. Для современной экономики это 3% в год — и это не мифическая цифра, а тот предельный уровень инфляции, при котором можно строить долгосрочное бизнес-планирование. Эта цифра — не результаты каких-то теоретических исследований — если разговаривать с людьми, профессионально занимающимися статистикой, они в один голос говорят, что при инфляции выше 5% уже тяжело проводить более или менее достоверные экономические измерения. Не говоря уже о том, что при инфляции в 10%, любой серьезный бизнес-план предприятия расползается на третьем году.

«Поражение во времени», мне кажется, явилось самой большой экономической неудачей, последствия которой, наверное, нам еще предстоит испытывать достаточно долгое время.

Вторая неудача, на которой я также не могу не остановиться — чрезвычайно высокая степень монополизации экономики и спокойное отношение властей к низкой конкуренции. Готовность властей ограничивать конкуренцию — это тоже один из тех факторов, которые искажают структуру российской экономики, ограничивают ее потенциал, темпы роста, и мешают ее выходу на необходимую траекторию.

ЯСИН Евгений Григорьевич
научный руководитель
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Право собственности как фундамент

Право собственности — фундамент российской экономики. Я полагаю, что сегодня этот тезис важен, как никогда, потому что, в конечном счете, смысл собственности заключается в том, что она создает сильные хозяйственные мотивации и позволяет избавиться от мягких бюджетных ограничений. Если у вас нет этой основы, вы не можете построить рыночную экономику. Вот иногда говорят: не имеет значения — государственная собственность, или частная, важно кто ею управляет. Отчасти это так. В каждый конкретный момент можно сказать: посмотрите, вот там есть государственная компания, она хорошо управляется и имеет хорошие результаты. А вот частники закрываются, плохо работают, воруют, не платят налоги. Соответствующий пример можно найти всегда. Однако мировая история показывает, что успешнее развивается та цивилизация, та культура, которая создает институт частной собственности. То есть, в конечном счете, где оказывается возможным быстрый рост производительности, высокая инновативность и так далее. Несомненно, к этому можно и не стремиться и спокойно жить в условиях аграрной экономики, но только если нет беспокоящих факторов, нет конкуренции со стороны других стран, обладающих соответствующими конкурентными преимуществами, а именно системой частной собственности и рыночной экономикой.

Эпоха Бориса Николаевича Ельцина, это, в общем-то, сравнительно непродолжительный срок, но по масштабу свершений — все-таки целая эпоха. Сталкиваясь с западными экономистами и государственными деятелями в то время, когда я работал в правительстве, и нашим президентом был Ельцин, меня поражало то обстоятельство, что руководители гораздо более крупных по объему экономики стран решали гораздо более мелкие задачи, чем те, которые решались в России. Россия тогда была по-настоящему центром мировых событий. Отчасти потому, что до этого она была сверхдержавой — одним из полюсов в двухполюсном мире. Но в большей мере — потому, что это был

уникальный опыт трансформации коммунистической модели, когда-то заявлявшей свои права на распространение по всему миру. И вот всему этому был положен конец. И вопрос заключался в том, сможет ли возникшая на такой базе рыночная экономика добиться таких же успехов, каких она добивалась в Европе, Северной Америке, Японии и в других местах. Прошло какое-то время, и сегодня мы слышим много разговоров о том, что, в общем-то, Россия таких результатов не добилась. Да, не добилась, и я думаю, Алексашенко прав в своем определении принципиального момента... Я просто хочу добавить к тому, что он сказал, что в действительности мы не «проиграли» время — мы просто его не имели. На самом деле, чтобы добиться результатов в тех процессах, которые у нас протекали, требовалось существенно больше времени. И время еще не вышло. Как ответил когда-то *Чжоу Эньлай*, которого спросили, каково влияние великой Французской революции на китайскую: «Еще рано говорить об этом, еще недостаточно времени прошло».

Приватизация, создание частного сектора для российских реформ были исключительно важны. Но и исключительно трудны по той простой причине, что приватизация не казалась немедленно необходимой. Например, если говорить о динамике цен и их либерализации, все было ясно: надо было дать людям возможность покупать продовольствие — без него невозможно жить. А вот без собственности вроде бы пожить еще как-то можно, и этот вопрос можно было отложить. Но ресурс, который определялся авторитетом Бориса Ельцина и новой демократической власти, был довольно ограничен во времени. При этом нужно было пройти, как говорил Чубайс, «точку невозврата», убедиться в том, что вернуться назад невозможно.

С этой точки зрения, возвращаясь ко всем разговорам и многочисленным работам о приватизации, в которых она подвергалась ожесточенной критике — наверное, отчасти обоснованной, — можно обнаружить, что дискуссия все время шла лишь о том, насколько успешно и дорого продавали государственную собственность. Успехи измерялись тем, что, например, в Венгрии или в Польше за нее выручили больший доход, чем в России. В России это были какие-то копейки, особенно во время массовой приватизации.

Конечно, спорили еще и о том, какие предприятия стали работать более эффективно — приватизированные, или неприватизированные, приватизированные по такой форме, или по другой. Но убедительные доказательства не приводятся даже в замечательных с точки зрения экономико-математической техники работах. Я их внимательно читаю, и они меня не убеждают. Не убеждают, потому что в них, например, говорят: на Украине приватизация прошла несколько более успешно, чем в России. А я останавливаюсь на минуточку и думаю: а собственно, почему на Украине вообще начали приватизацию?

Иногда звучат упреки, что приватизацию, как и многие другие преобразования в России, стали проводить, потому что существовал «вашингтонский консенсус», якобы утвержденный «вашингтонским обкомом». И приватизация входила в согласованный набор, а потому, осуществляя либеральную догму, это начали делать.

Так это или нет, очевидно одно: существуют серьезные вопросы, и на них, так или иначе, тем людям, причастным к этому делу, придется отвечать. Хотя я не уверен, что на эти конкретные вопросы когда-нибудь вообще удастся получить хоть какой-то ответ, способный кого-то всерьез убедить.

Я же считаю результаты приватизации в России исключительно успешными — особенно на первом этапе, на этапе чековой приватизации. Объясню почему.

Прежде всего, хочу обратить внимание на то, что для России была характерна традиционная для аграрного общества категория, которую у нас обозначают как «власть-собственность». То есть соединение власти и собственности. Всякий человек, имевший определенные права собственности, в действительности полностью ими не обладал. Кстати, в России большая часть прав собственности, исключая сравнительно узкий городской сектор, вообще не была оформлена.

Значит, мы не знаем, что такое хорошо специфицированные права собственности. И если даже брать советский период, можно увидеть, что те люди, кто получал земельные участки под дачи, личные подсобные хозяйства и так далее, не получали на них прав собственности — не было таких документов. В этом отношении и крестьянин, вышедший из крепостного права, и колхозник, получавший имущественные пай и земельные доли, находились примерно в равном положении. Таким образом, исходная позиция у нас — это «власть-собственность».

Это означает, что по существу любая частная собственность — условное держание. Но в чем тогда у нас заключался смысл приватизации? А не в том, чтобы, несмотря на тяжесть финансового положения, выручить больше денег и даже не в том, чтобы определить эффективных собственников — это мог определить, в конечном счете, только рынок (кроме того, невозможно было брать на себя слишком большие обязательства). Смысл приватизации состоял в том, чтобы: во-первых, по мере возможности избавиться от института «власть-собственность», заменив его нормальными правами частной собственности, и, во-вторых, сделать это в условиях гражданского мира, избегнув крупных социальных потрясений.

Посмотрим теперь на первый этап приватизации.

Должен сказать, что я был против ваучерной приватизации, в особенности с именными чеками. Почему? Я очень боялся, что мы можем ее провалить — в условиях развала государства, когда русские вообще не имели хорошей привычки к организационной работе. Но,

исключая проблему чековых инвестиционных фондов, была проведена колоссальная работа, и она была сделана очень быстро — это заняло порядка семисот дней. И с этой точки зрения, я лично вполне удовлетворен.

Однако теперь говорят, что ничего не получилось — якобы сегодня у нас все, как было: нет частной собственности, и как была «власть-собственность», так и осталась. На самом деле мы столкнулись с противоречиями, результатом которых стала определенная борьба, и произошел своего рода откат назад: начали восстанавливаться традиционные институты — в том числе в облике государственных корпораций, давления на бизнес, принятия решений об обороте активов и так далее. Но это «отдельная песня».

Должен сказать два слова о том, что был еще и второй этап приватизации — денежный. Он весь свелся к залоговым аукционам. У меня к этой акции сложное отношение. Но тем не менее, миллиард долларов, который был необходим для закрытия дефицита бюджета в 1995 году, был получен. Конечно, этого недостаточно, потому что моральный урон был гораздо более существенным.

Есть и третий этап. И здесь обнаруживается российская особенность: формально мы ничего не отменяем, и продолжаем каждый год утверждать планы приватизации. Как результат: в последние годы годовой объем приватизированного имущества составлял примерно 300–400 миллионов рублей. Но это просто смешно, если учитывать, что стоимость активов, которые возвращались в государственную собственность, была несравненно больше. Этот процесс я рассматриваю как некое восстановление «власти-собственности».

Другими словами, дело не в том, что вообще ничего не поменялось, а в том, что последовал другой этап. Правда, сейчас есть новый амбициозный план приватизации на несколько триллионов рублей, но имеется в виду продажа лишь миноритарных пакетов крупных государственных компаний. И это совершенно не то решение, которое способно что-то изменить — даже если бы их продавали частникам. Если у вас нет контроля, вы на нашем рынке не имеете ничего. Поэтому вопрос остается актуальным.

Я думаю, что Борис Николаевич в свое время открыл дорогу исключительно важному процессу, но этот процесс протекает в России гораздо сложнее, чем в других странах Центральной и Восточной Европы, где категория частной собственности утвердилась несколько раньше, чем у нас.

И расскажу о личном общении с Борисом Николаевичем. Здесь я скорее представляю пример, характеризующий особенности характера Ельцина. До назначения в правительство он сделал меня руководителем аналитического центра своей администрации, кроме этого я был его личным представителем, «шерпой», на встрече «Большой восьмер-

ки». За все это время в общей сложности мы встречались с ним, может быть, раз семь. И для меня он был весьма трудным в общении человеком, потому что от него исходил такой поток энергии, который подавлял большинство людей.

Моя первая встреча с Ельциным состоялась в 1990 году, сразу после его избрания председателем Верховного Совета РСФСР. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Николай Иванович Рыжков выступил на сессии Верховного Совета СССР с докладом о программе последующих действий, в которой значилось повышение цен. Повышение — старыми методами, и цен на хлеб — в три раза. Что, в общем-то, и предreshило судьбу Рыжкова. Повысить цены на хлеб в три раза — тогда это воспринималось, как своеобразная шоковая терапия. Выступил и Борис Николаевич, буквально за день до этого избранный председателем, он сказал: «Нам эти пути в рынок не подходят. Мы знаем другие — безболезненные». В то время у него все советники были из числа сторонников «красных денег». То есть денег, которые предлагалось выпустить в небольшом количестве, полностью обеспечив их продуктами и товарами. И вот этой лабудой... извините, этой идеей советники очаровали Ельцина — он был уверен, что такие грамотные люди знают, что говорят. Но, понятно, это было не так.

Итак, для Бориса Николаевича суть нашей встречи заключалась в том, чтобы понять, кто должен формировать следующее правительство. В то время была в обороте «Программа 400 дней» — еще не 500 дней, а 400 — которую сочинили Явлинский с Задорновым и Алексеем Михайловым, а меня пригласили, потому что считали ее автором. Я объяснил, что это ошибка, но, тем не менее, на той встрече присутствовали я, Явлинский и Красавченко.

Познакомившись с Ельциным, которого я еще не боялся, я сказал: «Борис Николаевич, прекратите делать заявления о том, что к рынку можно перейти безболезненно». Ответом был жесткий пронизывающий взгляд — не в его характере было воспринимать возражения. Я почувствовал, что должен сказать что-то такое, что оставило бы ему возможность выйти из положения, не потеряв лицо, потому что рядом сидели все его только что избранные заместители — Горячева, Хасбулатов и прочие. И я сказал: «Ну, на самом деле вы, наверное, имели в виду то-то и то-то, что можно...» И он ответил: «Да, да, да, правильно, это так».

Таких случаев впоследствии было много. Один из них произошел, когда я уже был министром, и Борис Николаевич при посредничестве Илюшина велел дать капитальные вложения Красноярскому комбайновому заводу. Мало того, что я, как министр экономики, не имел права распоряжаться деньгами, я был еще и категорически против подобной раздачи денег, проходившей под лозунгом: нужно выпустить новый

комбайн, который будет иметь мировую конкурентоспособность. Коротче говоря, я получил от Ельцина соответствующее указание, и это указание не выполнил. С трудом представляю, как можно было бы не выполнить указание Владимира Владимировича Путина — мне не приходилось попадать в такую ситуацию. А Ельцин тогда мне позвонил и сказал: «Евгений Григорьевич — он всегда называл нас по имени-отчеству и на «вы», — вы саботажник, потому что вы не выполнили мое указание». Я ему ответил: «Борис Николаевич, я не могу выполнить ваше указание по следующим причинам. Во-первых, не я решаю эти вопросы. Во-вторых, в бюджете эти деньги не предусмотрены, а значит для того, чтобы их выделить, нужно получить разрешение Верховного Совета, который бюджет уже утвердил. Вот скажите, что я должен делать?»

И хотя я не помню, что он мне ответил, но он меня никак не наказал. Правда, после этого случая уже всем было известно, что Ясин — саботажник, и это сопровождало меня всюду. Таким вот я оказался «противником Ельцина». Но, в конце концов — все это происходило в 1995 году, — меня спас Чубайс. Я ждал своей отставки за саботажничество, но во всем оказался виноват Чубайс — его сняли, а со мной решили повременить.

Другими словами, у Бориса Николаевича было свойство, очень понятное по-человечески — с одной стороны, он был реформатором — как бы крышей для всех реформаторов, а с другой стороны, он был и секретарем обкома: «Я же сказал! Елки зеленые, какие еще вопросы?» Примерно, как двуликий Янус.

ЧУБАЙС Анатолий Борисович
генеральный директор государственной корпорации
«Российская корпорация нанотехнологий»

Экономические преобразования и политическая компонента

Я хотел бы воспользоваться возможностью и сказать несколько слов на тему, которая, как ни странно, мало обсуждалась и исследовалась — «Ельцин и экономика». Если по этой теме и проводился какой-то анализ, то обычно он скатывался к, в плохом смысле, «желтому» журналистскому жанру: да что он в этом понимал, он же вообще ничего понять не мог, делал то, что ему говорили. Я не буду пытаться изобразить нечто противоположное — доказывать, что Борис Николаевич был великим ученым макро-экономистом. Но в тоже время я хочу восстановить историческую справедливость и рассказать о том, как, на мой взгляд, все было в действительности.

Я не историк и не могу ручаться за детальную достоверность каждой цитаты, каждой цифры, но, тем не менее, за историческую правду поручиться готов. Расскажу о трех кусочках нашей недавней истории — к сожалению, хорошо забытой — которые помогут мне раскрыть заявленную тему.

Прежде всего, о том, что мне близко, о том, что связано с приватизацией. Должен сказать сразу, что для Бориса Николаевича тема под названием «приватизация» была всегда лишь в минимальной степени технологической. В максимальной степени она была связана с простой базовой вещью, которая обозначается словом «хозяин». А именно с тем, что у булочной, завода, предприятия появляется реальный хозяин. Или не появляется. Борис Николаевич был убежден, возможно, даже на уровне интуиции, в том, что это основа основ, без которой экономика работать не может. Именно поэтому работа с Верховным Советом начиналась с довольно позитивного взаимодействия — в конце 1991 года со стороны депутатов было понимание, и все проходило мирно. Но уже весной решения, связанные с созданием частной собственности, постепенно стали проходить через Верховный Совет все труднее и труднее. А затем, примерно с осени 1992 года, началось прямое противостояние. Коммунисты взяли Совет под свой контроль, а фактическим лидером

антиельцинского движения стал Руслан Хасбулатов. Естественно, для них частная собственность по определению являлась главным врагом. Помните, что коммунист может изложить суть своей идеологии одной единственной фразой: уничтожение частной собственности. В строгом соответствии с классическими заветами коммунисты во главе с Хасбулатовым и действовали.

Создалась ситуация, когда уже к концу 1992 года на частную собственность велось серьезное наступление. И тогда я пришел к Борису Николаевичу, чтобы обсудить, как ее защитить. Был предложен вариант, который Борис Николаевич по некотором размышлении принял. Вариант предполагал три линии обороны.

Линия первая. Дело в том, что в соответствии с юридическими процедурами того времени, Верховный совет имел право отменять решения президента и его указы. Это могло быть сделано решением палаты за один день. Очень просто: одним голосованием за пять минут изменить повестку дня, и затем принять решение простым большинством голосов в течение трех-пяти минут. Это означало, что мы были обязаны находиться в режиме «минутной» готовности, потому что в любой момент в повестку дня мог быть внесен вопрос об отмене указа президента, и вся приватизация стала бы нелегитимной. В связи с этим первая линия обороны была простой — организационно-технической. Моя задача состояла в том, чтобы ежеминутно мониторить ситуацию, и в случае появления опасности успеть немедленно оказаться в Верховном совете и добиться предотвращения принятия решения. Несколько раз такая информация приходила как раз в момент, когда я был на совещаниях у Бориса Николаевича. Он меня всегда отпускал, и, в общем-то, первая линия обороны долгое время срабатывала. Мы не давали коммунистам отменить указы Ельцина, но было понятно, что так бесконечно продолжаться не может, и рано или поздно это все равно произойдет.

Тогда была задействована вторая линия обороны. Ее суть состояла в том, что с разрешения Бориса Николаевича мы подготовили указ президента, который в случае отмены базового указа должен был вступать в силу в течение суток, фактически воспроизводя старый и восстанавливая юридическую целостность всей конструкции приватизации.

В какой-то момент первая линия обороны была прорвана — коммунисты сумели провести решение об отмене базового указа. И Борис Николаевич подписал новый указ, который восстановил юридическую базу приватизации. Но и про вторую линию обороны было понятно: долго так продолжать не удастся. Было очевидно, что в какой-то момент коммунисты смогут создать конструкции, которые отнимут возможность использования дублирующих указов, и на это тоже нужно было готовить ответ.

Появилась третья линия обороны, о которой знали, может быть, три или четыре человека, одобренные Борисом Николаевичем. Суть этой линии мы между собой называли «задушить собственного ребенка собственными руками в его колыбели». Логика действий была следующей: если Верховный совет принимает блокирующие решения, наша задача — пойти на полную отмену всех идущих приватизационных процессов. А поскольку в них к тому моменту были вовлечены уже десятки миллионов людей, то было совершенно ясно, что такого рода решение вызовет реальное противостояние с теми, кто уже получил собственность в свои руки.

К счастью, сложилось так, что третья линия обороны не понадобилась. И случилось так не потому, что коммунисты передумали, а по той причине, что уже шел 1993 год, и в мае-июне они увидели, что есть главная цель — собственно Ельцин, и для них она важнее, чем приватизация. И коммунисты пошли в атаку на президента, чувствуя запах крови, и предвкушая, что смогут уничтожить его вместе с властью, действующей в стране. Но, как известно, они просчитались: кровь пролилась, но не та, на которую они рассчитывали. В октябре 1993 года военно-фашистский мятеж, организованный коммунистами, был подавлен, и в этом смысле «приватизационное» противостояние завершилось. И если объективно оценивать ситуацию, можно с уверенностью сказать, что без известной позиции президента Ельцина частная собственность защищена быть не могла.

Следующая история уже не о приватизации. Она касается такой, казалось бы, абстрактной вещи, как макроэкономика. Хочу сказать несколько слов на тему «Ельцин и макроэкономика».

Очень драматичным событием для всех нас, и для Бориса Николаевича тем более, был октябрь 1994 года — «черный вторник», который случился 11 октября — на бирже рухнул рубль. Реакция экономики была очень тяжелой, реакция Ельцина была жесткой: он уволил министра финансов и председателя Центрального банка. Анализ причин очень быстро вскрыл суть произошедшего. Все случилось из-за безответственной предельной накачки пустыми деньгами сначала лоббистов оборонно-промышленного комплекса, потом аграриев и их «весеннего сева», за которым последовали кредиты на уборку урожая. Мне кажется, что октябрь 1994 года для Бориса Николаевича и, кстати, для Виктора Степановича Черномырдина, был очень тяжелой переломной точкой, когда стало понятно, что такими методами действовать нельзя. Нужно было, по сути дела, пересматривать макроэкономическую политику.

Что было предложено Борису Николаевичу? Честно говоря, предлагая ответ на этот вызов, мы находились в непростой ситуации: было совершенно не очевидно, что Ельцин может принять сложные макроэкономические конструкции, очень тяжелые в политическом смысле.

Был предложен набор мер. Мера номер один — запрет на кредитные эмиссии Центрального банка. Причем, не просто запрет, а законодательный запрет. Мера номер два — сверхжесткий бюджет 1995 года с минимальным дефицитом. А поскольку бездефицитный бюджет сделать было невозможно, предполагалось, что дефицит остается, но кредитной эмиссией финансировать его нельзя. Значит остается один единственный способ удержать целостность государственного бюджета — кредиты. Как получить кредиты в 1995 году, когда экономика находилась в состоянии катастрофы? Ясно, что никакие коммерческие банки давать их стране не будут, и существует одна единственная технология, которая называется «заимствования международных финансовых организаций». Это означало, что было необходимо любой ценой восстановить отношения России с Международным валютным фондом и Мировым банком. Помимо этого, чтобы остановить падение рубля, был введен валютный коридор, при том, что падение рубля в то время было катастрофическим. Я даже помню газетные рубрики, в которых каждый день сообщался курс, одна из них так и называлась: «Он опять упал». И очередные цифры — об очередном падении.

В политическом смысле предложенное означало, что называется, наступить на все любимые мозоли самых влиятельных политических групп в стране — от аграриев и оборонщиков до нефтяников и уж не знаю кого еще. Но все эти решения — от первого до последнего — были поддержаны Борисом Николаевичем.

Как события развивались дальше? Даже самые радикальные решения не могут мгновенно повлиять на экономику такой страны, как наша. Хорошо помню ноябрь, декабрь, январь и последовательное сокращение валютных резервов России — четыре миллиарда, три миллиарда, два миллиарда. Напомню, сейчас валютные резервы России около 490 миллиардов долларов*. И, наконец, в начале января остался один миллиард шестьсот миллионов. При этом суточные продажи валюты составляли 200—300 миллионов долларов. Это означало, что страна находилась в четырех-пяти сутках от национальной катастрофы.

Но где-то 17—18 января удалось остановить падение резервов, и это означало, что благодаря базовому политическому решению Бориса Николаевича, мы проскочили в миллиметре от суверенного дефолта. То есть от события, которое, несомненно, имело бы и политические последствия. Тогда же была переломлена и инфляция. В январе 1995 года месячная инфляция составляла 16%, а в декабре 1995 года — 4%.

* По данным Федеральной службы государственной статистики инфляции в январе 1995 года составляла 17,77%, в декабре — 3,2%. См.: <http://www.gks.ru/>

Возникает вопрос: можно ли было в 1995 году остановить макроэкономическую катастрофу без политической поддержки президента? Ответ очевиден: нет, этого сделать было нельзя. И я считаю, что эконо-

номический рост, который после тяжелейшего падения восстановился в 1997 году, был заложен именно в 1995-м. Тогда решения, принятые Ельциным, смогли развернуть страну от тяжелейшего падения ВВП к экономическому росту.

Есть еще один эпизод, о котором я хочу рассказать, чтобы не создавалось впечатление, что все было триумфально и блестяще. Этот эпизод начинается с момента самого тяжелого нашего экономического поражения за все 1990-е годы – с августа 1998 года, с дефолта. Это как раз тот момент, когда катастрофы избежать не удалось. Особый драматизм состоял в том, что мы не просто не удержали ситуацию, а еще и, по сути, напрямую подставили Бориса Николаевича.

Ситуация была следующей. Как знают специалисты, в период таких экономических потрясений принципиальное значение имеют не только дефицит бюджета или инфляция, но и инфляционные ожидания. Если они есть, и если они высоки, это само по себе способно разогнать инфляцию даже без прямых макроэкономических предпосылок. Чтобы этого не произошло, руководитель государства не имеет права ни при каких условиях создавать или стимулировать такие ожидания. Поэтому мы несколько месяцев, стремясь защитить рубль, стремясь предотвратить девальвацию, говорили: Борис Николаевич, девальвации не будет. Он доверял нам, и в очередной раз в августе заявил публично: «девальвации не будет». Прошло четверо суток, и рубль катастрофически рухнул вместе с российской экономикой. Естественно, это было мощным ударом по президенту, по экономике страны, по десяткам тысяч только что зародившихся бизнесов, по миллионам работавших в них. Особенно жестоким было то, что тяжелейший удар был нанесен как раз по тем нарождавшимся социальным группам, которые поверили в курс Ельцина, в реформы, в частную собственность. Уровень жизни в стране обрушился. Борис Николаевич вынужден был отправить правительство в отставку. И хотя принято считать, что Ельцин шел напролом и всегда вперед, что он разрушитель и так далее, в этот момент, собственно впервые за все 1990-е годы, он пошел на отступление.

Я всегда считал, что одним из главных требований к настоящему политику и стратегу является умение отступать: выбрать точку времени, когда это правильно сделать, выбрать те рубежи, на которые следует отступить, и те, которые не следует оставлять, определить технологию отступления. Ровно это и было сделано Борисом Николаевичем. В сентябре 1998 года он впервые в своей жизни сформировал «левое» правительство под руководством Примакова, в котором экономический блок возглавил коммунист Юрий Дмитриевич Маслюков. Это решение казалось совершенно немыслимым: естественно, мы все ждали, что коммунистическое правительство будет делать то, что всегда требовали коммунисты. А именно: во-первых, кредитной накачки экономики

деньгами, во-вторых — национализации государственной собственности, в-третьих — отмены конвертируемости рубля, и так далее.

Однако правительство не сделало ничего из этого списка. И поэтому я считаю, что это было совершенно гениальное правительство. Хотя и понятно, почему оно ничего не сделало: одно дело призывать к кредитной эмиссии из Госдумы, не отвечая за последствия, и совсем другое — принимать такое решение самому. Маслюков хоть и был коммунистом, но был очень глубоким и очень умным человеком. Он хорошо понимал, что может произойти через три месяца, и что за последствия придется отвечать уже ему, а не кому-то другому. Экономика начала восстанавливаться.

Потом был уже следующий шаг: гениальный маневр Бориса Николаевича. Коммунисты в Думе были воодушевлены успехом: Ельцин сдал своих, у Ельцина коммунистическое правительство — время атаковать! И пошли вперед: импичмент, весна 1999 года.

Задуманный в Думе импичмент был подготовлен очень тщательно: к концу апреля там изменили регламенты палаты с тем, чтобы гарантированно провести пять обвинений, выдвинутых против Бориса Николаевича. Правительство в этой ситуации заняло — как бы это аккуратней сказать, — весьма гибкую позицию. Видимо, другой от него и нельзя было ожидать. Казалось, что президент загнан в угол, но тут он начал действовать. Действие номер один: отставка правительства — выгнал всех, от первого до последнего. Действие номер два: назначение нового правительства, которое, очевидно, являлось его правительством, а не чьим-то еще. Действие номер три: политический разгром коммунистов в Госдуме, полный провал импичмента по всем пяти пунктам — ни по одному из них не смогли набрать необходимого числа голосов.

Считаю, что этот политический момент, начавшийся с тяжелейшего для Ельцина поражения, с дефолта 1998 года, и закончившийся полной политической победой в почти безнадежной ситуации, войдет в учебники как классический образец сочетания идеальной тактики и глубоко продуманной стратегии. В моем понимании, это базовые характеристики политического стиля Бориса Николаевича.

СОНИН Константин Исакович
профессор Российской экономической школы

Экономическая теория и реформы девяностых

Я знаю, что в общественной дискуссии больше всего внимания уделяется ельцинским и гайдаровским реформам, либерализации, тому, что происходило в первой половине 1992 года. Но на эти реформы, наверное, следует смотреть, как на действия врачей в реанимационной палате. И, соответственно, в такой же степени можно считать врачей ответственными за то, что произошло с больным в ходе его жизни. Я же буду говорить только про приватизацию. И, как академический экономист — с высоты птичьего полета.

В чем смысл приватизации?

В том, что частная экономика, где частные агенты владеют собственностью, лучше, чем плановая, когда есть центральный орган, который говорит, кому и что инвестировать, и кому и что потреблять. В пользу этого существует масса теоретических аргументов, за это было присуждено немало Нобелевских премий, потому что вся современная теория аукционов и прочее выросли, в сущности, из рассуждений о том, что в частной экономике стимулы у агентов лучше.

Когда шла соответствующая дискуссия, я учился в школе и затем в университете, но уже тогда, я думаю, не было особой нужды в теоретических изысканиях о преимуществах частной экономики. Уже тогда имелось совершенно очевидное эмпирическое свидетельство, что социалистические экономики оказались неудачным экспериментом. Сегодня это выглядит еще более очевидным: да, СССР был большим экспериментом, в ходе которого невероятной ценой были достигнуты весьма средние по меркам XX века успехи. Особого отставания не было, но не было и особого роста, а цена была заплачена огромная.

Итак, частная экономика лучше.

Но частная экономика хорошо работает, когда есть хорошие институты — правильные законы, хорошо работающие суды и органы, которые исполняют судебные решения, хорошие регуляторы и хорошие бюрократы. Необходимость последнего мы хорошо видим в последнее время в России. Когда на каком-то рынке нет конкуренции, это совер-

шенно неестественное состояние, но когда нет хороших регулирующих органов, буквально любой рынок превращается в монопольный. Чтобы понять, что рынок монопольный, не нужно быть экономистом, достаточно просто ходить в магазины, в кафе, заезжать на бензоколонки и сравнивать цены со странами, где похожие доходы, но цены совершенно другие.

Как я понимаю, в 1990-м году не стоял вопрос о том, нужны ли для экономического развития хорошие институты — весь «вашингтонский консенсус» построен, в каком-то смысле, на понимании того, что они нужны. И когда через десять лет, после долгих занятий экономической теорией, Джозеф Стиглиц обратился к практике и пришел в ужас от того, что институтам уделяется недостаточное внимание, видимо, случилось это как раз потому, что он не дочитал до конца «вашингтонский консенсус».

А откуда могут взяться хорошие институты?

Идея была в том, что они появляются из-за наличия спроса на хорошие институты. На этом и было построено одно из интеллектуальных обоснований приватизации: не так уж важно, кому в ее ходе достаются активы, потому что как только они окажутся у новых владельцев, последние станут источником спроса на хорошие институты. То есть, когда у человека будет собственность, он будет думать: хорошо бы, чтобы были хорошие законы, хорошо работала милиция, и раз у меня есть какое-то предприятие, хорошо, если кто-то будет следить, чтобы на этом рынке была конкуренция.

Но следующие десять лет показали — сначала практически, а потом и теоретически, — что эти идеи может быть и правильные, но спрос на плохие институты может быть ничуть не менее слабым. Более того, возможно, он появляется закономерно. Ведь если начинать с хаоса — даже при наличии какого-то начального толчка в правильную сторону, — то оказывается, что естественное состояние, это когда институты плохие. То есть тот, кто получил в свои руки большую собственность, конечно, мог бы быть заинтересован в том, чтобы законы были хорошими, а чиновники не коррумпированными, но ему, как частному агенту, лучше, чтобы закон всегда был в его пользу. Например, чтобы существовал закон «О лицензировании», по которому лицензия была бы выдана только его фирме, а чиновник был бы коррумпирован и заботился о ее интересах.

Мне кажется, что большую роль в появлении спроса на плохие институты сыграла индустриальная структура бывшего СССР, именно из-за нее само собой оказалось, что результатом приватизации стало появление очень крупных предприятий. Почти все страны Восточной Европы не имели такой проблемы — у них не было таких огромных предприятий, которые по соображениям экономической эффективности в течение нескольких лет должны были оказаться и оказались в

одних руках. А оказавшись, стали настолько большими по отношению к правительству, к экономике в целом, что превратились в лоббистов не хороших законов для всех, а хороших законов только для себя.

Что у нас есть сейчас?

У нас, конечно, есть частнокапиталистическая экономика. Тот, кто говорит, что в этом смысле сейчас хуже, чем в Советском Союзе, просто не помнит, что было в Советском Союзе. Но в то же время, у нас есть огромное число госпредприятий — больше, чем было в 1990-е годы, и, что еще хуже, большое число предприятий, которые фактически контролируются государственными органами. Вторые совершенно не отличаются от первых — у их менеджеров столь же плохие стимулы. При этом новая приватизация, несмотря на то, что она, конечно, большой прорыв, не решает проблемы, потому что речь идет о приватизации неконтрольных пакетов.

Необходимы хорошие институты, и, вроде бы, для этого нужен спрос на них. При этом в реальности оказалось, что более естественно, когда появляется спрос на плохие институты, и они оказываются очень устойчивыми. Из этого следует, что идея построения институтов через спрос — неправильная. Но у этой идеи как не было особенной альтернативы двадцать лет назад, так и сейчас ее не видно.

А эта альтернатива для нас важна. Важна вовсе не потому, что мы интересуемся экономической историей, хотя было бы интересно выяснить, что можно было сделать тогда вместо приватизации. Она важна потому, что эта проблема — как нам создать хорошие институты и как провести приватизацию — сейчас актуальна в такой же мере, как и двадцать лет назад.

РОГОВ Кирилл Юрьевич
политический обозреватель,
сотрудник Института экономики
переходного периода

Русский транзит: право без собственности и собственность без права

Я сосредоточил свое внимание на том, как дискуссия о приватизации идет в стране в целом. И то, как она сейчас ведется, заставляет думать, что эта дискуссия достаточно бесперспективна и очевидно заводит нас в тупик. Мнение большинства экономистов сводится к тому, что приватизация была проведена неудачно. А самый сильный аргумент противников приватизации такой: посмотрите, что мы сегодня имеем — права частной собственности явно не гарантированы, институт частной собственности если и существует, то в какой-то неполноценной форме. Из этого делается вывод, что схема приватизации была неверной. И на бытовом уровне это довольно убедительный способ рассуждения — как концепция «родовой травмы»: ребенка повредили при рождении, вот он и вырос таким. Если же вдуматься, то перед нами вывернутая наизнанку концепция «золотого ключика»: если бы был «золотой ключик», можно было бы открыть правильную дверь в каморке Папы Карло, и тогда открылась бы правильная дорога. А если не нашли ключика, то получается родовая травма, и дальше уже идет неправильная дорога.

Такие рассуждения заводят нас в тупик, и спор тех, кто критикует приватизацию, и тех, кто пытается отстаивать ее положительные стороны, не более чем спор о том, стакан наполовину полон или наполовину пуст. «Вроде что-то создано — говорят сторонники приватизации, — вот и частная собственность работает, вернее, денационализированная собственность, и экономика растет». «Нет — говорят противники, — по-настоящему права не защищены, поэтому инвестиции не идут, что подавляет рост». В этой связи мне кажется важным взглянуть на приватизацию не как на некий процесс начала 1990-х, имевшийся план и так далее, а как на процесс, охватывающий период последних двадцати лет. То есть посмотреть, что происходило с собственностью на протяжении двух десятилетий.

Изначальная концепция, заложенная в нашу приватизацию в начале 1990-х, совершенно справедливо связывается с тем кругом идей,

которые принято называть «вашингтонским консенсусом». Существует совершенно ошибочная, но популярная точка зрения, что не реформаторы ошиблись, а все было предусмотрено «вашингтонским консенсусом». Но на этом сторонники этой идеи разговор заканчивают — вместо того, чтобы ввести его в контекст итогов критики «вашингтонского консенсуса», который сложился как мейнстрим экономической мысли уже в 2000-е годы. Массированная критика этого «консенсуса» началась по результатам кризисов азиатских экономик — а это уже конец 1990-х годов.

Итак, возвращаясь к теме... Изначальная концепция приватизации была очень точно сформулирована в 1994 году в книжке Гайдара «Государство и эволюция»: «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно «выкупить». Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности». Другими словами, концепция приватизации основывалась на двух постулатах. Первый: в принципе неважно, как была распределена собственность, важна легальность ее обращения на рынке. Это твердое убеждение либеральной экономической мысли второй половины XX века. Второй: некоторые стимулы и новые условия, которые во время либерализации задаются экономическим агентам, формируют поведение этих агентов, и они сами постепенно начинают создавать институты, соответствующие этим условиям и стимулам.

О втором постулате я говорить не буду. Хочу обратить внимание лишь на две вещи: денационализацию собственности и возникновение рынка, на котором эта собственность обращается. Здесь, оглядываясь на проделанный за два десятилетия лет путь, мы можем сделать такой же вывод, как и из политической истории того периода: либерализация не является демократией. То, что мы получаем в результате либерализации — не есть демократия, это только открытая дверь. И при определенных условиях либерализация не ведет к демократии — получается что-то другое. Точно также денационализация собственности, ее приватизация, то есть передача в другие руки, еще не является созданием института частной собственности. Нужно сделать еще один шаг, который и отделяет «не-институциональное» состояние от того, когда институт уже существует.

Возвращаясь к истории обращения, возьмусь утверждать, что нелегитимность собственности в общественном сознании в современной России связана не с тем, как собственность была распределена, а с тем, как она потом обращалась на рынке — с тем, что с ней происходило на следующем этапе.

Концепция, которая отражена в формуле Гайдара, предполагает, что несправедливость распределения собственности будет компенсирована рыночной справедливостью, то есть равенством прав всех участников рынка. Таким образом, равенство прав, обеспечивая легитимность обращения собственности, снимает несправедливость ее распределения. На самом деле все получилось наоборот. Те, кто приобретал собственность, имели более широкий доступ к правам. На следующем этапе они могли уже не только распоряжаться собственностью, но и диктовать условия рынка тем, кто собственности не имел. То есть вместо некой компенсации, которую предполагала первоначальная схема, в результате мы получили явную эскалацию несправедливости. Первоначальная несправедливость усиливается тем, что она порождает дальнейшую несправедливость. И надо признать, что в этом смысле лозунг конца 1990-х годов: «не допустим пересмотра итогов приватизации» политически был абсолютно ошибочен, потому что де-факто означал, что мы не допустим изменения той ситуации несправедливого распределения прав, которая сложилась на рынке. Конечно, это было абсолютно неприемлемо. В том числе и потому, что из этого состояния переход к созданию института частной собственности был невозможен. Возможен был другой вариант: кто-то отказывается от несправедливого распределения прав на рынке и за это получает некоторые гарантии собственности. Но такой компромисс сформулирован не был.

Говоря о несправедливости сформировавшегося в России во второй половине 1990-х годов рынка, которая является главной причиной общественного неприятия результатов приватизации, надо отметить, что первопричины такого состояния гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. Если обратиться к самому моменту приватизации, мы увидим, что уже тогда номинальные права собственности и фактический контроль были не одним и тем же. Кроме получения номинальных прав нужно было приложить некоторые усилия, чтобы захватить контроль. И только в этом случае полученные в ходе приватизации права можно было реализовать. То есть между номинальными правами и фактическим контролем возникало некоторое «силовое» поле, где и формировался, складываясь сам по себе, механизм рынка.

Такая ситуация была связана и с заведомо очень низким уровнем правопорядка, и со слабостью существовавших на тот момент институтов. Я хочу сказать, что вне сферы экономической логики, в рамках которой изложил свое видение приватизации Гайдар, существует серьезная проблема. Это проблема правопорядка, отношения общества к праву. Решается она, понятно, вне экономической логики, и сделать это не под силу группе заговорщиков. Либерализация может быть произведена такой группой — тремя десятками человек, понимающими, как и что на самом деле работает, которые могут принять 25 декретов, и они необратимо погружат нас в рынок. Но именно здесь обнаруживает

себя проблема, которая не решается на этом уровне, и которая требует некоего нового политического договора. Когда мы говорим, что в Восточной Европе в ходе приватизации какие-то схемы распределения собственности были более успешными, чем российские, мы должны иметь в виду, что политический консенсус в отношении движения общества к укреплению правовых отношений в этих странах находился на совершенно иной стадии — он уже существовал. Существовал, как часть консенсуса по условиям вступления в Евросоюз. И, наоборот, когда мы говорим, что для России были возможны другие схемы — остаться на уровне корпоратизации, градуалистские, продажа за деньги — мы должны всегда иметь в виду, что в этом присутствует некий специфический фактор. Мы должны понимать, что, оценивая возможные последствия реализации этих схем, следует учитывать и фактор чрезвычайно низкого правопорядка, и отсутствие консенсуса по поводу движения к правовому обществу. Но в этом случае оказывается, что выгоды «альтернативных» схем достаточно сомнительны, и обнаруживается, что их осуществимость ничем не доказана, как и то, что результаты их применения были бы другими.

Мне представляется, что, несмотря ни на что, все эти рассуждения позволяют сделать один очень оптимистический вывод: нам не нужно защищать частную собственность — принимать законы о ее защите и о какой-то особой гарантии. Нам необходимо укреплять рынок, справедливую конкуренцию, равенство прав на рынке. Это и есть единственный реальный способ легитимировать частную собственность, так как только из равенства прав на рынке, из справедливости конкуренции рождается убежденность общества в легитимности частной собственности, а не наоборот.

СИМОНОВ Николай Сергеевич
доктор исторических наук,
председатель совета директоров КБ «Фьючер»

Проблема становления банковской системы

Не секрет, что банковская система первой вступила на путь рыночных преобразований и оказала существенное влияние на развитие экономики и общества в целом. Все изменения в сфере имущественных отношений, хозяйственной деятельности, организации управления экономикой, и даже внедрение систем хозяйственного управления и современных информационных технологий, так или иначе были связаны с функционированием новой банковской системы.

Предпосылки реформирования советской банковской системы сложились задолго до реформ Горбачева. С усложнением структуры общественного производства советская экономика уже объективно нуждалась в истинном ценовом выражении стоимости товаров и ссудного процента. Осознанием появления этой потребности были неоднократные попытки советского руководства использовать обусловленную экономической природой кредитно-финансовую дисциплину в интересах повышения эффективности отдачи принадлежавших государству кредитных ресурсов.

В 1988 году началась перестройка организационной структуры единого Госбанка СССР, которая привела к созданию пяти специализированных государственных банков — Сбербанка, Промстройбанка, Жилсоцбанка, Агропромбанка, Внешэкономбанка. Для создания банковской системы рыночного типа оставалось сделать немного — нужно было выделить специализированным банкам средства для формирования уставных фондов, определить порядок ведения корреспондентского счета, изменить планы счетов, организовать систему рефинансирования и надзора. Вместо этого специализированные банки были в 1989 году переведены на полный хозяйственный расчет без выделения собственного капитала, но с требованием обязательного получения прибыли. Хотя, как известно, даже для частного коммерческого банка прибыль имеет второстепенное значение по сравнению с ликвидностью и необходимостью выполнения нормативных и резервных требований.

Эта псевдо-рыночная банковская реформа принесла советской экономике гораздо больше вреда, чем пользы. Советские банкиры не научились банковской коммерческой деятельности и не обучили рыночной дисциплине свою клиентуру. Зато эта реформа стимулировала кредитную эмиссию, которая подстегнула инфляцию, и способствовала окончательному расстройству государственных финансов. Кроме того, реформа раскрыла контур наличного денежного обращения и привела к увеличению его объемов, в чем были заинтересованы не только получившие легитимность кооператоры, но и теневые структуры.

Созданные в 1988—1990 годах на основе законов «О кооперации» и «О собственности» кооперативные акционерные коммерческие банки являлись не альтернативой, а дополнением банковской системы советского типа, так сказать ее третьим уровнем. Их деятельность позволяла государству хоть как-то контролировать обслуживающихся у них коммерсантов. Но даже после того, как количество коммерческих банков стало исчисляться сотнями, советские «реформаторы» не решались сделать банковскую систему СССР по-настоящему рыночной.

Наконец, в июне 1990 года союзное руководство согласовало вопросы акционирования специализированных банков и включения их, наряду с коммерческими банками, в банковскую систему рыночного типа. Но руководство Верховного Совета РСФСР с Ельциным во главе, не желая уступать инициативу союзному центру, вмешалось в это мероприятие и заявило о своих претензиях на управление всеми учреждениями советской банковской системы на территории России. Произошло это 13 июля 1990 года.

О том, что российское руководство собирается объявить расположенные на территории России банковские учреждения собственностью Российской Федерации, узнало руководство Центрального банка. И на сессию Верховного Совета в срочном порядке прибыл тогдашний главный банкир страны Геращенко. Но проведив какое-то время по кулуарам съезда, он получил «информацию» о том, что этот вопрос с повестки дня якобы будет снят. До окончания сессии оставалось уже около пяти минут, когда Ельцин — а он был мастером таких игр, заявил, что есть еще один важный документ, который хорошо проработан экспертами и специалистами. Ну, и объявил его. Председательствовавший тогда Воронин резко возразил, но Ельцин его осадил. И буквально за пять минут этот важный документ был принят — это было постановление Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 года «О создании на территории Российской Федерации собственной банковской системы». С этого момента и началось «перетягивание каната» между Союзным Госбанком и Российским Центральным банком.

В декабре 1990 года Верховный Совет СССР принял два важных закона — «О Центральном банке» и «О банковской деятельности». Основные положения этих законов действуют и по настоящее время, что свидетельствует о том, что эти законы были составлены грамотно, правильно, в соответствии с динамикой и логикой развития событий. Однако в процессе начавшейся банковской реформы был создан прецедент — не очень, наверное, заметный, но имеющий крайне неприятные последствия.

Тогдашний Российский Центральный банк во главе с Матюхиным воспротивился акционированию Соцжилкомбанка и Промстройбанка СССР. В результате на их месте образовалось порядка восьмисот кредитных организаций, и к ним в соответствующих регионах перешла вся тамошняя клиентура. То есть вместо двух, трех, четырех, пяти крупных банков, которые можно было бы создать на базе этих двух специализированных, возникло множество кредитных организаций с низким уставным фондом и слабым персоналом. Это обстоятельство стимулировало развитие явления, известного как эффект неоднородности банковской системы.

Банковская реформа, начавшаяся в России в декабре 1990 года, считается незавершенной. По мнению некоторых экспертов, она приостановилась на вопросе международных стандартов финансовой отчетности. Не решены и множество важных вопросов — например, вопрос о монополии Сберегательного банка на рынке банковских услуг, и, прежде всего, в приеме вкладов населения в депозиты. Очень много вопросов создает деятельность самого Центрального банка, который сосредоточил множество разнородных функций, от некоторых из них ему предлагают избавиться — например, в сфере надзора. Есть вопрос по расчетно-кассовым учреждениям. Кроме того, сам ЦБ и Сбербанк, по мнению экспертов банковского сообщества, во многом остаются реликтами советской банковской системы. Они продолжают принимать решения, которые не всегда отвечают интересам экономического развития и помогают функционированию рыночной экономики.

УРИНСОН Яков Моисеевич
профессор кафедры бизнес-аналитики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
бывший министр экономики РФ

Главное, что при Ельцине приватизация шла

Евгений Григорьевич Ясин подчеркнул, что право частной собственности — необходимое условие эффективного развития экономики, и, как он сказал, ее инновативности. Сегодня мы хорошо понимаем все недостатки так называемой «приватизации по Чубайсу». Мы их знаем, может быть, даже лучше, чем наши критики. И тут не только залоговые аукционы, но и все остальные просчеты. Но главное все-таки в том, что при Ельцине приватизация шла. И, как правило, снижались барьеры на пути конкуренции. Хотя здесь, наверное, если быть объективным, по известным причинам надо исключать из списка нефтегазовую промышленность и, может быть, еще и электроэнергетику, но там были объективные причины — за время работы в РАО ЕЭС я это хорошо понял. Рынок электроэнергетики очень специфический и непростой. А по существу, во всех других отраслях, начиная с малой приватизации, все шло более или менее поступательно.

Потом, после Ельцина и вплоть до 2005 года, в этой сфере мы топтались на месте. А затем уже полным ходом пошла и формальная, и неформальная деприватизация. Пошла почти во всех отраслях реального сектора: кроме нефтегазовой, это были уже и черная, и цветная металлургия, тяжелая промышленность, тяжелое машиностроение и так далее. Деприватизация шла по сути везде, кроме легкой, пищевой, пивной промышленности, и, может быть, гражданского строительства. С банковским сектором все понятно, и я отдельно о нем не говорю.

Но самое страшное даже не в этом. Не менее сильное отрицательное влияние на экономику оказывает ограничение конкуренции, повышение барьеров для входа на рынок. Я сейчас не говорю о таких сложных материях, как гражданское общество, правовое государство, гарантия прав собственности. Согласен с Роговым, это сложные общественные процессы. Я имею в виду только простые и примитивные вещи. Например, административный ресурс. Экспоненциальный рост его влияния на экономику, на всех агентов рынка сегодня уже таков, что по су-

шеству о механизмах добросовестной конкуренции многие участники рынка вынуждены просто забывать.

Так вот: формальная и неформальная деприватизации и господство административного ресурса очевидно ведут ко всем тем процессам, о которых много говорится и пишется в научной литературе. Это и замедление роста ВВП, и консервация, а то и усугубление структурных диспропорций, и рост инфляции.

Соглашусь, что Борис Николаевич умел общаться с профессионалами, независимо от их ранга в правительстве. Всегда была возможность ясно изложить ему свою позицию, и он выслушивал и, главное, слышал.

Кстати, продолжая историю с комбайном, рассказанную Евгением Ясиным, уточню, что она продолжалась и после того, как Евгений Григорьевич «закрыл шлагбаум». Один наш известный лоббист также обратился к Борису Николаевичу — написал письмо, что наших комбайнов не хватает, а потому продотируйте сельское хозяйство, чтобы оно могло покупать иностранные комбайны. Президент переадресовал это послание в Минфин и Минэкономики. И мы ему написали ответ: Борис Николаевич, это сделать совершенно невозможно не только по формальным причинам, но и по сути. И буквально через день, рано-рано утром у меня дома раздался телефонный звонок. Надо сказать, что жена до сих пор вздрагивает, когда такое случается рано утром, потому что тогда это могли быть или Борис Николаевич, или Виктор Степанович. Они очень рано начинали рабочий день и звонили в шесть, в семь утра. И вот звонит Борис Николаевич и говорит: «Почему вы считаете, что это невозможно?» Я даже не понял сначала, о чем идет речь. Потом вспомнил о своем последнем письме о покупке комбайнов, и ответил: «Борис Николаевич, так мы тем самым продотируем не наших, а иностранных производителей комбайнов». В общем-то, это было рано утром, и я сказал первое, что мне пришло в голову. Но аргумент, видимо, подействовал. Ельцин минуту помолчал, а потом сказал: «Ладно». И положил трубку. Больше к этому вопросу он не возвращался. Но была масса других случаев, например, когда в 1992 году гособоронзаказ снижали в пять раз...

И заключительный тезис. Борис Николаевич слушал и слышал. Очень хочу пожелать этого и сегодняшней власти: не только слушать, но и слышать.

РАЗДЕЛ 3

Утверждая свободу

ДОНДУРЕЙ Даниил Борисович
главный редактор журнала
«Искусство кино»

Строительство новой культуры

Конечно, важно представлять, что происходит с цензурой, со свободой слова, со СМИ как важнейшим институтом трансляции культуры. Но культура — это не трансляция, а более мощная система, связанная, во-первых, с человеком, и, во-вторых — с представлением людей о происходящем. Это мощнейшая мотивационная, мировоззренческая, ценностная, нормативная и какая угодно система, о которой лидеры нашей страны подозрительно молчат. Это очень интересная тема, но я хотел бы ограничиться двумя-тремя вещами, касающимися Бориса Николаевича.

Ельцин понимал, хотя, может быть, это прямо и не отражено в текстах, что самым важным для него являлось невозвращение прежней страны. Он многократно говорил о том, что его цель — сделать Россию такой, чтобы у нее не было возможности вернуться назад. Понятно, что это невозможно осуществить без человека, потому что для этого нет никаких других значимых ресурсов. В этой связи, говорят о свободе, но мне бы хотелось обратить внимание на аспект, напрямую связанный со свободой, но иначе сформулированный. В России формулировки очень важны — здесь все, от жизни до колбасы, растет из слов.

Для меня очень важно раскрепощение человека. И Ельцин очень серьезно этим занимался. Он выводил людей из тысячелетнего, или хотя бы из шестисотлетнего состояния. Почему-то для него было это существенно. Он наделял людей возможностями, выбором внутри этих возможностей, индивидуальными ресурсами для выбора при предоставленных возможностях. А это — колоссальный удар по не преодоленному российскому феодализму. Ельцин был единственным человеком, который атаковал «прежнюю» Россию. И это при том, что сегодня большинство ее населения — это люди, живущие в XVI–XVIII веках, или, во всяком случае, не в нынешнем году.

Ельцин, повторюсь, мог это не рефлексировать. Но очевидно, что он имел предоставления, важные для нового понимания, для новой концепции человека и его отношений с государством. В первую оче-

редь, это восприятие человека не как воина, потребителя, избирателя, объекта собесовской опеки и получателя чего угодно — от кредитов до стипендий и пенсий, а как человека.

Вместе с тем, в нашей стране до сих пор действует концепция человека как инвалида. Все государственные структуры и слои, от лидеров страны до главной культуротворной элиты — экономистов, подчинены этой идее. Все они стоят на том, что формирование «человеческого капитала» завершается на стадии образования. При этом образование ни в коем случае не воспринимается в качестве технологии для трансляции культуры.

Ельцин, ставя раскрепощение человека во главу угла, в этой части, безусловно, был намного дальновиднее либералов. Они, как известно, ограничиваются исключительно проблемой свободы СМИ, что, на мой взгляд, не главное, потому что может быть сколько угодно свободы СМИ, и при этом мировоззрение будет отставать, или просто не соответствовать вызовам времени. Свобода есть, гласность есть, а люди не «считывают» то время, в котором живут.

Второй очень важный момент, наряду с раскрепощением человека — возвращение людей в рыночные отношения. Можно как угодно ненавидеть рыночные отношения — что и делает большинство граждан страны, хотя две трети из них работают на частных предприятиях. Можно эти отношения как угодно превозносить, но они — невероятное испытание, из-за того, что они с собой несут, особенно в сфере культуры. И это испытание не государства, а всей системы жизни — мировоззренческих, моральных, культурных представлений гражданского общества, связанных с ними способов действия в реальности и так далее.

Российские элиты до сих пор в значительной степени не справляются с этой проблемой. Причем не справляются на уровне теории, а иногда и просто не понимают ее. Одни начинают хулить рынок и говорить, что это отвратительно. Другие приобретают телекомпании и заявляют, что нет ничего лучше — у нас большинство, у нас рейтинг. При этом в стране даже нет людей, с которыми можно обсудить эту проблему. Например, было бы интересно рассмотреть влияние пресловутого рейтинга ценой всего в 3,5 миллиарда долларов в год на «программирование» жизни в нашей стране, которое оценивается, я думаю, в сотни миллиардов долларов. Но у нас это табуированная сфера — рыночные отношения в культуре.

А ведь необходимо понимать, что означают вещи, которые мы наблюдаем. Какие у нас есть механизмы противостояния, какие механизмы есть у государства, могут ли элиты или какие-то экспертные группы осознавать последствия принимаемых здесь решений? Можно ли продавать телеканалы — кому, как, при каком условии? И что означают еще целый ряд других вещей, которых мы не понимаем? Нельзя бояться задавать вопросы, потому что от того, что мы чего-то не понимаем,

некие механизмы не перестают работать, и уничтожают нашу страну ежесекундно.

Ельцин был очень смелым человеком, потому что разрешал в тех сферах, где раньше существовала куча запретов. Но если вначале деятели культуры его обожали — как здорово, что снесена система с 14 инстанциями для утверждения фильма, существовавшая с 1932 года! — то дальше все оказалось не просто. Все сметено, а что вместо этого? А у кого теперь возможности и ответственность? Что значит частный собственник фильма? А что значит частный собственник компании, которая производит книги? Безусловно, все сразу же пошло по рыночному пути. Например, в советское время мы печатали примерно 90 тысяч названий книг, а сейчас по 130 тысяч, и при этом читать стали меньше... Там была масса драматических последствий. Но возможности, а вместе с ними и проблемы, были предоставлены.

Еще один пример о том, что было очень важно для российской культуры — о ее включении в мировой контекст, ставшем столь же мощнейшим испытанием, как рейтинги на телевидении или рыночные отношения в немассовом элитарном искусстве.

Помните то время, когда в наш прокат допускались шесть американских фильмов, а седьмой — только если Брежнев летит в Америку, и это было гигантским достижением. Сегодня совсем другая ситуация: на экраны выходят 360 названий, то есть каждый день по новому фильму. И из них 170 — американские. Но люди не понимают, что раньше — примерно с 1932 года — советская власть защищала авторов от конкуренции с крупнейшим мировым производителем киноконтента — Голливудом. Теперь же нашим художникам надо соревноваться, а соревноваться они часто не в состоянии. Да, это новые условия, новые возможности и ситуация довольно честная, по большому счету, открывающая перспективы.

Конечно, элита не справилась с проблемой. Вернее, она легко справлялась с проблемой «так жить нельзя», как назывался фильм Говорухина, но до сих пор не справилась с проблемой «как жить можно» — для этого у нее нет главных ресурсов. На протяжении 60 лет очень мощным культуротворным ресурсом являлась борьба с властью. Эта борьба развивала художников, порождала изумительные эстетические фиги в кармане. Без дураков — у нас в этом плане выдающиеся художественные достижения. Но как нашим художникам работать, когда они могут делать все что угодно, за исключением, может быть, некоторых политических сюжетов? Ну нельзя, например, про дочек Путина снимать кино. И мы видим, что в театрах нет пьес на современные темы, хотя нет никаких запретов на это и так далее. Это вызов, то самое испытание свободой. Была очень хорошая цитата из Элема Климова: «Мы так боролись с системой, пробивая эту стену, не жалея рук и голов! Стена рухнула, а за ней оказалось зеркало. И каждый остался

один на один со своим отражением. То есть, с самим собой». Да, возможности были предоставлены, но не всегда получалось научиться их использовать.

И последнее, связанное с тем, что элиты не занимались культурой в широком смысле слова, и не занимаются до сих пор. Вернусь к тому, с чего начал — люди не живут в нынешнем году. Результатом является совершенно превратное представление большинства населения о происходящем. Люди продолжают считать очень значимой роль Сталина в истории страны — таких больше половины. Люди ненавидят бизнес — после двадцати лет существования частной собственности. 57 героев телесериалов из 100 связаны с преступностью — беспрецедентная в мире терпимость к насилию. И много другого. В результате, по последнему, не самому объективному, исследованию ВЦИОМ лишь 19% считают, что эпоха Ельцина принесла больше хорошего, чем плохого. А 59% — что она нанесла стране вред.

Это то, чем заплатили Ельцину за то, что своим личным ресурсом, без помощи элит, он ввел страну в будущее, в Европу, в современность, в какие-то перспективные программы. «Старая» Россия пока еще очень большая, но я думаю, что и 20% «новой» — тоже немало. Любые исследования, чего бы они ни касались в сфере мировоззрения и культуры, обнаруживают не больше 20% современных людей. Но и за эти 20% Ельцину огромное спасибо.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Николаевич
писатель, телеведущий, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Проблема независимости СМИ

Инстинктивно — не думаю, что это было рационально — Ельцин понимал: картина мира, которая стоит у человека перед глазами, определяет все — мотивацию, выбор, готовность или неготовность чем-то жертвовать. И в этом отношении Борис Николаевич действовал именно как русский человек. Не как человек советский, или постсоветский, или антисоветский, а как русский. В этом замечательная особенность, которая никому, кроме Ельцина, не присуща — он нутром чуял, что русская культура не такая, какой мы ее себе представляем, что в ней почти отсутствует феодализм. Но самое существенное, что в русской культуре нет того, что ей приписала народническая интеллигенция и последовавшая за ней советская власть. В ней нет ни презрения к деньгам, ни презрения к труду — просто те слои были вымыты.

Например, были две пословицы, связанные между собой — «Бог шельму метит» и «Бог цену строит». Мы первую помним, а вторую — нет, а ведь это русская рыночная философия. Если мы внимательно посмотрим, то все разговоры, начатые интеллигенцией народнической, и подхваченные советской невежественной, о том, что герои русской литературы презирают деньги... Слушайте, там Евгений Онегин — бедный, Пьер Безухов — бедный. Кто вообще это придумал? Наоборот, как раз на фоне того, как прописывался слой людей, принимающих решения, активно участвующих в жизни, и можно было писать бедного человека.

Ельцин все это не то что знал, скорее чуял, потому что выбрал русское начало своим нутром — то русское начало, на котором можно строить новую жизнь. Сейчас, когда мы говорим о модернизации через культуру, всегда имеется в виду что-то только авангардное, западное, европейское, причем третьего ряда. Но можно опираться и на свою традицию, и она может стать основой модернизации. И это Ельцин нутром чуял.

Возвращаюсь к разговору о СМИ.

Прежде всего, всегда нужно понимать, на каком свете ты живешь,

то есть правильно ставить диагноз. Если мы говорим «ой, ужас, у нас болезнь смертельная», то мы, может, и лечиться не будем. Так давайте присмотримся — может, болезнь у нас и не смертельная. Причем все это касается и медиа, и более широкого круга вещей.

Когда говорят, что Россия — антисемитская страна, это неправда. Россия — страна ксенофобская. Болезнь России — ксенофобия, ненависть к чужому, на роль которого в каждую конкретную эпоху может быть назначен кто угодно: сегодня — еврей, завтра — кавказец, послезавтра — сосед из Вологодской губернии, потому что у него корова не сдохла. А болезнь, если мы правильно ее диагностировали, может быть излечена.

Когда, говоря про сегодняшний день, мы утверждаем, что в России больше нет свободы слова, и мы вернулись в советское время — это неправда. Если мы понимаем свободу слова как наше право получить доступ к открытой информации, то свобода слова есть — для всех, кто в ней заинтересован. Вы можете получить все — у нас нет «китайского Интернета», и уже не будет. Мы пропустили ту технологическую стадию, когда это было возможно. Теперь, чтобы отключить Интернет, надо сначала установить не чрезвычайное положение, а военную диктатуру. Более того, многие страны, в каком-то смысле менее развитые, чем мы, тоже не могут уже позволить себе эту «роскошь».

Доступ к открытым источникам информации — это одно, а свобода высказывания — совершенно другое. Да, поле свободы высказывания резко сужено, но поле доступа к открытым источникам информации прежнее. И драма не в том, что мы не можем узнать, что думает Борис Немцов, Лимонов, Сурков, или я уж не знаю кто. Можем. Драма в том, что страна расколота на несоприкасающиеся большинство и меньшинство.

Примерно 50 миллионов человек живут в городах, где развит Интернет, где нет проблем с доступом к информации. И примерно 90 миллионов живут в маленьких городах, поселках и селах, где, скорее всего, больше не будет книжных магазинов, не будет библиотеки даже в школе, доступного Интернета. Боюсь, что момент, когда были «лишние» деньги, чтобы эту ситуацию выровнять, уже упущен.

При этом у пассивного большинства нет и картины мира, которая делает нужным доступ к открытым источникам информации. Как нет у него и образования, и шансов вписать своих детей в будущее, потому что социальные лифты остановлены. Но зато у него есть политическое представительство во власти. Партия «Единая Россия», которая состоит в основном из «продвинутых» бюрократов, тем не менее, ориентируется на «непродвинутый» электорат, и это противоречие в определении.

Это такая взломанная, если пользоваться компьютерным термином, модель. Это какой-то хакерский обгрыз нормальной демократической

модели. Это не тоталитаризм, и я бы сказал, что это даже не авторитаризм. Это сговор двух неравных сил. Правящая элита, начальство, предложила большинству: «Вы не лезьте в наши дела, а мы не лезем в ваши дела. Вот вам 13-процентный налог. Мы ничего не повышаем, и живите, как хотите». И это действует, пока есть деньги, но деньги имеют неприятное свойство заканчиваться. А дальше — как в свое время это было в Калининграде. Стоило ему поменять дорожный налог, как выходит толпа — не отморозенных либералов, а нормальных людей. И у них лозунг «Путина в отставку». Какая связь между дорожным налогом в Калининградской области и «Путина в отставку»? А люди чувствуют: контракт нарушен, вы уже в наши дела полезли — идите отсюда. При таком раскладе ничего менять нельзя, и в этом дело.

Вопрос в том, было ли что-то в ельцинской эпохе, что вело к такой болезненной ситуации? С моей точки зрения, и было, и не было.

Не было, потому что Горбачев, предшественник Бориса Николаевича, создал законодательную основу для существования независимых СМИ. При этом Горбачев в своей практике закон о СМИ не очень-то приветствовал — мы помним 1990–1991 годы, когда он свободу прессы потихоньку сдавал, пытаясь удержаться у власти. Ельцин же, наоборот, ни законодательных, ни экономических, ни иных оснований для существования независимых СМИ не создал. Но зато в личном качестве он действительно был гарантом не только Конституции, но и права людей получать доступ к открытой картине мира.

Слом произошел, понятно, в 1996 году. В отличие от очень многих, я не склонен менять свое мнение 1996 года о том, кто должен был стать президентом — Ельцин. Я не считаю, что приход Зюганова был бы безобиден, и принцип домино не сработал бы. Но цена, которую все мы, в том числе и медиа, заплатили за ту победу, невероятно высока. Дело не только в том, что кто-то на себе испытал все прелести этого — когда коней меняли на переправе, а потом за счет ресурсов ВГТРК оснащали техникой всякого рода частные каналы. Это частный случай, пусть и трагический. Проблема глобальная: до 1996 года журналисты были вовлечены в политический процесс, но не в качестве игроков, а в качестве союзников — людей, оказывающих мощное влияние на происходящее, но не включенных непосредственно в «процесс производства» политики. А в 1996 году, они стали игроками, задействованными через «ЛогоВАЗ» и систему продвижения одного кандидата. Они научились сначала накачивать коммунистов, а потом пугать ими демократов. И накачивать демократов, пугая коммунистов. И, несомненно, это был трагический момент для развития СМИ.

После этого выбор был уже небогатый: понятно, что олигархи, которые подобрали и «настроили» медиа, валявшиеся на дороге, «заточили» их под свои нужды. Но почему при этом до конца ельцинского правления в полной мере сохранялась не только свобода доступа к

информации, но и свобода высказываний? А потому, что у олигархов были разные интересы, и каждое отдельное медиа было «заточено» под узкую информационную линейку. Линеек было много, они между собой конкурировали, и в результате мы получили доступ к разнородным враждующим, конфликтным — а это очень важно, источникам информации. Это была своего рода информационная многопартийность. Но эта модель была плохой, потому что рано или поздно она неизбежно должна была разрушиться, но, по крайней мере, она являлась приемлемой.

Дальше дорожка все сужается, сужается и сужается. Если в 1996 году СМИ были вовлечены в «процесс производства» политики, то в 1999 году они сами стали политикой. Никакой политики за пределами медиа уже просто не было. Результаты выборов определялись в эфире «Первого канала», а не у избирательных урн, потому что избиратели «затачивались» каналом. И политик, который стал порождением этой медийной игры, столь ярко описанной в одной из книг Пелевина, по определению должен был медийные штыки и зачехлить.

Совершенно очевидно, что Владимир Владимирович Путин, который пришел из ниоткуда, прекрасно понимал, каким образом он был рожден и сформирован. Хотя здесь необходимо ясно понимать: медиа из полной пустоты ничего создать не могут. Нравится нам Путин, или нет, но у человека должны быть какие-то качества, которые медиа вытянут, обработают, и подадут. В Путине было что-то такое, с чем можно было работать.

И первое, что сделал Путин, обретя власть — зачехлил медийные штыки. Были у него для этого юридические и экономические основания? Да. Опять же, нравится нам, или нет, но долг в миллиард долларов, который висел на компании НТВ — был невозвратимым долгом. Для понимания: весь рынок рекламы в 1997-м, самом успешном рекламном году десятилетия — два с небольшим миллиарда. Значит, огромные кредиты, которые даются компании — очевидным образом политические кредиты. То есть либо вы возвращаете их политически, либо у вас компанию отбирают, и на этот счет не может быть никаких иллюзий. На что некоторые надеялись? Да на то, что так же, как имевшие разные интересы олигархи, разные отделы КГБ станут враждовать между собой, и в итоге каналы будут разными. Но товарищи умеют договариваться лучше, чем господа.

В результате мы не получили тоталитаризм, отсутствие свободы слова и не вернулись в советскую эпоху — тот, кто так говорит, лжет. Мы бы полжизни отдали в 1984 году за то, чтобы иметь то, что имеем сегодня — это небо и земля. Мы туда не вернулись. Мы просто информационно разорвали страну. Мы опоздали, мы пропустили момент, когда большие медиа, прежде всего электронные, можно было использовать для работы с массовым сознанием. Цифровизация, дробление инфор-

мационного мира, кратное, тысячекратное возрастание количества источников информации, медийных ресурсов телеканалов, которые произойдут в ближайшие годы, в общем-то, эту задачу делают почти невыполнимой. «Большое» телевидение будет работать с пассивным большинством. А с активным меньшинством будут работать другие ресурсы. Остается один единственный институт, через который будут проходить все, и это не телевидение, а школа. Если мы и эту систему упустим, то тогда, я не хочу пророчить, останется один-единственный вариант: разойтись. Другого варианта я просто не вижу. Так не бывает в современной истории, чтобы большую землю заселяли никак не связанные между собой группы людей. Это может продолжаться лишь какое-то время. Хотим мы этого, или нет, но дальше — новая Беловежская пуща, без вариантов.

И еще раз вернусь к главной теме: в том, что медиа стали сползать в советскую эпоху, есть вина и Горбачева, и Ельцина. Но и в том, что они все-таки туда не сползли, есть заслуга и того, и другого. Эти два выдающихся человека, которые, к сожалению, так друг друга в истории и не нашли, с разрывом в один месяц и один день празднуют свои юбилеи.

ЕВЛАХОВ Александр Александрович,
главный редактор журнала «Новые Знания»

Конец XX века и развитие альтернативных версий отечественной истории

Эпоха девяностых одновременно со свободой СМИ дала мощный импульс переосмыслению отечественной истории. Этому содействовал ряд факторов. Во-первых, общественная обстановка в стране, доминировавшая в начале 90-х годов, тенденция декоммунизации массового сознания.

Во-вторых, публикация давно известных за рубежом, но запрещенных в СССР трудов зарубежных ученых, работ наших эмигрантов. Событием тех лет стала не только публикация трудов историка А.Н. Мельгунова, в том числе его знаменитого «Красного террора», но и А.Л. Янова с его анализом особенностей русской истории, резко расходившейся с версией официального развития России.

В-третьих, снятие Б.Н. Ельциным после событий августа 1991 года грифа «Особая папка» и «Совершенно секретно» с документов о репрессированных советских и зарубежных гражданах, тайном финансировании со стороны СССР зарубежных коммунистических и террористических организаций, секретных международных договоров.

В-четвертых, внятная артикуляция главой государства статуса Новой России и ее политики. Борис Николаевич постоянно подчеркивал, что Новая Россия не имеет и не будет иметь ничего общего ни с имперскими амбициями России царской, ни с советской ролью «старшего брата».

В презентуемом сегодня уникальном двухтомнике переписки Б.Н. Ельцина с главами государств и правительств это прослеживается очень четко. Как и другое: признание суверенитета других стран означает и неизбежность их права иметь собственный взгляд на исторические события. Какие памятники сносить, переносить и устанавливать, каких героев почитать — дело этих государств.

В результате, в 90-е годы кардинальному пересмотру подверглись не только события советского периода, но и по сути вся официозная история России, написанная в XIX — начале XX века «под заказ». С каких позиций она писалась хорошо известно.

«Прошедшее России было удивительно — утверждал шеф жандармов граф Александр Бенкендорф в связи с философическим письмом Чаадаева, ее настоящее — более чем великолепно, что же касается будущего, то оно — выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана».

Что и делалось. Известно, например, что первому штатному российскому историографу Герарду Миллеру дорого обошлась не только его речь «происхождение народа и имени российского», но и попытка заняться историей Бориса Годунова и Смутного времени. Поэтому у историков девяностых появились новые оценки нашего прошлого — периода феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, Смутного времени и реформ Петра I, Золотого века Екатерины и роли Александра Невского.

Был поставлен и один из главных вопросов — почему наша историография в качестве наследника Киевской Руси рассматривает только централизованное московское государство, игнорируя таких наших предшественников, как названный Н.М. Карамзиным «русскими Афинами» Великий Новгород, задолго до Петра I бывший не «окном в Европу», а ее частью.

И, конечно, Великое княжество Литовское и русское, на территории которого, согласно статистике, русских проживало значительно больше чем в дикой Москови, откуда бежал в Литву не только оппонент Ивана Грозного князь Курбский, но и первопечатник Иван Федоров. В новых работах ученых стали появляться совершенно другие исторические точки опоры.

Кроме исключительно военных достижений — «завоевали», «победили», «присоединили» или «погибли, но не сдались» появились уважаемые в Европе русские купцы, члены Ганзейского Союза, русские города, живущие по магдебургскому праву, русские магнаты, к которым обращаются «пан»

Все это становилось неизвестными ранее вехами русской истории, истории вполне европейской.

Итогом этого процесса стала замена лукавого постулата «история не имеет сослагательного наклонения на анализ исторических альтернатив и изучение «развилки» русской истории. Так появилась серия книг историка А.М. Буровского «Россия, которая могла бы быть». Именно благодаря развитию исторической науки в девяностые годы сослагательное наклонение сегодня стало нормой настолько, что его однажды использовал и В.В. Путин, заявивший, что Россия победила бы в Великой Отечественной войне и без Украины.

Важнейшим принципом, заложенным Б.Н. Ельциным, было не только невмешательство в оценку истории другими государствами, но и дистанцирование от научной полемики по поводу исторического

прошлого, понимание, что раз и навсегда зафиксированное историческое прошлое — иллюзия.

Поэтому власть воздерживалась от комментариев в отношении любых исторических публикаций будь то «Новая хронология» Анатолия Фоменко и Глеба Носовского или вторая мировая война, оставляя данную функцию историкам и археологам, лингвистам и социологам.

Разумеется, Б.Н. Ельцин, и как человек, и как Президент имел свои оценки многих исторических событий. о чем сегодня говорит зав. кафедрой истории российской государственности РАНХ и ГС при Президенте РФ Р.Г. Пихоя, упоминая «Закон о трех колосках» — Постановление ВЦИК и СНК от 7 августа 1932 г., по которому было осуждено 183 000 человек, Однако ему никогда не приходило в голову «поиграть в историю» или с историей. Впоследствии этот принцип был, к сожалению, нарушен. Вначале заявлениями о том, что мы должны гордиться своей историей. На конференции в Екатеринбурге «Судьба России: вектор перемен» мне уже доводилось говорить о том, что такой призыв — нелепость, прозвучи он даже от частного лица, поскольку, во-первых, не уточняет ни кому именно мы должны, ни чем именно нам гордиться — подавлением, к примеру, Польского восстания или отменой крепостного права. А, во-вторых, такой подход чрезвычайно сужает палитру наших чувств среди которых, кроме гордости и стыда, есть еще сожаление, раскаяние, сомнение.

Потом — заменой Дня примирения и согласия 7 ноября на 4 ноября — День народного единства.

Почему власть решила, что нас должно так сильно объединить «изгнание поляков» 400-летней давности и якобы окончание т.н. «Смутного времени» — вопрос особый. Историки по этому поводу единодушны только в одном: согласно летописей в указанный день «ничего не было». Последней точкой на этом пути в никуда и самой большой ошибкой в отношениях с историей явилось создание специальной комиссии по противодействию попыткам ее фальсификации в ущерб интересам России.

Оставим за скобками текстологическую нелепицу — «в ущерб интересам России», допускающую и, возможно, предполагающую такую фальсификацию «в ее интересах».

Зададимся вопросом, что наносит ущерб России — доступные или закрытые архивы?

Отвечать на него не буду, поскольку это уже сделал мой коллега Маттиас Шепп — руководитель Московского бюро журнала «Шпигель». Есть другой вопрос, что понимать под фальсификацией? Историю как науку о развитии человеческого общества, основанную на фактах в буквальном смысле фальсифицировать также сложно, как физику и географию. Интерпретация фактов — другой вопрос. И в этом смысле сфальсифицировано у нас много чего. Скажем, Иван Су-

санин, действительно, был. А вот относительно того, что он умер за царя — никаких фактов нет. И разбираться с этим — дело ученых, а не чиновников.

Однако главное в том, что вмешательство власти в исторический процесс, говоря современным языком — «опасный тренд». И мы знаем, что вслед за созданием комиссии по фальсификации тут же в Государственной Думе появился исторический законопроект.

При этом, как всегда бывает, его авторы сослались на зарубежный опыт, в частности опыт Франции. Опыт принятия так называемых «мемориальных законов» — законов, регулирующих историческую память в этой стране, действительно, есть.

Первый из них — т.н. закон Гэсо 1990 года явился реакцией на громкое дело Робера Форрисона — лионского профессора, отрицавшего существование газовых камер в нацистских лагерях. Далее, в 2001 году последовал закон, признающий геноцид армян турками.

Потом последовала эпопея, связанная с признанием колонизации преступлением против человечества.

В ответ на это признание был пролоббирован закон, в одной из статей которого в 2005 году было сказано, что в школьных учебниках во Франции должно отражаться и то позитивное, что привнесла Франция на колонизированные территории.

Кстати, вполне сопоставимое с тем, что в российских учебниках Сталин может упоминаться как «эффективный менеджер». Так вот, этот закон вызвал во Франции шквал негодования, и результатом борьбы с ним стало создание международной ассоциации «За свободу истории» под председательством одного из самых авторитетных в мире историков — автора концепции исторической памяти Пьера Нора.

Эта ассоциация добилась отзыва 4 статьи закона о «положительной роли французского присутствия».

Не так давно в послании председателя Национального собрания, обращенного к законодателям было сказано, что Французский парламент должен воздержаться от законодательного вмешательства в урегулирование истории.

И другого пути у цивилизованной страны, которую хотел видеть Б.Н.Ельцин, быть не может.

В своем выступлении мой коллега — главный редактор журнала «Искусство кино» Д.Дондурей затронул очень важный вопрос архаичности массового сознания, культуры в зеркале социологии. Переключается с ним и ремарка другого коллеги-писателя и телеведущего Александра Архангельского относительно ксенофобии этого сознания. И то и другое, безусловно, имеет место.

Однако вся ли социология объективна? Можно ли, например, считать «раскладом» общественного мнения результаты голосования зри-

телей телевизионного цикла «Суд времени» очень уважаемого мной Николая Сванидзе на пятом канале.

Напомню эти результаты:

- Беловежское соглашение
Катастрофа — 91%
Меньшее из зол — 9%
- «Коллективизация»
Необходимость — 78%
Преступная авантюра — 22%
- Присоединение Прибалтики
Выигрыш — 89%
Проигрыш — 11%
- Большевики
Спасли Россию — 72%
Погубили ее — 28%
- Ввод войск в Афганистан
Геополитическая необходимость — 87%
Авантюра — 13%

Можно заранее предсказать, что аналогичный итог был бы и при голосовании относительно ввода войск в Чехословакию.

- ГКЧП
Путч — 7%
Попытка избежать распада страны — 93%
- Садам Хусейн
Угроза миру — 4%
Жертва агрессии — 96%
- Бомбардировка Югославии НАТО
Миротворческая операция — 3%
Агрессия — 97%

Это только по «Суду времени» новейшей истории, но приблизительно тоже самое мы увидим и относительно более давних событий и персонажей.

Ксенофобское сознание проявляется не только в вариантах, названных Александром Архангельским: «кавказец», «еврей», «приезжий из Вологды», но и в подверженности части людей теориям заговора ЦРУ, мировой закулисы, НАТО, сионистов...

Это их спрос рождает предложение в книжных магазинах обилия именно такой литературы. Это они в «Суде времени» голосуют за мифологизированную «суверенную» версию истории. Причем исторические факты и аргументы уважаемых исследователей здесь роли не играют. Подтвердил это и сам «судья» Николай Сванидзе, заметив, что пропорция голосов до обсуждения не отличается от их соотношения в финале. И, что очень важно, диаметрально противоположно соотношению голосов в студии, которое, к слову сказать, меняется.

Если ориентироваться на «улицу», то, с одной стороны, видимо, зря прошло Ельцинское десятилетие свободы СМИ и исторических исследований, а, с другой — абсолютно не понятно почему так мало граждан поддерживает коммунистов, и где обширная база поддержки Д.А. Медведева, который эти же события оценивает совсем иначе.

В принципе, в любом обществе есть любители теории заговоров, есть маргиналы, придерживающиеся экзотических взглядов на события прошлого. И, конечно, они могут во время просмотра высказать свою точку зрения. Но ее не надо преподносить и как «Суд времени». Эпоха девяностых годов так много давшая нам не только в плане свободы и собственности, но и в развитии исторической науки сегодня сама нуждается в объективном отражении.

Директор Политехнического музея Борис Салтыков недавно рассказал нам, как оживленно проходила у них с Г.Э. Бурбулисом встреча с представителями молодежи, которые ничего не знают ни об очередях 1990 года, ни о возможностях выезда тогда за границу, ни о том, что же такое Беловежское соглашение. К слову сказать, в Интернет — пространстве обо всем этом не слишком много информации.

И дело, кстати, не только в тенденциозности освещения эпохи Б.Н. Ельцина, но и в недостатке информации, в нашей «короткой памяти».

Скажем Р.Г. Пихоя, говоря о Беловежских соглашениях, сказал, что распад СССР начался с I съезда народных депутатов СССР. Я считаю, что намного раньше — в середине 80-х годов, когда в среднеазиатских республиках — Узбекистане, Таджикистане- руководителями областей. Старая площадь стала назначать русскую номенклатуру, прошедшую школу советников в Афганистане.

То, что нам нужно сегодня в отношении недавнего прошлого — просвещение.

Общими усилиями мы, свидетели и участники событий девяностых, в свою очередь, должны «противодействовать попыткам их фальсификации».

Ведь это, если задуматься, приносит России ничуть не меньший ущерб.

ВЕНЕДИКТОВ Алексей Алексеевич
главный редактор радиостанции «Эхо Москвы»

Это были идеальные отношения между главой государства и прессой

Меня просили высказаться о взаимоотношениях Бориса Николаевича и СМИ. Эта тема для меня разделяется на две, потому что отношение Ельцина к СМИ как институту — это одно, а его отношение к журналистам — это другое.

Сначала про институты. Все уже забыли, что на решениях о создании всех трех федеральных телевизионных каналов, которые вещают сегодня, стоит подпись Бориса Ельцина. Одним из первых актов Съезда народных депутатов РСФСР было решение о создании ВГТРК. Олег Максимович Попцов, наверное, лучше меня об этом расскажет, но я напомню, что ВГТРК существует благодаря постановлению Президиума Верховного совета РСФСР, и на нем стоит подпись Ельцина. Канал НТВ, декабрь 1993 года — указ, Ельцин. ОРТ, 1994 год — указ, Ельцин. Это первое.

Второе: во главе этих каналов стояли неудобные для Ельцина люди. Когда я думал о кадровой политике Бориса Николаевича в СМИ, мне все время вспоминалось, что он действительно строитель: он наверняка изучал сопромат и понимал, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Такие люди, как Олег Попцов и Анатолий Лысенко, Александр Яковлев и Владислав Листьев — не были безусловными сторонниками Ельцина в смысле политики. Они угрожали ему, они сопротивлялись, они создавали неудобства, а Борис Николаевич, тем не менее, до определенного момента их терпел. Все помнят, что отношение Ельцина к СМИ было как в случае «во всем виноват Чубайс». Но все помнят и то, что когда по поводу одной из программ НТВ, «Куклы», выразил неудовольствие и.о. генерального прокурора РФ Алексей Илюшенко, Борис Николаевич ему публично сказал: я терплю, и вы терпите. Это тоже показывает его отношение к СМИ.

Не буду говорить о том, сколько указов было принято в помощь СМИ, в том числе о налоговых льготах и так далее, благодаря которым была создана масса региональных газет, региональных радио и

телестанций. Но напомним: мы ведь видим только три огромных федеральных канала, мы не видим указов в помощь прессе, а на самом деле именно благодаря указам Ельцина многие из ее представителей выжили и существовали в те тяжелые с точки зрения экономики годы, когда нефть была «20 минус» и так далее. Я имею в виду региональную прессу, а мы понимаем, что в России, как в федеративном государстве, все-таки сила и основа — в регионах, а не только в Москве. Вот эти маленькие указы, возможно незаметные на фоне действительно судьбоносных решений, позволили ныне существовать российской прессе. Да, какие-то из них сегодня отменены, какие-то еще добавлены, но это факты. И об этом не следует забывать, и может быть стоит подумать об издании сборника этих указов.

Что касается меня лично, я общался с Борисом Николаевичем не как главный редактор, не как «институт СМИ», а как человек. Поэтому мне гораздо интереснее говорить о его отношении к журналистам и к тому, что они делали.

Давайте не будем лепить образ политика, который ну просто — страшный дедушка. Ничего подобного! Не будем забывать, что Борис Николаевич в отношениях со СМИ прошел через очень тяжелые испытания. Сначала в период горбачевской опалы, когда вся пресса — а кроме как государственной, коммунистической прессы не было, — накинута на него и практически рвала его на части. Борис Николаевич все принимал на себя. На самом деле, с точки зрения прессы, он был тонкокожим человеком, и это нам только кажется, что он был крутым и непробиваемым. Я знаю, как он реагировал на то, что про него писали, на карикатуры, которые были в 1987–1988 годы. Представляете, впитать в себя весь этот яд и потом с этим ядом жить. Но и позже, как мне кажется, мы представляли для него таких, знаете ли, непонятных зверушек — мелких, но ядовитых и опасных. Поэтому нас, журналистов, он сторонился, и я бы не сказал, что он нас понимал. Не как институт, а как людей, которые задают ему вопросы, пишут о нем, рисуют на него карикатуры. Мы, новые журналисты новой России, были ему непонятны, мы были из другого мира. Он помнил только о тех журналистах, которые его травили прежде и, кстати, продолжали травить — эта память все время в нем присутствовала, и он с нами осторожничал.

Но это были идеальные отношения между главой государства и прессой. Это и есть «нормальность», это «температура 36,6» — ничего не болит, не чувствую. Мы за ним наблюдали, он нас читал, что-то взаимодействовало, что-то не взаимодействовало. И я могу вспомнить один-единственный случай, когда Борис Николаевич напрямую занялся тем, что сейчас называется цензурой.

Это произошло как раз после мятежа в октябре 1993 года, когда указом президента Ельцина была запрещена коммунистическая пресса. Я напомним, что до этого она писала: Ельцина повесить, Ельцина рас-

пять. Причем, это были настоящие призывы к физическому уничтожению.

И вот президент подписал указ. Но после этого главные редакторы демократических, либеральных и других СМИ обратились к Борису Николаевичу с просьбой отменить запрет. И он его отменил — через месяц. Вы можете себе такое представить? Где, в какой стране была бы разрешена пресса, в которой призывали бы к убийству президента? Я не знаю, почему Борис Николаевич это сделал, хотя понимаю, что это был, в том числе, и политический шаг. А ведь он мог бы этого не делать, и его бы поняли. И это очень важно для понимания отношения Ельцина к СМИ.

Я не уверен, что он сочинял для себя какие-то специальные формулировки насчет свободы. И вряд ли он углублялся в то, что такое свобода, что такое не свобода, и что из них лучше. Для него свобода — это просто хорошо, и потому народ этого достоин. А готов народ, или не готов, нечего раздумывать — готов. Поэтому и появилось решение: пусть люди читают эти призывы убить президента. Я думаю, что он воспринимал их как призывы убить его самого, но свобода была важнее. И это очень важная история. Ведь его отношения были весьма непростыми не только с прессой в целом.

И для меня лично 1993 год был тяжелым испытанием. Дело в том, что во время мятежа я работал в Белом доме с самопровозглашенным «президентом» Руцким, и именно на нашей станции, на «Эхо Москвы», Руцкой выступил с знаменитым призывом «Товарищи, поднимайте самолеты, летите бомбить Кремль». Это именно я, мальчиш-плохиш, вывел его в прямой эфир. Вроде все понятно: мятеж, все на волоске, журналисты работают, я вывел, он сказал — и все. Но через два месяца Борис Николаевич собрал журналистский пул, куда был вызван и я. Прихожу как обычно, про Руцкого, естественно, давно забыл — уже много других событий произошло. И тут Владимир Николаевич Шевченко, который здесь присутствует, сажает меня напротив пустого стула, где будет сидеть президент, обычно же мы садились на любые места. И я понимаю: «ща будет». Не понимаю почему, но понимаю: будет. И со стулом неспроста: есть, наверно, такая кнопка, нажмут ее, и ты проваливаешься в кремлевские подвалы, а там тебя начинают пытать. Приходит Борис Николаевич, садится, смотрит. Был у него такой взгляд — я думаю, что многие о нем знают, — нижняя губа поджата, ноздри раздуваются. И вот он говорит, глядя на меня именно так: «Ну, здоров. Как не стыдно? «Товарищи, поднимайте самолеты, летите бомбить Кремль». «Эхо Москвы», как не стыдно?!» Тут я понимаю, что сейчас он нажмет ту самую кнопку, и я окажусь «там». Начинаю вспоминать, что же действительно тогда было, и говорю: «Борис Николаевич, понимаете, тогда я там работал, в Верховном совете, а сегодня меня послали к вам, это такая работа, товарищи». На что президент отвечает: «Работа у него, понима-

ешь. Работничек! Ну, работай». И это все. Все! И это очень важно. Его жизнь висела на волоске — и он это знал. Призыв, который прошел по «Эху Москвы», мог привести к необратимым последствиям — и он это знал. И, тем не менее, даже выговора не было. Вот в этом и состояло отношение Ельцина к СМИ: свобода слова важнее, чем безопасность, в том числе и его личная безопасность. Хотя, возможно, именно так он для себя это и не формулировал.

Борис Николаевич, конечно, иногда брал реванш над нашей сумасшедшей братией, которая что-то про него говорила, писала, и которую он действительно недолюбливал и не понимал. Но как он брал реванш? Помните кадры 1995-го года, когда Клинтон хохочет — они вошли в мировую историю. Отчего хохотал Клинтон? Дело было в Вашингтоне в библиотеке Рузвельта. К журналистам вышел довольный Борис Николаевич. Мы думаем: «Что там? Договорились? Не договорились?» Говорит довольный такой: «Вы предсказывали, журналисты — и пальцем в зал — вы предсказывали, что наши переговоры провалятся. Так я вам скажу: это вы провалились». И счастье — у него реванш над журналистами. Понимаете? Это все, что он мог себе позволить.

И последнее: один из важных показателей, связанных с отношением Бориса Николаевича к журналистам. Когда Борис Николаевич ушел, моя молодая редакция — средний возраст журналистов у нас 25 лет — плакала. Кто для них Борис Николаевич, ведь это уже другой призыв? Я — понятно, а эти-то чего, 25-летние? Им было по 18, когда он перестал быть президентом. И это журналисты! Я спросил Матвея (Ганопольского): «Матвей, почему наши молодые так переживают? Они же с ним не работали, не знали его, он для них уже как Наполеон, исторический персонаж?» И он мне ответил: «Понимаешь, Борис Николаевич для нас, для журналистов, был как камертон. Сверялись со звуком: правильно — не правильно. Да, этот камертон лежал в шкафу, на полке, но ты всегда знал, что он там лежит, и его можно было достать и свериться. А сейчас — не получается».

Я встречаюсь со многими главными редакторами, и могу сказать, что все мы воспринимаем эпоху Бориса Николаевича, как время абсолютной свободы, когда мы были отдельно и он — отдельно, когда температура была «36,6». И это при том, что все мы достаточно циничны, много видели, много знаем. Эпоха Ельцина — это лекало, которое надо восстанавливать и для журналистской профессии, и для СМИ как института государства, а не инструмента в руках власти, или владельцев, потому что это необходимо нам, как кислород. И очень жаль, что Борис Николаевич сейчас этого не слышит. А может, слышит.

РАЗДЕЛ 4

Становясь понятными другим

КОЭН Ариэль
старший научный сотрудник
Фонда «Наследие» (США)

Внешняя политика: наследие прагматизма (американский взгляд)

Став независимым государством после распада Советского Союза в конце 1991 года, Россия столкнулась с рядом проблем в деле реформирования политической системы. Система нуждалась в кардинальных изменениях после 75 лет советской власти. И Борис Ельцин, первый всенародно избранный Президент России, предложил тогда свое видение политического курса. В его понимании власть должна была быть основана на принципах демократии и уважения частной собственности, которые изменили бы роль России в мире. Несмотря на некоторые ошибки в реализации, это было правильное решение, это был единственный способ успешно интегрировать новую Россию в глобальные рынки и сообщество западных стран.

Распад СССР привел к экономическому коллапсу во многих бывших советских республиках, в том числе и в России. Но, тем не менее, администрация Ельцина достаточно успешно пыталась провести радикальные рыночные реформы. Западные экономические институты, такие как МВФ, Всемирный банк, Министерство финансов США и их русские партнеры разработали тогда политику для стран с переходной экономикой, которую иногда уничижительно называют «шоковой терапией». Однако, несмотря на некоторые успехи, азиатский экономический кризис 1997–1998 годов вызвал серьезный экономический кризис в России. В результате ухудшилось общественное мнение об администрации Ельцина во время его второго срока полномочий. Тем не менее, история оценила вклад Бориса Николаевича Ельцина.

В международных отношениях при Ельцине было достигнуто многое. Россия была признана государством-правопреемником Советского Союза — это касалось постоянного членства СССР и его права вето в Совете Безопасности ООН. Россия также стала правопреемницей всех советских активов и большинства договорных обязательств Советского Союза. Но в то же время она унаследовала и весь его совокупный долг.

Внешнюю политику России в 1990-х годах определяли несколько порой противоречивших друг другу факторов. Прежде всего, здесь следует сказать о том, что одним из ключевых, определяющих отношения постсоветской России и Запада, считается вопрос контроля над вооружениями. И в этом вопросе были серьезные достижения. Под руководством Бориса Ельцина и при участии США России удалось уговорить бывшие советские республики — Беларусь, Казахстан и Украину, добровольно отказаться от ядерного оружия и передать его под командование российских Ракетных войск стратегического назначения. Этот шаг был обусловлен сочетанием международного давления, намерений России интегрироваться в международное сообщество, а также предоставлением западной помощи для демонтажа ядерного оружия. 14 января 1994 года президенты США, России и Украины — Билл Клинтон, Борис Ельцин и Леонид Кравчук — подписали трехстороннее заявление, в котором содержалось описание множества процедур по передаче украинских ядерных боеголовок России в обмен на компенсации и гарантии безопасности.

Несомненным достижением внешней политики Ельцина является и то, что к середине 1994 года был успешно завершён вывод русских войск из Прибалтики, и налажены дипломатические отношения с бывшими советскими республиками. В 1993 году в Массандре президенты Ельцин и Кучма подписали соглашение, в соответствии с которым Черноморский флот и вся его инфраструктура в Крыму используется Россией. Недавно этот договор был продлен до 2042 года. Благодаря Борису Ельцину в целом произошло переосмысление отношений с Западом. При этом, хотя сам Ельцин хотел бы видеть в Западе своего союзника, часть его кабинета все же противостояла формированию новых отношений с государствами Восточной Европы. И, несмотря на ряд значительных достижений в области контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия, российские дипломатические отношения с США были напряженными из-за внешней политики России в ее «ближнем зарубежье». Так, проблемными были вопросы ее региональной политики в части претензий на особые «сферы влияния» на постсоветском пространстве.

Тем не менее, встретившись в Ванкувере в 1993 году и в Москве в 1994 году, президенты Клинтон и Ельцин заявили о своей твердой приверженности динамичному и эффективному американо-российскому партнерству, которое укрепляет международную стабильность. При этом президент Ельцин подчеркивал свою твердую приверженность делу укрепления демократизации, верховенства закона и рыночной экономики.

Хотя в годы правления Ельцина США не пытались изолировать Россию от стран бывшего соцлагеря, и способствовали налаживанию отношений Москвы со странами Восточной Европы, российское ру-

ководство часто выступало, и до сих пор выступает, против интеграции бывших советских республик в западные силовые структуры.

В 1999 году Россия выступила против натовских бомбардировок Югославии, но позже, в июне 1999 года, вступила в миротворческие силы НАТО на Балканах. И, вместе с тем, она была против расширения НАТО на Восток, на территорию бывшего советского блока, включая Чешскую Республику, Польшу и Венгрию.

Разумеется, Москва была против и второго расширения НАТО на Восток в 1997 году, и включения в него Прибалтики в 2004 году. Но особо следует отметить то, что Ельцин успешно достиг наиболее убедительного императива постсоветского времени: политическое руководство России запретило применение ядерного оружия и его передачу государствам-изгоям. Во время своего пребывания у власти, Ельцин расширил президентские полномочия, и принимал важные внешнеполитические решения практически без консультаций с законодательной ветвью власти, которая порой демонстрировала враждебный настрой. Тем не менее, сегодня, оглядываясь назад, нельзя не удивляться тому, что Ельцину удалось сделать в ту революционную эпоху. Хотя нельзя не отметить и то, что внешнеполитические подходы со временем менялись.

В начале 1992 года министр иностранных дел Андрей Козырев заявил, что внешняя политика руководства новой страны будет отличаться от политики горбачевского «нового мышления». При этом Козырев особо подчеркивал, что основой для новой внешней политики являются национальные интересы России, а не так называемые «международные классовые интересы», которые составляли теоретическую основу советской внешней политики. То есть Россия отвергла систему марксизма-ленинизма как руководства к действию во внешней политике, переориентировавшись на конструктивное сотрудничество с Западом в решении региональных и глобальных проблем. Советники Ельцина рассматривали новую независимую Россию как государство, все более интегрированное в международные институты. И появление у руководства страны новых внешнеполитических взглядов, в частности, обеспечило экономическую и гуманитарную помощь Запада, его поддержку экономических реформ Ельцина.

В течение двух лет — 1992—1993 годы — внешняя политика России, как правило, была довольно примирительной по отношению к Западу, и часто поддерживала его позицию по мировым конфликтам. Вместе с тем, основным направлением этой политики было решение собственно российских проблем. Но повестка дня начала меняться с приходом в 1996 году министра иностранных дел Евгения Примакова. Теперь она была основана на возвращении страны в «большую политику», и направлена на превращение России в лидера многополярного мира, что отражали появившиеся у нее стратегические интересы в ее «ближнем зарубежье».

Примаков решительно выступил против расширения НАТО на территорию бывшего Восточного блока. Его усилия и напряженные переговоры привели к тому, что к концу мая 1997 года удалось согласовать компромиссный текст соглашения между Россией и НАТО. Это был «Основопологающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». Этот важнейший во всех смыслах документ был подписан 27 мая 1997 года генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой.

Кроме того, «доктрина Примакова» подразумевала, что политика России основана на посредничестве в урегулировании конфликтов, что позволяло расширить российское влияние на Ближнем Востоке и в бывших советских республиках. В результате внешняя политика Примакова способствовала тому, что Россия, Китай и Индия стали выступать в качестве «стратегического треугольника» в противовес США.

Достижения в продвижении демократии в сочетании с усилиями Ельцина по сокращению военно-промышленного комплекса России продемонстрировали приверженность первого президента мирным демократическим преобразованиям постсоветской России. Эти достижения также показывают глубину перемен, произошедших во времена, когда Ельцин занимал пост президента. Вместе с тем, реформы в вопросах оборонной и внешней политики были ограничены. Например, в отличие от стран Балтии и большинства стран Центральной Европы, Россия не смогла быстро провести смену командного состава, при том что многие руководители занимали свои посты еще с советских времен.

Сегодня, когда мы говорим о роли Ельцина в истории дипломатии России, мы видим резонанс с современными проблемами, с которыми сталкивается нынешнее российское руководство. Прежде всего, это выстраивание конкурентоспособной рыночной экономики, действительно демократической политической системы и открытых отношений с Западом.

Ельцин принял руководство страной в момент усугубления кризиса сразу в трех плоскостях. Россия переживала общий политический кризис перехода от империи к федеративной республике, который одновременно оказывал влияние не только на бывшие республики СССР, но и на Восточную Европу в целом. При этом с переходом от централизованной плановой экономики к рыночной модели страна переживала экономический кризис. Не менее болезненным стал и кризис национальной идентичности — переход от понятия «советский народ» к понятию «гражданин России».

Политическая и экономическая системы России лежали в руинах, и при этом сама страна должна была воссоздаваться заново. Но несмотря на все трудности, Борису Николаевичу Ельцину удалось достичь по-

ложительных результатов политических реформ, постепенно переходя от поздней советской авторитарной модели управления к нарождающейся демократии. Российское государство уже не было ни монархией, ни диктатурой. Благодаря воле и прямой инициативе Бориса Ельцина, была принята новая Конституция, провозгласившая права человека высшей ценностью. Она открыла людям возможность свободно выражать свои мысли, свободно выбирать власть в стране, реализовывать свои творческие и предпринимательские планы. Эта Конституция впервые позволила начать строительство реальной, эффективной федерации.

При администрации Ельцина Россия пережила яркий этап освобождения гражданского общества, свободы от государственной цензуры. Тогда же впервые стали открытыми политические дискуссии оппозиции. Именно тогда ее представители получили доступ к телеканалам. Улучшению ситуации в части обеспечения свободы слова и прав человека в России способствовало возрождение многопартийной системы, свободы вероисповедания, гражданского общества, представителями которого являлись объединения правозащитников — Московская Хельсинкская группа и «Мемориал». Тогда же в российском обществе, казалось, значительно уменьшилась и расистская риторика.

В день смерти первого президента России Владимир Путин выступил с телеобращением, в котором сказал: «При Ельцине началась целая эпоха, родилась новая демократическая Россия — свободное и открытое миру государство. Государство, в котором власть действительно принадлежала народу». Следует отметить, что при этом сила первого президента России заключалась в массовой поддержке его идей и устремлений гражданами страны. Борис Ельцин брал на себя полную ответственность за все, к чему призывал и к чему стремился. За все, что пытался сделать и делал ради страны, ради миллионов россиян. Все беды и все невзгоды России, трудности и проблемы людей он неизменно «пропускал через себя».

Сегодня россияне живут во времена перемен, когда страна стремится к модернизации своей экономики, которая построена сегодня исключительно на экспорте сырья. Россия также пытается достичь баланса между свободой и порядком и, как мы надеемся, стремится к «перезагрузке» отношений с США и Западом. Об этом говорит и договоренность Москвы и Вашингтона об установлении контроля над вооружениями. При этом нынешнее правительство должно омолаживать кадры ельцинской эпохи, превратив Россию в современную, политически стабильную, и по-настоящему демократическую страну. Страну, которая станет надежным партнером США и их союзников, и получит признание в мире благодаря своим достоинствам и процветанию, а не грубой силой и страху.

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич
советник Президента Российской Федерации

Внешняя политика России: наследие прагматизма (российский взгляд)

Действительно, Борис Николаевич Ельцин, став президентом независимой России, получил тяжелое наследство. И думаю, анализируя ту ситуацию с точки зрения «реал-политик», что на его месте никто не смог бы предложить ничего принципиально другого.

Страна действительно была ядром двух концентрических колец разваливающейся империи — я имею в виду Восточную Европу и собственно Советский Союз. Центробежный процесс являлся тогда основополагающим, и если бы он не пошел по пути переговоров и поиска совпадения интересов, все могло бы закончиться еще большей кровью. Она ведь была — и в Тбилиси, и в Баку, и в Вильнюсе... Шли процессы развала империи. Изучая отношения с Украиной, Дагомысские соглашения, встречу в Массандре в 1993 году, мы видим, что именно в тот период были заложены основы процессов, которые развиваются и сегодня. В том, что касается Украины, это вопросы базирования Черноморского флота в Севастополе, признания границ и так далее.

В тот период в отношениях с Западом, с Соединенными Штатами вопрос о советском ядерном оружии и о том, как предотвратить его распространение, действительно был ключевым. С точки зрения Соединенных Штатов это была очень серьезная проблема. Как и то, что было принято решение перевезти ядерные заряды и ракеты на территорию Российской Федерации, сделав Россию ядерным наследником Советского Союза. Повторю: с точки зрения Соединенных Штатов, до середины 1990-х годов ядерный момент был очень важным. И мы помним, что 14 января 1994 года три президента — России, Украины и США, подписали трехстороннее заявление. Хотя при этом мы помним и то, что тогда Верховная Рада вела игры с идеей сделать Украину ядерным государством. Так что, судя по той ситуации, по тем картам, которые были на руках у Бориса Ельцина, он выбирал оптимальные решения.

Безусловно, очень важно и то, что Россия получила кресло постоянного члена Совета Безопасности и зарубежное имущество Советского Союза. С долгами Советского Союза, обязательства по которым тогда были приняты, насколько я понимаю, теперь практически расплатились.

Действительно, с приходом в МИД Евгения Максимовича Примакова — возможно, и до этого, но с его приходом в МИД и в кресло премьера особенно, — акценты начали смещаться: Россия стала возвращаться к исторически присущей ей роли региональной сверхдержавы. То есть она не ограничивалась лишь устремлениями встраиваться в международную систему на основании каких-то общечеловеческих ценностей, как говорили при Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Россия начинала вести политику, основанную на государственной мощи. И ключевым моментом здесь было выступление против натовских бомбардировок Югославии, «петля Примакова» — разворот его самолета над Атлантикой. С тех пор можно отследить вектор осложнения российско-американских отношений, отношений с НАТО и с Западом в целом.

Здесь я хотел бы поставить некоторые вопросы. Были ли упущены какие-то моменты? Мне кажется, что да. А была ли возможность, например, более серьезно подойти тогда, в начале 1990-х, к членству России в НАТО? Мне кажется, что такая возможность тоже была. Не было консенсуса в элитах и, конечно, в самом НАТО. Но мы видели, что в начале 1990-х годов идея членства в НАТО балтийских государств, Румынии и Болгарии также выглядела достаточно странно, или, мягко говоря, экстравагантно. И тем не менее, благодаря консенсусу элит обеих сторон и очень сильному лоббированию, это произошло. Сегодня оно усиливает безопасность, сотрудничество и стабильность на северо-восточной и юго-восточной перифериях Западной Европы.

Закономерно, что очень много было сделано во внутренних делах государства. Почему Владимир Владимирович Путин в своем телеобращении в день смерти Бориса Николаевича («При Ельцине началась целая эпоха, родилась новая демократическая Россия, свободное и открытое миру государство, государство, в котором власть действительно принадлежала народу...») сказал «принадлежала»? Я думаю, что когда власть в стране действительно принадлежит народу и практикуются заявленные в Конституции свободы, это имеет колоссальное значение для возможностей нашего сотрудничества даже в совершенно жестких вопросах глобальной безопасности. То, что сейчас происходит в Египте, например, будет играть колоссальную роль в ближайшие десятилетия. И тут объективно интересы России, Западной Европы и Соединенных Штатов совпадают. Я бы добавил сюда и Тихоокеанский регион, потому что не в общих интересах,

если Ближний Восток станет более исламистским, более радикальным, если в этом регионе осложнится доступ к нефти — как минимум, вследствие этого вырастут цены на нефть, что подрывает экономический рост.

В заключение соглашусь, что и сегодня россияне живут в период перемен. И именно поэтому нынешнее правительство должно извлечь уроки из ельцинской эпохи и довести дело жизни Бориса Николаевича до конца, превратив Россию в современную, политически стабильную и по-настоящему демократическую страну.

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Федор Вадимович
*директор программ Российского
общественно-политического центра*

Россия — открытая страна

Дорогие коллеги, мне выпала большая честь представить свой взгляд на внешнюю политику России в эпоху Бориса Николаевича Ельцина. В 1991—1992 годах, в начальный период реализации российской внешней политики, я был первым заместителем министра иностранных дел. Это как в известном анекдоте: умирает человек, призывает всех своих родственников, и потом задает вопрос «А кто остался в лавке?» Вот я был тем самым человеком, который «сидел в лавке», потому что Андрей Козырев даже не каждую неделю бывал в Москве. Тогда даже возникла шутка, что есть министр иностранных дел России, а есть министр иностранных дел в России. То есть мне приходилось в оперативном режиме подстраховывать очень многие вопросы.

Мне пришлось быть не просто участником и свидетелем — я был очень глубоко вовлечен во многие процессы, которые тогда происходили. В Верховном Совете, когда Ельцин был его председателем, а я возглавлял подкомитет по внешне-республиканским отношениям, мы готовили тыловую базу взаимоотношений между республиками. Тогда я мог наблюдать и обсуждать подходы Бориса Николаевича к отношениям с народами еще единого Советского Союза. И это была совсем не рутинная ситуация, потому что Ельцин был невероятно любознательным человеком. Он буквально на бегу набирался новых впечатлений, новой информации, новых знаний. Я по своей базовой профессии историк культуры и этнолог, и мне приходилось много рассказывать ему о народах, которые населяют Советский Союз. Он, со своей стороны, очень точно ставил вопросы, очень внимательно слушал и потом требовал уточнений.

По моим впечатлениям, лишь два человека в 1990-е и в 2000-е годы, если говорить о нашем политическом классе, были соразмерны и адекватны миру — это Ельцин и Гайдар. Оба — личности планетарного масштаба. К сожалению, сейчас я других таких не вижу.

Борис Николаевич, конечно, был глыбой. И он выделялся, даже выламывался, как говорят театралы, из общего фона своих коллег.

Окружавшие его президенты и премьер-министры, кроме, может быть, Буша-старшего, были по масштабу ему не соразмерны — и Рейган, и тем более Миттеран и Ширак, и, в какой-то степени, Тэтчер. Даже ее в каких-то вещах Борис Николаевич превосходил.

Ельцин обладал замечательным качеством, которое политикам свойственно чрезвычайно редко. И, кстати, той же Тэтчер оно свойственно не было. Величие любой личности заключается в том, насколько и что человек может прощать другим. Приведу один пример. Апрель 1992 года, в Киеве должен быть подписан договор о том, что контроль над ядерным оружием переходит к России. Слава Богу, Борис Николаевич имел такую манеру: перед тем, как подписать документ, он его перелистывал. Я стою за его спиной и вижу, что листы-то подменили. Падаю на стол примерно с такой репликой: барин, не погуби, виноват, моя служба не справилась, тут не то, вот правильный вариант. Кравчук и Назарбаев сидят просто малиновые — не получилось. О чем они думали, желая сохранить ядерное оружие на своих территориях? Я не знаю. А Борис Николаевич рывкнул в мою сторону, что, мол, лучше работать надо, и все подписал. Он-то все понял, но стилистика отношений не изменилась. И это при том, что на кону стояло, возможно, будущее цивилизации.

Конечно, Борис Николаевич не был идеалистом — идеалисты превращаются в гитлеров и бенладенов. Но у него было ощущение своей. И в этом не было заносчивости, что тоже показывает величие духа. Чтобы развить эту линию, воспользуюсь двумя темами.

Первая — Украина. Иногда мне даже снится эта ситуация: сидим троим в кабинете Бориса Николаевича — он и мы с Грачевым друг против друга. Первая половина 1992 года. Грачев, не стесняясь в выражениях, а мы знаем, что Борис Николаевич никогда их не употреблял, выдает примерно следующее: сколько можно терпеть хамство этих хохлов, да я сейчас, да дайте мне возможность, да две дивизии и так далее. Я начинаю объяснять какие-то вещи, но чувствую, что могу упустить ситуацию. Тогда я говорю: «Хорошо. Но только ты мне объясни, как русские будут стрелять в русских, а украинцы в украинцев, ведь народы-то пополам. Половина русских офицеров остались в украинской армии, а половина украинских — в русской». Молчание — Грачев просто не находит, что ответить. И тут Борис Николаевич говорит: «Все, никаких военных действий. Решение принято». Мощно и сразу.

Вторая тема — «членство в НАТО». Я тот самый человек, который вел по поручению Ельцина пред-переговоры сначала с де Франкисом, а потом с Вернером. Мы вырабатывали предварительную повестку дня переговоров. Могу к общей радости или огорчению сказать: я никогда не видел ни до, ни после, такого консенсуса и такого сердечного взаимопонимания между нашим и НАТОвским генералитетом. Они

были готовы сделать все, чтобы развалить процесс... К этой работе Борис Николаевич непосредственного отношения не имел — он не успел включиться. А если бы успел, я думаю, результат был бы более существенным.

Поскольку я говорю о миссии, очень важно отметить следующее. Борис Николаевич предложил миру новую стилистику взаимоотношений в международных делах. Это не то, о чем потом злопыхатели и просто не очень дальновидные люди хихикали, имея в виду личные стороны его характера и так далее. «Тот, кто разделяет политику и этику, не понимает ничего ни в одной, ни в другой» — это слова Черчилля. Правда, Черчилль имел в виду по большей части внутреннюю политику. А Борис Николаевич предложил использовать этот камертон моральности во внешнеполитической сфере. И в этом смысле он был новатором и лидером, далеко опередившим свое время. Но партнеры и у нас в стране, и «там», иногда смотрели на него, как на довольно своеобразного человека, потому что применять мораль в политике не очень любят до сих пор.

Мы только сейчас начинаем понимать широту Ельцина, которую часто упоминают в негативном плане. А ведь это была не просто характеристика личности. Вспомним, как была признана независимость Прибалтики? Указами президента Ельцина, хотя были готовы договоры, которые все могли бы подписать. И это не просто широкий, барский жест, это именно великодушие, которого нам до сих пор не хватает. Это гуманистический вызов, и ответ на него в одном человеке. Не та описанная в книгах схема, когда сначала возникает вызов, а потом кто-то другой дает на него ответ — Ельцин вызов сформулировал сам.

Должен сказать, что сохранить за Россией право голоса в мировых процессах, обеспечить признание ее участницей ключевых событий, которые тогда происходили, было тяжелейшей задачей. То, с чем наследники, на самом деле, во многих отношениях не справляются. Но эту задачу Борис Николаевич решил. Причем сделал это в чрезвычайно трудной ситуации, которая не может сравниться с тем, что есть ныне.

Это было болото, причем настолько зыбкое, что не было даже кочек, на которые можно было бы опереться. Это была зависимость от экономической конъюнктуры — то, что сейчас мы имеем с плюсом, тогда было с колоссальным минусом. Это была, с моей точки зрения, и недальновидность многих западных политиков, ведомых сиюминутной корыстью. Например, если у России есть долги, значит их надо востребовать немедленно, и никаких разговоров. Если реструктурируем, то на год, на два, но не на пять, не на десять лет. Это была ситуация, когда среди российских союзников Ельцина царил романтизм. Помню, как в Верховном Совете мне приходилось объяснять с трибуны, опять же

замещая Андрея Козырева, что конгресс Соединенных Штатов не будет для вас как ЦК КПСС, потому что у американцев есть своя нация, 250 миллионов человек, им надо думать сначала о ней. Романтизм существовал и с американской стороны. Они считали, что просто все быстро станут похожими на них, и все хорошее сразу произойдет как бы само собой, и иного выхода нет.

Правда, как известно, американцы пересмотрели эту позицию, и, слава богу, сейчас довольно успешно реализуют другие подходы.

РАЗДЕЛ 5

Вспоминая первого Президента

РЫЖОВ Юрий Алексеевич
президент Международного
инженерного университета

Те тринадцать лет

Начну с одного эпизода, относящегося к периоду, который я обозначил для себя как 1986—1992 годы. Это было 1 февраля 1991 года, когда в пионерском лагере Совета Министров Российской Федерации собрались однокашники Бориса Николаевича Ельцина по УПИ и его соратники по межрегиональной депутатской группе. Во главе стола была вся его семья, тогда даже его мама еще была жива. Мы отмечали его 60-летие. Это был очень теплый вечер. Стол был очень скромный, потому что страна неминуемо двигалась к экономическому, а, следовательно, и продовольственному краху. И Борис Николаевич почему-то предложил мне, человеку абсолютно непригодному к роли тамады, открыть это мероприятие, пообещав, что меня сразу же сменит, как он сказал, их заправский тамада. Этот человек, окончивший вместе с Ельциным УПИ, в то время работал где-то в Белоруссии.

От этого эпизода я сразу перейду к хронологии, чтобы проследить, как у меня складывался человеческий образ Бориса Николаевича. Для меня это не менее важно, чем говорить о его политическом героизме, быстром созревании из партийного функционера высокого ранга в храброго, смелого, решительного политика, который обладал политической волей, которой сейчас почти всем не хватает.

Так вот: 1986 год, какое-то собрание деятелей науки и высшей школы в Доме политпросвещения на Цветном бульваре. Тут я первый раз вживую увидел Ельцина, взбегавшего по ступенькам к входу. И первое ощущение: красивый, сильный, высокий. Он выступал, не сильно придерживаясь подготовленной бумаги, в отличие от других боссов того периода. И отвечал на вопросы, демонстрируя умение владеть аудиторией.

Следующая встреча, короткая, состоялась уже один на один. Поскольку Горбачев стал перетряхивать партийный и государственный аппарат, и назначать новых министров, в том числе он назначил новым министром высшего образования Геннадия Ягодина, бывшего ректора одного из московского вузов. Ягодин приехал ко мне в МАИ,

где я был проректором по научной работе, и сказал: «Приходи завтра на коллегию, назначаем тебя ректором». Прежний ректор был очень болен. На коллегии Ягодин заявил: «Вот, назначается...». Однако курирующий инструктор ЦК партии его одернул и сказал, что ректор МАИ — это номенклатура МГК и ЦК, и его кандидатуру надо согласовывать. И я направился в МГК к первому секретарю Борису Николаевичу Ельцину.

Это было довольно рано утром. В приемной меня встретил Виктор Илюшин, с которым мы потом долго дружили. Я вошел к Борису Николаевичу. Он доедал на ходу завтрак, объяснив мне, что с утра ездил по городу, по магазинам, в общественном транспорте. Про пуговицы пожаловался. Мы недолго побеседовали. Я смог вспомнить о той встрече не очень многое. Например наш короткий диалог. Я сказал: «Борис Николаевич, а ведь я жил два года в Свердловске, в 1941–1943 годах, в эвакуации. Уверен, что если я назову адрес, вы скажете, что знаете тот дом». Он ответил: «Ну, как так может быть?». Я: «Да, улица Шейнкмана, 19». «А, знаю, — припомнил Борис Николаевич, — это был тогда самый большой, только что построенный красный кирпичный дом с несколькими подъездами». После этого он сказал: «Все, идем на бюро горкома». Приходим, сопровождаемые Виктором Илюшиным, в зал заседания, и Борис Николаевич, только что со мной познакомившийся, произносит авансом, что я буду самым хорошим ректором и все такое. Дальше — «за», «против», «воздержались». Единогласно.

Так начинала складываться моя мозаика. Перейду к следующему периоду: Борис Николаевич уже в опале, он в Госстрое на правах министра. На одной из моих предвыборных встреч с избирателями — я по настоянию своих коллег баллотировался по ленинградскому Железнодорожному району, — ко мне подходит в дальнейшем верный помощник Бориса Николаевича Лев Суханов, в тот момент он был его помощником в Госстрое. Суханов жалуется, что Ельцину препятствуют в организации встреч с избирателями — не дают площадки и так далее. Я говорю: «Давайте ближе ко дню выборов проведем его встречу во Дворце культуры МАИ». Ведь я уже хозяин МАИ.

В день, на который мы назначили встречу Бориса Николаевича, происходило еще одно знаковое событие: повторные выборы делегатов на Съезд народных депутатов от Академии наук. Повторные, потому что первые руководство тогдашней Академии провело, видимо, как-то келейно — в число делегатов, в частности, не попал Андрей Дмитриевич Сахаров. И вот утром во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте началось собрание Академии и представителей от институтов. Там были не только академики и члены-корреспонденты, но и настоящая научная общественность. И, естественно, присутствовал там и я. Вскоре после начала мероприятия ко мне подсаживается мой помощник по МАИ Владимир и говорит: «Юрий Алексеевич, звонили из горкома, требовали отме-

нить встречу в ДК». Я говорю: «Вадим, ты как сюда попал, ведь здесь три контроля у входа и охрана?». «С большим трудом», — отвечает. «Тогда, если будут звонить, скажи, что тебя сюда не пустили».

Вечером началась встреча. Зал в ДК — битком, и люди продолжают входить. Мы с Борисом Николаевичем сделали краткие вступления, затем стали отвечать на вопросы. Но очень скоро мне тот же Вадим докладывает: «Народ трансляцию включить требует». Я говорю: «Нет, мне плевать». Ведь очевидно, что Бориса Николаевича тут же обвинят в проведении несанкционированного митинга, и устроят из этого какой-нибудь шухер. Через 15 минут ситуация повторяется, и подходит уже начальник районного отдела милиции. А Вадим уточняет: «Полковник говорит, что люди уже одну стеклянную дверь сломали, и милиция больше удержать их не сможет, надо включать». Я говорю: «Ну, если полковник МВД требует, включайте». Это замечательное собрание продолжалось часа два. Потом Борис Николаевич сделал глоток чая в кабинете директора и пошел в народ — туда, за стеклянную дверь, где была большая толпа. Сразу скажу, что зал ДК был настроен очень про-ельцински, потому что Ельцина уже воспринимали как человека, восставшего против власти и пострадавшего от нее. А уж толпа приняла его на ура.

Следующий знаковый эпизод: первый Съезд народных депутатов, и Ельцин, конечно, уже депутат, причем от московского Центрального округа. Это тот самый съезд, который, не отрываясь, смотрела по телевизору и слушала по радио вся страна, потому что такого прежде никто не видел, и не ожидал увидеть. На одном из первых пленарных заседаний группа демократически настроенных депутатов, избранных от Москвы, решила, что надо собраться, чтобы выработать и заявить свою единую политическую позицию. Я подошел к Анатолию Лукьянову и сказал: «Дайте нам, московским депутатам, какое-нибудь помещение, чтобы мы могли вечером собраться и поговорить». Подошел именно я, потому что технический штаб группы находился в Комитете по науке на Новом Арбате — в моем комитете. Лукьянов указал помещение, и оказалось, что это тот зал, в котором впоследствии заседал избранный съездом Верховный Совет СССР. Мы собрались, и мне сразу стало ясно, что в зале присутствует гораздо больше народа, чем было депутатов от Москвы. И не удивительно, что в результате объединение стало называться не московской, а межрегиональной депутатской группой. У нее появился технический аппарат и пять сопредседателей, среди которых были Андрей Дмитриевич Сахаров, Борис Николаевич Ельцин, Гавриил Харитонович Попов, Юрий Николаевич Афанасьев и другие. Выступить от нашего имени мы делегировали Попова и Афанасьева. Именно тогда Афанасьев произнес свою знаменитую фразу об агрессивном-послушном большинстве.

Следующий существенный этап — выборы делегатов съезда Российской Федерации и республиканских съездов. Эти выборы сильно от-

личались от советских «выборов без выбора», но при этом все равно существовало огромное давление, которое оказывал местный партийный аппарат, особенно на периферии. Поэтому и на этот раз было избрано очень много «агрессивно-послушных».

Наконец, открылся российский съезд, и началась борьба за руководство этим съездом и Верховным Советом РСФСР. В нее вступили старые номенклатурщики, которые привыкли избираться единогласно в прежние верховные советы республик, в том числе и в Совет РСФСР. Борьба была очень сложной, и, наконец, с третьего захода побеждает Борис Николаевич. Он становится главой российского представительного органа, практически главой республики. Горбачев в это время находился в пути из Канады в США, где должен был состояться саммит с Бушем-старшим. Михаил Сергеевич прибыл в Вашингтон в страшном раздражении, успев сделать очень жесткое и, я бы сказал, некорректное заявление в западной прессе. Политическое и личное соперничество Ельцина и Горбачева было налицо. Даже сейчас единственное, что объединяет этих двух лидеров, это вкладыш про ГУЛАГ в «Новой газете» — там внизу написано: издается под эгидой Фонда Ельцина и Фонда Горбачева.

Так вот, Ельцин избран, и перед ним встает вопрос о председателе правительства России. Я в это время вернулся с научной конференции и уже видел, что моя фамилия фигурировала в немецких газетах со ссылкой на Москву. Ну, был и еще ряд фамилий. Мне сказали, что меня искали Борис Николаевич, Силаев и депутат Бочаров. Бочаров меня нашел сам и, узнав, что в правительство я не пойду, успокоился. Затем я поехал к Ивану Силаеву, которого давно знал как министра авиационной промышленности. В тот момент он был зампредом Совмина СССР, курировал машиностроение. Я сказал ему: «Иван Степанович, соглашайся на предложение». Он ответил: «Зачем?» Тогда я ему напомнил: «У тебя плохие отношения с Рыжковым, он тебя завтра выставит. Ты что, обратно в Нижний Новгород на завод свой поедешь?» После этого была встреча с Борисом Николаевичем, на которой он мне заявил, что считает необходимым выставить три кандидатуры. «Но я — говорит, — хочу, чтобы это были вы». Я сказал, что я — не буду. Тогда мы решили, что он будет выдвигать три кандидатуры, но не в алфавитном порядке: сначала пусть выступит Бочаров, потом Силаев, потом Рыжов.

Борис Николаевич, зная, что я откажусь, очень хорошо сыграл на публике свое удивление моим отказом. Бочаров чуть ли не программу под 500 дней развернул. Иван Силаев сказал: «Для меня это неожиданное предложение, я не готовился подробно рассказывать, что я хотел бы сделать, но я согласен». И после голосования Верховного Совета РСФСР он был назначен председателем правительства.

Еще один эпизод — путч. Замечательный решающий момент в новейшей российской истории, и, слава Богу, практически бескровный.

Я накануне приехал из отпуска и утром решил поехать в Белый дом, чтобы поговорить с Бурбулисом — узнать, что и как. В свое время Борис Николаевич создал президентский совет, в котором я состоял с момента создания — был заместителем Ельцина на общественных началах, «штатным» же заместителем был Геннадий Бурбулис.

Я приехал в пустой Белый дом. Еще по дороге я почувствовал что-то неладное, поэтому встретив одного из помощников Бурбулиса, я попросил его срочно соединить меня с Архангельским, где на СССРовских дачах жили Ельцин и Бурбулис. Геннадий сразу передал трубку Борису Николаевичу, и тот сказал: «Собирайте народ, пресс-конференцию, мы — я, Силаев и Хасбулатов, — заканчиваем воззвание. Мы сейчас приедем». Я говорю: «Борис Николаевич, давайте я магнитофон возьму, вас могут не пропустить, уже говорят, что танки появились на улицах, и чуть ли не на Кутузовском». «Нет, мы приедем».

В Белом доме мне помогали разные люди, они собрали народ в одном из залов. Ельцин и все остальные приехали часам к 11-ти. Силаева выпустили на сцену читать воззвание, мы стояли сзади. Когда Силаев дочитал, Борис Николаевич вышел вперед и сказал: «А теперь разбегайтесь и разносите все это». И в этом такие, знаете, были темперамент и нажим. Затем Борис Николаевич спросил: «А что, послы какие-нибудь, или иностранные дипломаты здесь были?» Я говорю: «Не могу сказать, я видел только посла, известного мне — из Венгерской Республики». Разыскав его, спросил: «Шандор (Дьорке), тут кто-нибудь был?» — «Да, были иностранные корреспонденты, и дипломаты были». Все это я передал Борису Николаевичу, успокоил его.

Можно долго рассказывать про эти дни — 19–20 августа, потому что они рассыпаются на отдельные минуты, каждая из которых чем-то запомнилась. Например, оказалось, что Николай Николаевич Воронцов — известный ученый, генетик, министр экологии союзного правительства, в то утро приехал в Белый дом. Почему-то нужно было встретиться с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе, и часов в 12 мы решили съездить к нему. Ночью Шеварднадзе опять появлялся у нас. А днем мы были у него в Лялином переулке, где в маленькой комнате находилось колоссальное число камер, и мы успели наговорить иностранцам все, что смогли. После чего Николай Николаевич довез меня до метро «Площадь Ногина», и я поехал в Белый дом — его уже окружала толпа. Воронцов отправился на последнее заседание советского правительства и записал все, что там говорилось. Впоследствии, когда Горбачев вернулся из Фороса, Борис Николаевич зачитывал ему этот воронцовский конспект и требовал распустить КПСС. На этом я останавлиюсь, потому что могу вспоминать такие эпизоды бесконечно.

МИХНИК Адам
главный редактор газеты
«Газета Выборча» (Польша)

Аппаратчик из Свердловска

У меня другой угол зрения: я практически не знал Бориса Ельцина лично, хотя и сфотографировался с ним, когда первый раз приехал в Москву. Это было в Доме кинематографистов, там проходил великий митинг, я подошел к Ельцину, Юрий Афанасьев или Гавриил Попов нас познакомили. Моя точка зрения еще и потому другая, что, во-первых, я — поляк. И как гордый поляк я скажу, что первый, кто сказал всю правду про Катынь, и нам, полякам, дал все материалы — был Борис Николаевич Ельцин. Во-вторых, я, по своему происхождению, диссидент. Я никогда не был ни в компартии, ни в аппарате, а Борис Николаевич, конечно, был. В-третьих, я работаю редактором ежедневной газеты, а Борис Николаевич был человеком, который наконец-то снял всю цензуру и с газет, и с книг. Теперь, когда я захожу в книжный магазин в Москве или в Петербурге, я не верю своим глазам, потому что сразу на полке вижу «100 лет лагеря» — если бы в прежние времена эти книги нашли у нормального человека в Москве или где-то еще... На полках — все: и Солженицын, и Сахаров, и Набоков. Просто все.

И еще: я смотрю на Ельцина как человек, который после коммунизма участвовал в Польше во всех внутренних дебатах — вокруг декоммунизации и так далее. Я был абсолютно против, так как думал, что системе уже пришел конец, и нам нужно делать не это, а искать что-то общее для будущего. Меня много раз ругали, говорили, что я предал ценности и прочее. Здесь присутствует Людмила Алексеева, и она помнит, что когда она была в Польше, я подготовил встречу знаменитой российской диссидентки и генерала Ярузельского. Это происходило на моей квартире, и было невероятно интересно.

С моей точки зрения, Борис Николаевич Ельцин, прежде всего, человек, который до конца убил большевизм как идеологию страны. И он это сделал не только для россиян, не только для людей бывшего Советского Союза, но и для всего мира. Коммунизм как проект будущего сегодня всерьез уже не существует. Я имею в виду, что если Михаил

Сергеевич Горбачев, которого я очень уважаю за все, что он сделал, открыл для всех нас дверь к свободе, то Борис Николаевич шагнул в эту дверь и развалил весь советский строй. В этом смысле я очень рад, что в «Новой газете» сегодня они вместе — Горбачев и Ельцин, несмотря на их межчеловеческие отношения. По-моему, дорога Горбачева была дорогой от генсека компартии до социал-демократа советского типа. Дорога Ельцина другая — от аппаратчика до бунтаря против номенклатуры, и потом до лидера массового демократического движения, с чем он раньше не имел ничего общего. И уже затем это либеральный царь, очень либеральный царь. Возможно, что в истории России раньше не было такого либерального царя, как Борис Николаевич Ельцин.

Мне могут задать вопрос: да каким же он был бунтовщиком против номенклатуры? Он же не был таким бунтовщиком, как, например, Милован Джилас, потому что он не был человеком идеологии. Он был просто порядочным человеком, который как аппаратчик компартии, по словам одного из моих российских друзей, являлся генетической ошибкой. Никто не знает, как такой человек мог существовать в компартии.

Но на поставленный вопрос я ответил бы так: Борис Николаевич был свободолобцем, но он не был демократом в смысле европейцев. Ельцин — очень авторитарный лидер, выступивший против номенклатуры. Но только он мог идти на нее войной. Нормальный демократ проиграл бы. А Ельцин переменял имидж России во всем мире, и в Польше тоже. Он превратил советскую империю в Российскую Федерацию.

Как на лидера массового движения, я смотрю на Ельцина так же, как на нашего Валенсу. Валенса, как лидер оппозиции, «Солидарности», во время забастовок, во время репрессий, был просто гениален. Однако как президент страны он был немного Робин Гудом, после своей победы расположившимся в резиденции премьера на Даунинг Стрит. Один из моих российских друзей, который был членом президентского Совета, однажды мне сказал: «Слушай, Адам, я там сижу и думаю: куда я попал, что я вижу? Ведь это Емельян Пугачев в Кремле после своей победы».

Я думаю, что у Ельцина, как человека-символа, невероятная история. Во-первых, он пошел против Политбюро, когда ушел с поста первого секретаря компартии в Москве. Во-вторых, идя на выборы, он выступал против правительства, против власти. В-третьих, во время путча мы все, работавшие в газете, думали, что это уже конец: ГКЧП — это конец. И что мы видим по телевидению? Ельцин на танке. Это было что-то невероятное для всех, кто немножко знал историю Советского Союза. Это был, практически, последний бастион свободы в России. Но невероятное происходило и раньше, когда парашютисты были в Литве, в Вильнюсе, и когда он поехал в Таллинн и сделал свое протестное заявление.

Это человек, который прекрасно знал, когда надо затаиться, и когда идти вперед. И я думаю, что в истории он найдет свое место, несмотря на очевидные ошибки — власть олигархов, чеченскую войну или расстрел Белого дома. Я согласен, что у него было стремление к самоограничению. Но расстрел Белого дома — это был сигнал для совета Генштаба. И несмотря на все это, я думаю, что его место в истории России, в истории мира, будет абсолютно позитивным. И не только потому, что он совершил позитивное с исторической точки зрения разрушение тоталитарного строя.

ЗЕЗИНА Мария Ростиславовна
профессор кафедры истории российской государственности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Борис Ельцин и Москва

Более 20 лет жизни Б.Н.Ельцина были тесно связаны с Москвой. Здесь он пережил взлеты и падения политической карьеры. Здесь он прошел путь от номенклатурного партийного работника до общенационального лидера. Именно москвичи, вопреки давлению властей, практически единодушно поддержали его на выборах народных депутатов 1989 года. В московском Кремле Ельцин дважды принес присягу Президента России. На старинном московском Новодевичьем кладбище он нашел место своего последнего упокоения.

Во время своего недолгого пребывания на посту первого секретаря столичного горкома партии Ельцин немало сделал для города. Например, именно он впервые провел празднование Дня города, ставшего затем традиционным, и организовал выездные ярмарки по продаже сельхозпродукции, которые проводятся до сих пор.

Одна из первых книг о Ельцине имела подзаголовок «Провинциал в Кремле». Действительно, в определенном смысле он оставался провинциалом, то есть самим собой, какие бы должности не занимал. Но в отличие от многих провинциальных жителей он не рвался в столицу, хотя ему не раз предлагали в ней работу. Первой реакцией Ельцина на предложение перейти на работу в ЦК был отказ. Как руководитель одной из самых мощных в промышленном отношении областей СССР, превосходящей по своему потенциалу целые республики Союза, он воспринял переход в аппарат ЦК как понижение.

12 апреля 1985 года Ельцин приступил к работе в Москве в должности заведующего отделом строительства ЦК. Московская карьера складывалась удачно. 22 декабря того же года последовало новое назначение — руководителем московской городской парторганизации. Впоследствии Ельцин вспоминал: «Соглашался я на тот пост с трудом. И не потому, что боялся трудностей, я отлично понимал, что меня используют, чтобы свалить команду Гришина». Нужен был новый человек, не связанный с Москвой, достаточно решительный и смелый. Уже 24 декабря на пленуме МГК Ельцин был избран первым секретарем.

Первое публичное выступление Ельцина в новой должности стало сенсацией. Его доклад на городской партконференции 24 января 1986 года продолжался два часа. После долгих лет гришинского правления с трибуны впервые звучали горькие слова правды о ситуации в столице. Ельцин говорил о падении темпов в промышленности, о провалах планов жилищного строительства, о фактах очковтирательства и приписок. Помощник Горбачева Анатолий Черняев записал в своем дневнике: «Доклад по симптоматичности, по отражению глубины и масштабов перемен можно поставить вровень с XX-м съездом КПСС. То есть это уже по духу, по слову, по подходам действительно новые нормы жизни и деятельности. У киосков, где продавалась «Московская правда» (с текстом доклада Ельцина), выстраивались огромные очереди». Как вспоминал Ельцин, «Горбачев после окончания доклада сказал мне: «Подул сильный свежий ветер». Но сказал это без ободряющей улыбки, с бесстрастным выражением лица».

Самое главное и трудное для человека со стороны было подобрать надежную команду. Своих людей у Ельцина в Москве не было, и он опасался, что Гришин будет пытаться через подставных лиц сохранить своих ставленников. Помощников он заменил быстро. Из Свердловска в Москву был переведен Виктор Илюшин, работавший с Ельциным с 1980 года. Другим помощником стал Алексей Царегородцев, работавший в этой должности еще со Свердловска. Первому секретарю МГК полагалась охрана из трех человек. С одним из телохранителей, Александром Коржаковым, у Ельцина установились дружеские отношения, сохранившиеся надолго.

Кадровые вопросы решались жестко. Как вспоминает сотрудник аппарата МГК Юрий Прокофьев, уже в середине февраля 1986 года Ельцин обвинил его в мягкотелости по отношению к кадрам и сказал, что надо более активно проводить замену московских работников. Были заменены все секретари МГК, а из 33 первых секретарей райкомов партии лишь 10 сохранили свои посты. Большинство уходило с партийными взысканиями. По распоряжению Ельцина почти всех секретарей райкомов отправили в командировки в разные города перенимать опыт. Был вынужден уйти в отставку председатель исполкома Моссовета Владимир Промыслов, работавший с Гришиным. На этот пост Ельцин лично пригласил генерального директора ЗИЛа Валерия Саикина.

Подобный стиль резко контрастировал с «бережным отношением к кадрам», принятым в брежневскую эпоху, и, конечно, вызывал глухое недовольство в номенклатурной среде. В начале горбачевской перестройки кадровая революция проходила не только в Москве. Но в масштабах одного города, тем более столицы, смена кадров шла особенно болезненно. Известия о новых отставках партийных руководителей звучали как сводки фронтовых потерь. На каждом заседании бюро

МГК выносили по 5–6 выговоров. Большой резонанс в номенклатурной среде имело самоубийство первого секретаря Киевского райкома Коврицына, который 23 июля 1986 года был освобожден от должности со строгим выговором.

Ельцин начал работать в Москве так же, как привык это делать в Свердловске. Об особенностях ельцинского стиля писал в своих воспоминаниях Прокофьев: «...если с ним говорили откровенно, то и воспринимал он это более позитивно, чем когда хитрили, изворачивались: он, как дикий зверь, чувствовал неточность, не ту тональность и был всегда настороже. Даже если медлишь с ответом, он сразу: «А что ты так долго думаешь?» Бывало, отвечал: «Борис Николаевич, лучше дать точный ответ, чем непродуманный». Если на его вопрос, кого назначить на тот или иной пост, называешь фамилию сразу, на следующий же день человека назначают. Если говоришь, что надо подумать, думать начинает он сам: назначать или нет».

Работников горкома впечатляла феноменальная память нового первого секретаря, импонировала его независимость. Как вспоминает Прокофьев, Ельцин не страшился авторитетов. Он мог принимать неординарные решения, не считаясь с тем, кто и как на это посмотрит «сверху». Он искал и находил выходы из ситуаций, которые обычным, накатанным путем нельзя было решить.

Столица восприняла нового первого секретаря неоднозначно. В номенклатурной среде Ельцина встретили настороженно и с неприязнью — он был чужим, непредсказуемым, ломал устоявшиеся традиции работы, беспощадно выгонял тех, кого считал «тормозом перестройки». Москвичи — с энтузиазмом и надеждой на скорые перемены. Сообщения о поездках Ельцина на общественном транспорте, посещениях магазинов широко обсуждались, в сознании горожан формировался образ народного заступника, борца с привилегиями и чиновничьим беспределом.

Широкий резонанс в городе имела встреча Ельцина с пропагандистами Москвы в Доме политпросвещения 11 апреля 1986 года. Ельцин выступил с докладом о положении дел в Москве, но кульминацией стали ответы на вопросы. С самого начала он задал откровенный и непринужденный тон разговора, заявив: «Обещаю ответить на все вопросы честно. Или я вас перестою, или вы меня пересидите». Вообще, он умел и любил выступать, хорошо улавливал настроение аудитории и умел быстро перестроиться по ходу выступления. Помогал свердловский опыт общения, «хождения в народ».

Доклад Ельцина свидетельствовал, что за три с небольшим месяца на посту первого секретаря МГК он успел хорошо вникнуть в проблемы города. Побывал на 29 промышленных предприятиях города, встречался с интеллигенцией — Юрием Бондаревым, Никитой Михалковым, Дмитрием Кабалевским и многими другими — он перечислил полтора

десяток фамилий. Подробно и со знанием дела он говорил о насущных делах — жилье, транспорте, дачных кооперативах, торговле. Общий его вывод — «жить так больше нельзя» — практически дословно совпал с названием известного фильма Говорухина, вышедшего в 1990 году. 90% записок, поданных на сцену, были анонимными, и тем не менее, Ельцин обещал ответить на все. Он отвечал свободно, уверенно, шутил. На записку «Говорят, Ельцин ездит на метро. Но мы его там не видели...» ответил: «... я еще «молодой» москвич, не все еще знают меня в лицо. Если бы знали, возможно, стеснялись бы у меня просить в автобусе передать пятак или закомпостировать билет».

Столичной интеллигенции он мог показаться провинциальным, с примитивными художественными запросами, немного наивным. В театр он ходил редко и только по служебной необходимости, из последних прочитанных книг назвал «Берег» Бондарева, «Суд» Ардоматского, «Победу» Чаковского. Отвечая на вопрос о режиме дня, Ельцин сказал, что с 8 утра до 12 ночи работает, 4 часа спит, а с 5 до 7 утра работает над собой. Эта «работа над собой» стала предметом шуток столичных снобов.

Как руководителю города Ельцину пришлось решать многочисленные проблемы. Большинство из них были отражением общей ситуации в стране, и справиться с ними в рамках одного города было невозможно. Но какие-то перемены происходили. Прекратился ввоз в столицу рабочей силы, были открыты полторы тысячи новых магазинов, регулярно проводились торговые ярмарки, сократилась преступность. Еженедельно организовывались санитарные пятницы — из-за нехватки дворников специалистов выводили на уборку города. Была организована «чистка» города от криминальных элементов. Силами правоохранительных органов проводились рейды по районам, ликвидировались притоны.

Однако усилия по борьбе с коррупцией наталкивались на глухую стену сопротивления. Фактов было много, в МГК потоком шли письма о взятках в торговле, милиции. Их расследовали, меняли руководителей, Ельцин лично ездил в магазины и столовые, контролируя завоз и распределение продуктов. Но «ручное управление» было малоэффективным. Методы, работавшие в Свердловской области, где он был полновластным хозяином, не действовали в столице, где первый секретарь горкома, кандидат в члены Политбюро был одним из представителей высшего эшелона власти, но отнюдь не первым. Разрушить годами складывавшиеся связи и отношения столичной номенклатуры он был не в состоянии.

Разовые поручения первого секретаря по результатам посещения предприятий выполнялись быстро. Однако анализ отчетов по реализации его поручений показывает, что большинство из них было не выполнено или не выполнимо.

Постепенно у Ельцина все больше нарастало ощущение, что перестройка буксует. При всей энергии и напоре первого секретаря МГК выполнить намеченные планы не удавалось. Ельцин верил, что, смена кадров, персональная ответственность, требовательность, критический настрой помогут изменить обстановку в управленческих структурах и добиться первых заметных результатов в решении проблем города. Но замена гришинского аппарата на новый не принесла реальных результатов. Новые веяния в работе аппарата сводились к обновлению лексики и лозунгов, расширению обязательных критических разделов в аппаратном бумаготворчестве и выступлениях.

Не было поддержки и со стороны коллег по Политбюро. Перебравшись из областного Свердловска в Кремль, добравшись до вершины политического Олимпа, Ельцин, возможно вопреки ожиданиям, не встретил там ярких мощных личностей. На этом фоне уверенность в своих силах росла, он вел себя все активнее. Далекий от закулисных интриг, прямой и открытый по натуре, Ельцин не стремился завязать неформальные контакты, вербовать сторонников, а ждал, что его работа в Москве будет оценена. Однако, по натуре человек очень чувствительный, он стал ощущать напряженность и какую-то отчужденность по отношению к нему в Политбюро. На заседаниях Горбачев все чаще вскользь стал говорить о том, что в Москве не все в порядке. Было несколько серьезных стычек со вторым человеком в партии — Лигачевым — по вопросам льгот и привилегий, по поводу постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом. На одном из заседаний политбюро Горбачев, обращаясь в Ельцину, сказал замечательную фразу: «Мы тебя не поддерживаем, хотя одобряем твою деятельность». Это была оговорка по Фрейду, обнажившая суть отношения к Ельцину. Он нужен был в качестве метлы для расчистки Москвы от людей Гришина, но в Политбюро его требовательность и напор были лишними.

В этой ситуации любой неверный шаг мог быть использован против него. Катализатором событий стал первый массовый несанкционированный митинг историко-патриотического объединения «Память», состоявшийся 6 мая 1987 года на площади 50-летия Октября (Манежной). Ельцин согласился встретиться с участниками митинга. Эта встреча, на которую пресса откликнулась лишь короткой заметкой в «Московской правде», имела в Москве большой резонанс. Впервые первый секретарь горкома услышал требования улицы, впервые представитель власти пошел на прямой контакт с «протестантами». Но встреча с активистами «Памяти» делала положение Ельцина очень уязвимым в глазах не только власти, но и московской демократической интеллигенции. Репутация «Памяти» как организации националистической и антисемитской — замечу, вполне оправданная — бросала тень и на Ельцина.

Последней каплей в нарастающем конфликте в Политбюро стало принятие Моссоветом по инициативе Ельцина правил проведения ми-

тингов. Этот первый в советской истории документ, опубликованный в московских газетах в начале сентября 1987 года, позволил на практике реализовать записанное в Конституции право. Московская инициатива вызвала крайнее недовольство в Кремле, так как создавала прецедент. Получалось, что Ельцин в обход Политбюро посягнул на создание нормы для всего СССР.

В таких условиях Ельцин не мог продолжать работу. 12 сентября он обратился к генсеку, отдыхавшему на юге, с письмом, в котором попросил об отставке. В истории КПСС это был, вероятно, первый и единственный случай, когда партийный руководитель такого ранга, находясь в работоспособном состоянии, добровольно отказывался от своего поста. Если в этом неординарном и эмоциональном поступке и был расчет, что Горбачев его не отпустит, а пообещает поддержку, то он был по-детски наивным. Но, как бы то ни было, это был поступок отчаянья.

На октябрьском пленуме ЦК 1987 года Ельцина подвергли разгромной критике. Его состояние в это время хорошо почувствовал помощник Горбачева Черняев. В записке Горбачеву он писал: «Прежде всего, это эмоциональный всплеск: я, мол, выкладываюсь, себя не жалею — и это ведь действительно так — пытаюсь что-то сделать в этой обленевшейся и зазнавшейся застойной Москве, а получаю одни тумаки, да еще в грубой форме, да еще прилюдно, на Секретариате. А что касается амбиций, то, в общем-то, они простительны....». По мнению Черняева, подавая на пленуме в отставку, Ельцин рассчитывал, на то, что ее «не осмелятся» принять, он полагался на свою популярность в Москве и учитывал нежелательный резонанс на Западе, где его отставка будет изображена как откат в деле Перестройки. Черняев считал, что отставка Ельцина в обществе будет воспринята, как победа консервативных сил и ударит по авторитету Горбачева. Так в конце концов и получилось.

Исключение Ельцина из высшего партийного руководства получило совершенно не тот политический смысл, на который рассчитывали организаторы этой кампании. Еще недавно подобная расправа действительно устранила человека из политики. Сейчас же произошло противоположное. Отставленный, уволенный Ельцин стремительно превращался в политическую фигуру, действующую вне правил политической жизни, существовавших в стране. Два города поднялись на его защиту — Москва и Свердловск. Появились листовки и плакаты в его защиту, прошли демонстрации. 17 ноября в МГУ была предпринята попытка сбора подписей за возвращение Ельцина и издание его выступления на пленуме ЦК КПСС. 19 ноября МГК КПСС начал консультации с лидерами неформальных движений о прекращении кампании в защиту Ельцина.

Выступление Ельцина на октябрьском пленуме ЦК стремительно обросло легендами, самыми «правдоподобными» и живописными

подробностями, появились апокрифические тексты, приписываемые Ельцину. Эти тексты, от 2 до 30 страниц, переписывались от руки, перепечатывались на пишущих машинках, передавались из руки в руки, даже продавались. Различные варианты «речи Ельцина на пленуме» были опубликованы в эмигрантских и некоторых западных газетах. «Речь Ельцина» стала современным фольклором. По всем законам социальной психологии в уста Ельцина вкладывалось то, что хотели от него услышать. Обвинения в адрес Ельцина работали на формирование в массовом сознании образа человека, пострадавшего за правду. А таких в народе любили.

Весной 1989 года началась кампания по выборам на съезд народных депутатов СССР, и у Ельцина появился шанс вернуться в большую политику через парадный вход. Из двухсот официальных предложений выставить свою кандидатуру, поступавших из многих городов страны, он выбрал Москву — город, в котором потерпел политическое поражение от номенклатуры. Быть избранным в Москве, там, где сильнее всего должно было чувствоваться влияние ЦК и КГБ СССР, значит бросить открытый вызов «системе».

Партийная номенклатура использовала все возможные средства, чтобы не допустить победы Ельцина на выборах. Но каждое новое осуждение Ельцина на партийных форумах только прибавляло ему популярности в народе и поддерживало ореол преследуемого, но нестигаемого борца. Все попытки публично дискредитировать Ельцина имели обратный эффект. 19 марта 1989 года «Московская правда» напечатала открытое письмо рабочего Тихомирова «Считаю своим партийным долгом», в котором автор обличал двуличность Ельцина: борется с привилегиями, а сам пользуется услугами 4-го главного управления Минздрава; приехал на завод трамваем, но сел на него за одну остановку до проходной. В этот же день перед зданием редакции прошел митинг протеста, и редакции пришлось опубликовать ответ Ельцина.

Ельцин одержал блистательную победу на выборах: за него проголосовало 5 миллионов 117 тысяч 745 москвичей. Это составляло 89,6% избирателей.

В ходе избирательной кампании Ельцин держался в стороне от демократического движения московской интеллигенции. Критикуя ход перестройки, он старался не перехлестывать, не замахивался на авторитеты, постоянно подчеркивал, что его предвыборная программа не противоречит партийной, что он поддерживает стратегический курс партии, расходясь лишь в вопросах тактики.

Для демократов член ЦК КПСС Ельцин оставался чужим, представителем партийной элиты, хотя и опальным. У многих организаторов Межрегиональной депутатской группы на первом Съезде народных депутатов были сомнения, приглашать ли Ельцина. При всех его кон-

фликтах с партийной номенклатурой, он не выходил за рамки продиктованных «системой» правил игры.

Георгий Шахназаров вспоминал о своем разговоре с Гавриилом Поповым о Ельцине. На вопрос, что демократы нашли в Ельцине, Попов ответил: «Народу нравится... Смел, круче всех рубит систему». Шахназаров: «Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик». Попов: «А ему и не нужно особенно утверждать себя, это уж наша забота». Шахназаров: «Гавриил Харитонович, ну а если он, что называется, решит пойти своим путем?». Попов: «Э, голубчик, мы его в таком случае просто сбросим, и все тут». Более прозорливым оказался Сахаров, которому приписывают слова: «У нас у всех есть свое дело, на которое можно переключиться — наука, преподавание, искусство. У Ельцина нет ничего, кроме политического будущего. Он пойдет с нами до конца».

Так и получилось.

Через год, 12 июня 1991 года, Ельцин получил высший мандат доверия российского народа — впервые в истории страны он был избран президентом. Теперь уже была завоевана не только Москва, но и ее сердце — Кремль.

КАСЬЯНОВ Михаил Михайлович
сопредседатель «Партии народной свободы»

Он дал нам всем возможность почувствовать вкус свободы

Для меня одним из самых важных периодов в моей жизни был 1991 год. Я не был тогда диссидентом, оппозиционером, я был просто маленьким человеком, маленьким начальником в Госплане. Я считал, что Советский Союз — это вечная страна, а Ленинский Госплан — это вечный государственный орган. И когда на моих глазах десять тысяч людей, вышедших на улицы Москвы и других городов, изменили ход истории, когда эта махина, эта тоталитарная система рухнула, для меня это стало серьезным мировоззренческим сдвигом. И все эти перемены возглавил Борис Николаевич.

Ельцин чувствовал ритм назревавших в то время перемен. И, будучи человеком свободным, вольным, родившимся на Урале, он, конечно, возглавил этот процесс, принял на себя серьезную ответственность. Он возглавил порыв россиян, которые сочли невозможным дальше терпеть унижения прежней системы, возглавил прорыв к свободе. Он встал во главе великой антикоммунистической революции, и эта революция победила. То, что страна от тоталитарного режима перешла к строительству демократического государства с рыночной экономикой, — это главная заслуга Ельцина. Он дал нам всем возможность почувствовать вкус свободы. И на этой основе началось дальнейшее движение.

Сегодня многие коллеги вспоминают о том, как трудно в 1990-е годы совершались перемены. Я работал тогда в правительстве, в Министерстве финансов, не на министерских должностях. Подтверждаю: это был очень сложный период. И Ельцину, и министрам, которым он верил, и на мнение которых опирался, нужно было принимать чрезвычайно сложные решения. Это было движение вперед, когда никто не знал изначально, как начинать и чем заканчивать. Для тоталитарной страны, не подготовленной к такому рывку, это было очень сложно. Ельцин был первопроходцем и принимал на себя ответственность за сложные решения. Многие из них были ошибочными, и он это осознавал. Осознавал потом — мы все осознавали.

Ельцин, как революционер, победил. Но на основе разрушенного режима нужно было строить новое государство. Какое? Все реформы, которые начинались в то время, были направлены на строительство демократического государства, на строительство рыночной экономики. И надо сказать, что Ельцин построил фундамент такого государства — он строитель не только в прямом смысле, но и строитель нового государства. И здесь он также достиг цели.

Однако нельзя говорить, что Ельцин был просто жестким человеком и проламывал все и всегда на пути к своей цели. Это не так. Он шел к ней, как политик. И те компромиссы — подчеркиваю: не отступления, а маневры или, как Борис Николаевич выражался, «загогулины» — были как раз способами нахождения компромиссных решений, чтобы двигаться дальше. И это свойственно любому мужественному политику.

Как политик Ельцин, конечно, фигура противоречивая. Будучи очень властолюбивым человеком, он никогда не держался за власть как таковую и использовал ее для продвижения того, что считал нужным для страны, для всех граждан России.

Ельцин не отступил, когда в 1998 году пошел на компромисс с коммунистами и создал коалиционное правительство. Думаю, это важно подчеркнуть: не коммунистическое, а коалиционное. После дефолта и глубочайшего кризиса 1998 года, нанесшего всем гражданам серьезный ущерб, нужно было выводить страну из тяжелейшего состояния. И Ельцин выдержал компромиссный период с коммунистами, но после него вновь сформулировал и поставил на повестку дня пакет решений, направленных на либерализацию общественной сферы и экономики, под эти задачи было сформировано новое правительство. Тогда же, летом 1999 года, был спроектирован и создан первый бездефицитный бюджет. Этого требовала жизнь, требовал тяжелый урок кризиса 1998 года, и такова была установка президента Ельцина, которую он дал мне, министру финансов: «Мы должны выводить страну из тупика». Бюджет был не только создан, но и исполнен.

Однако было понятно, что для дальнейшего движения требуется новая энергия, свежие силы. Мы все прекрасно помним, как Ельцин нам объяснял, что нужен новый политик, новый энергичный человек. Человек, который, первое — удержит ситуацию под контролем, а второе — будет продолжателем тех идей и устремлений, ради которых Борис Николаевич посвятил последние двадцать лет своей жизни строительству демократического государства. И он назвал своим преемником Владимира Путина, поддержал его на выборах и передал ему всю полноту власти.

После отставки Бориса Николаевича я очень с ним часто встречался, мы обсуждали все, что происходило. Первые три года он был счастлив, что страна движется по тому пути, по которому он хотел. Нам удавалось проводить серьезные реформы — пакеты экономи-

ческих реформ. Но затем в 2004 году, после Беслана — мы с ним несколько раз обсуждали эти события, он сильно переживал по поводу этой трагедии — он уже совсем по-другому воспринимал то, что происходило в стране в целом. Он был против имитации выборов. Он был против политических репрессий, против того, чтобы представители общественных организаций назывались иностранными шпионами. Он был против того, чтобы узкая группа лиц контролировала вход граждан в политику. Фактически, он был против зажима свободы. Можно сказать, что в 2005—2006 годах он был разочарован происходящим в стране.

Это уже моя личная точка зрения, а не оценка Ельцина — в тот период произошло изменение политического курса. Он уже не соответствует тому, как Борис Николаевич представлял будущее страны. Он даже не соответствует тому, как многие из нас его себе представляли, работая с Владимиром Путиным первые годы его президентского срока. И, конечно, по моему убеждению, Путин предал Бориса Николаевича, он не сохранил Россию, или не продолжил строительство России так, как наказывал первый президент страны 31 декабря 1999 года.

Не буду говорить о том, что происходит сегодня — у нас разговор о Борисе Николаевиче. Но помимо воспоминаний о нем важно осознавать суть его идейного наследия, чтобы делать правильные выводы.

Конечно, в установки, которые сформулировал Ельцин, мы все верили и продолжаем верить. Но это не означает, что нам нужно возвращаться в 1990-е. Эти годы не были «лихими», это были годы надежд и созидания. Созидания, так как люди в то время могли созидать — и руководители страны, и те, кто был приглашен для проведения реформ. Как могли, какими опытом и знаниями обладали, так и делали. С ошибками, но двигались вперед, и вектор движения был правильным. Поэтому я уверен, что наследие Ельцина для нас чрезвычайно важно. И я думаю, что многие из нас понимают, что стране нужны перемены. Нужны перемены не «тонкой настройкой», как это требовалось в 2000 году, нам нужны системные, глобальные перемены для того, чтобы страна вновь встала на путь демократического развития, строительства демократического государства. И, конечно, нужно помнить, что главная часть наследия Бориса Николаевича — то, что он не просто дал почувствовать вкус свободы, он привил нам его навсегда.

БАТУРИН Юрий Михайлович
директор Института истории естествознания
и техники РАН

Юридическое обучение Президента

Глава любого государства, встав у руля, сталкивается с большим количеством проблем, решение которых требует специальных знаний. Но имеющиеся у него специальные профессиональные знания он может применить лишь для решения отдельных из этих проблем. Иначе говоря, в большинстве случаев глава любого государства при решении проблем выступает как дилетант — если не брать в расчет, конечно, имеющегося у него опыта и политической интуиции. И с этим ничего не поделаешь, это правило универсально для всех стран и народов. Выходов два: либо создавать вокруг себя профессиональную команду, которая тебе помогает, либо обучиться чему-то хотя бы до среднего уровня. Так, например, поступал Петр I — мореходство, артиллерия, а дальше уже учил других.

Так случилось, что мои первые встречи с Борисом Николаевичем Ельциным происходили в ситуациях, так или иначе имеющих юридическое измерение. Самая первая встреча — это пять минут во время первого Съезда народных депутатов СССР, когда мы с Михаилом Федотовым и Владимиром Энтиным раздавали брошюры с проектом закона «О печати и средствах массовой информации в СССР», которые были напечатаны за наш счет. И вот я вижу, идет Борис Николаевич. Я подхожу к нему и говорю: «Борис Николаевич, я хочу вам подарить такой проект». А он мне отвечает: «А у меня есть, я уже прочитал. Там очень толковые вещи написаны». И пошел к выходу. У меня уже заканчивались брошюры, и я направился за следующей партией. Так и получилось, что мы вместе дошли от Кремлевского Дворца до Кутафьей башни, и при этом несколько минут поговорили о проекте закона «О печати».

Должен заметить, что в ходе того разговора, несмотря на то, что Ельцин сказал, что читал проект, он умудрился не назвать не только ни одного юридического термина, но даже и ни одной конкретной позиции из этого закона, которая бы его особенно затрагивала.

Вторая история была более длительной — она развивалась на про-

тяжении нескольких месяцев. Мне довелось присутствовать на всех новоогаревских встречах президента СССР Горбачева с главами республик, где обсуждался проект нового Союзного договора. Там я никак не взаимодействовал с Борисом Николаевичем — лишь один раз передал ему письмо от одного эксперта, моего друга. Но там я видел Ельцина в деле.

Обсуждается юридический документ. Текст его всем роздан, все имеют возможность с ним работать, и Борис Николаевич тоже. Но это специальный вопрос, и есть команда профессионалов, которая выступает против Ельцина единым фронтом: Горбачев — юрист, Лукьянов — доктор юридических наук, советник Горбачева — академик Кудрявцев — весьма квалифицированный и уважаемый юрист, а помощник Горбачева — членкор Академии наук Шахназаров — юрист по образованию.

И вот идет обсуждение проекта Союзного договора. И, как вы понимаете, при любом обсуждении, независимо от того, участвуют в нем юристы или математики, любой неспециалист через несколько минут теряет нить разговора. Потому что диалог выглядит примерно так: «А если так? — А если переставить слова? — Нет, это отбрасываем». Разговор идет очень быстро, и не для того, чтобы кого-то запутать. Поэтому было интересно наблюдать, как выходил из этих сложных ситуаций Борис Николаевич. После первых в юридическом смысле проигранных вчистую эпизодов он замолчал в нужный момент, и молча ждал окончания. А потом, когда спросили, согласен ли он, ответил: «Ладно, я подпишу, но прилагаю протокольное заявление». И вытащил бумагу, которую, видимо, готовил Сергей Михайлович Шахрай. Это, конечно, сразу сводило на нет то, чего Михаил Сергеевич вроде бы достиг сначала.

Ну а в третий раз я увидел Бориса Николаевича 17 марта 1993 года на Президентском совете, куда меня пригласили, как члена совета. Вы помните, что такое 17 марта: через три дня — 20 марта, после которого последовала попытка отрешения президента России от должности.

К этому времени, по-видимому, Борис Николаевич понял, что уже не обойтись заранее заготовленными заявлениями, которые в нужный момент можно вытащить из кармана. И, возможно, это было одной из причин, почему он решил учредить должность помощника президента по правовым вопросам, несмотря на то, что в его администрации уже эффективно работало созданное Сергеем Шахраем государственно-правовое управление. Борис Николаевич предложил мне стать его помощником в самом начале апреля, но я, честно говоря, не стремился занять такую должность и взял паузу. В результате назначение состоялось только 2 июня.

Но вернуться к событиям весны. Как члену президентского совета, мне уже надо было что-то делать, и я предложил президенту встретиться с группой ученых-юристов. Он согласился. И думаю, что как раз потому, что понял — ему нужно осваивать юридический инструмент, как

Петру I — артиллерию. Первая встреча с юристами состоялась 8 апреля 1993 года. Во встрече участвовали Сергей Сергеевич Алексеев, который 2009 году был признан юристом года, Анатолий Борисович Венгеров, к сожалению, ушедший из жизни, Роман Зиновьевич Лившиц, Август Алексеевич Мишин, Владимир Алексеевич Туманов — впоследствии председатель Конституционного суда. Прошу извинить за длинную цитату, но я полностью приведу слова Бориса Николаевича, сказанные тогда, потому что считаю, что они говорят больше любых комментариев к ним.

Открывая встречу, он сказал: «Первый раз я встречаюсь с такой аудиторией, квалифицированными ведущими юристами России. Были, конечно, встречи по одному, а вот так, чтобы сразу с группой по чисто юридическим вопросам посоветоваться, по государственным, правовым, коалиционным — по комплексу вопросов, такой встречи не было. Я хотел бы коротко озадачить вас немножко, в каком направлении идти беседе. Что интересует меня, как президента, и правительство, конечно, в это трудное время? Цель встречи — посоветоваться по одной из самых трудной для нас проблем — кризис власти и кризис конституционности. Совет, который хотелось бы получить: что вы можете предложить по стратегии и тактике президента в этот период? Ближняя стратегия и тактика до реформы и дальняя задача — стратегия и тактика после реформы — это, видимо, две совершенно разные задачи. Надеюсь, выскажетесь и по некоторым частным проблемам. Частными их можно назвать только в кавычках, потому что каждая из них столь велика по масштабу, сложности и решению, что так называть их можно только условно. Это лишь подчеркивает глубину кризиса, в который мы попали».

Эти слова и формулировки сами по себе показывают, как в сознании Ельцина преломлялись те проблемы, с которыми он столкнулся, и как он их понимал. Дальше были вопросы, которые он ставил уже конкретно. Насколько законно назначение референдума и стоит ли оспаривать в Конституционном суде те моменты, которые кажутся незаконными? Какими могут быть толкования результатов референдума? Каким образом можно предотвратить конфронтацию законодательной и исполнительной власти? И далее: «Вторая по порядку, но главная по значению тема, это тема конституционности. Хотелось бы от разговоров на уровне «кто ушел из конституционного поля» и как попасть в конституционное пространство, о чем средства массовой информации упражняются сейчас в каждом номере, перейти к более конкретным шагам во взаимоотношениях властей. Конституционность прямо связана с легитимностью нынешних органов власти. РСФСР мирно, без революционной войны сменилась Российской Федерацией. Все высшие органы власти были избраны еще в прошлом социалистическом государстве». Ну, и так далее.

Встреча продолжалась не час, как было запланировано, а почти два. И это был «мощный юридический залп», как сказал сам Борис Николаевич в конце беседы. После встречи он восхищенно делился с ее участниками: «Я думал, что юристы — это такие сухари, они только параграфы свои считают, а это такие мужики». Мне же он сказал: «Готовьте следующую встречу».

Следующая встреча состоялась 28 апреля, менее чем через три недели. Состав участников немного изменился: Алексеев, Венгеров, Лившиц, Мишин, появились Виктор Оскарович Мушинский и Александр Максимович Яковлев. Ну, и присутствовал также Сергей Михайлович Шахрай, как юридический советник президента. Начиная беседу, Борис Николаевич вспомнил: «Мне настолько понравилась прошлая встреча, что я с удовлетворением об этом говорил в разных местах. Кое-кому из вас говорил».

После этого встреча с юристами была уже после Конституционного совещания. Отмечу лишь, что Борис Николаевич поставил мне задачу: каждый день предоставлять ему отчет о том, что происходило. И Сергей Александрович Филатов делал такие же доклады. Поэтому президент был полностью в курсе.

Расскажу историю о Конституционном арбитраже и решении одного спорного вопроса. Так, в проекте Конституции было записано «свобода средств массовой информации», а в законе, который был принят почти на три года раньше Конституции — «свобода массовой информации». Вопрос оказался спорным, был вынесен на Конституционный арбитраж, и принято решение: записать «свобода средств массовой информации». При этом человек шесть написали особое мнение. Это было единственное решение Арбитража, с которым Борис Николаевич не согласился — он оставил так, как было в законе: «свобода массовой информации».

Дальше была встреча 17 августа 1993 года. На ней Ельцин прямо рассказал о своих дальнейших планах — о том, что 15 сентября будет проведено совместное заседание Конституционной комиссии и Конституционного совещания. А это говорит о том, что он либо еще не принял решение о знаменитом указе № 1400, либо надеялся, что тот не понадобится, либо очень тщательно скрывал, что решение уже принято. Следующая встреча состоялась уже после вступления указа в действие — 28 сентября. На каждой из этих встреч происходило очень много интересного.

В заключение хотел бы привести еще одну короткую цитату из выступления Бориса Ельцина на конгрессе по правовой реформе в 1996 году. Последите, какова его речь теперь: «Мы должны продемонстрировать жизненную необходимость права. Нам предстоит сформировать массовое убеждение в абсолютной ценности права, в его универсальном характере». И эта фраза, конечно, принадлежит уже не тому Ель-

цину, который в затруднительных случаях доставал из кармана прото-
кольное заявление. Но вместе с тем, эта фраза очень актуальна и для
сегодняшнего дня.

Думаю, что практически нет таких учебных заведений, где на одно-
го студента приходилось бы десять профессоров высочайшего класса.
Но у Бориса Николаевича такие преподаватели были. И я считаю, что
за серию встреч в 1993 году — а последняя встреча состоялась уже 15
ноября 1994 года, он прошел серьезное обучение. И та его исходная
правовая интуиция, та приверженность правовой позиции, о которых
сегодня говорили на пленарном заседании, наверняка уже были под-
креплены определенными знаниями — всем этим он уже оперировал
более свободно. И, конечно, он изменился.

ПИХОЯ Людмила Григорьевна
начальник отдела государственного строительства
аналитического управления
Совета Федерации

Наблюдения спичрайтера

Сегодня, уже, наверное, настало время приоткрыть завесу тайны над деятельностью, связанной с подготовкой текстов выступлений Бориса Николаевича, и вообще с его публичной деятельностью.

В самом начале работы — а работать мы начали еще в 1990 году, когда Ельцин еще только баллотировался в депутаты Верховного Совета РСФСР в Екатеринбурге, — была достигнута договоренность, что поскольку сфера деликатная и предполагает доверительные отношения между заказчиком и людьми, которые ему помогают, наша деятельность не должна придаваться огласке. Мы, естественно, эту договоренность соблюдали на протяжении многих лет. И молчали о том, что у Ельцина есть группа, которая помогает ему писать выступления и вместе с ним формирует традиции спичрайтерской работы. Традиции, которые живы и сейчас, и не только в аппарате нового президента и нового правительства, но и во многих других государственных структурах. Впервые нас «рассекретили» журналисты в 1996 году.

Борис Николаевич действительно возродил профессию политика, он был одним из тех людей, кто очень рано понял, что такое публичная деятельность — еще в Свердловске в 1980-е годы. Ельцин сломал традицию Свердловского обкома и начал выступать публично. Были у Ельцина и прямые выходы в телевизионный эфир, где он отвечал на вопросы телезрителей — в своем роде интерактивное телевидение. Тогда это было, конечно, чем-то новым.

Борис Николаевич очень сильно отличался от других секретарей, он сам и много работал над текстами. Наина Иосифовна рассказывала, что по ночам она нередко что-то переписывала, перепечатывала — Борис Николаевич очень точно подбирал слова. Как русский человек, он понимал, что в России надо говорить хорошо, правильно, понятно — лишь тогда можно чего-то добиться и сделать что-то серьезное.

Сразу после избрания председателем Верховного Совета РСФСР, Ельцин предложил нам работать его спичрайтерами. При этом, как человек артистичный, он немножко блефовал и говорил: «У меня есть не-

сколько групп, пять групп, они мне что-то пишут». Но мы-то видели, что никаких особых групп не было, а были обрывки каких-то текстов, которые кто-то ему предлагал, и из которых он сам что-то собирал — так получалось выступление.

Все мы, конечно, не были профессиональными спичрайтерами, но нам очень сильно помогала наша преподавательская и научная работа — в первой группе, которая работала с президентом на протяжении почти десяти лет, были преподаватели Политехнического института, где он сам учился, и где располагался его избирательный штаб. Здесь были преподаватели философии и истории, а также социологи, то есть люди, которые умели подать текст и заинтересовать этим текстом.

Понимая важность этой новой профессии, Борис Николаевич проявлял к ней большое уважение. В первый же год нам были созданы, я считаю, идеальные условия. Во-первых, все помещения, где мы работали, находились рядом с его кабинетом. Мы могли зайти к нему в любое время. Из рассказов современных спичрайтеров я знаю, что сегодня они премьера не видят, к президенту не ходят, а тексты передают через кого-то. А этот кто-то передает им замечания. А у нас была прямая телефонная связь с президентом, мы часто с ним виделись, обсуждали тексты, планы, предлагали свои идеи — мы находились рядом.

В это время были заложены особые традиции, которые состояли в том, что мы везде сопровождали президента. Время было очень бурное, и нередко тексты, подготовленные к какой-то поездке, приходилось во время этой поездки переделывать, вносить какие-то правки.

Нужно отметить и вот что: зная, насколько важно слово, Ельцин подолгу нас выслушивал и прислушивался к нашим словам — несмотря на свой характер и сопротивление навязываемым ему идеям или предложениям. Если мы говорили, что запись на телевидении прошла неудачно, «глаза ваши были неискренними», а текст, несмотря на то, что он был хорошо написан, «прозвучал плохо» — все переписывалось и добавлялись искренность и энергия. Борис Николаевич был человеком очень энергетически сильным, мощным и артистичным.

Какими были, в основном, у Бориса Николаевича требования? Какие удалось заложить традиции? Я бы все требования к публичной работе и выступлениям разделила на три части. Прежде всего — тексты.

Он постоянно требовал от нас точности и ясности выражения, правды. Очень не любил, когда использовались какие-то общие слова. В первые годы работать было очень трудно — часто приходилось «отжимать воду». Ельцин критиковал нас без конца: тут у вас вода, тут у вас штампы, тут у вас какие-то идеологические клише — «Вы же уже не такие советские люди, вы еще молодые, что вы там мне пишете?» Он всегда требовал от нас очень кратких, емких, лапидарных текстов.

Внутренне, действительно, Ельцин был очень свободным человеком, несмотря на все его советское прошлое. Во всех текстах, особенно

в начале его публичной деятельности, мы были обязаны, и Борис Николаевич настаивал на этом, как можно чаще употреблять слова «свобода», «демократия» и так далее. То есть, главную свою задачу он видел в том, чтобы буквальным образом насадить свободу, объяснить, зачем она нужна.

Конечно, поскольку в стране шли бурные перемены, он требовал, чтобы мы очень четко объясняли, что вообще происходит, почему реформы, те или иные преобразования необходимы. У нас в последние годы выдвигаются различные предложения о внесении поправок в Конституцию — об увеличении сроков и прочем, но мы не слышим объяснений. Принимаются какие-то политические решения, и только от замглавы администрации мы узнаем, что, оказывается, это «суверенная демократия». Но об этом не говорит президент. Понимаете? Тогда нам бы это не сошло с рук. Никак. Мы должны были все подробно и тщательно объяснять людям. И не просто объяснять, а объяснять так, чтобы они понимали — доходчивыми словами.

В то же время Борис Николаевич страшно не любил повторов. Все время требовались свежие идеи, свежие слова. Например, помните, в его выступлениях, особенно в первый год, было много высказываний о том, что мы никогда не повернем назад, не вернемся в советское время, что мы будем двигаться вперед. Когда в очередной раз мы внесли в текст слово «не повернем», а это было тяжелое время накануне 1993—1994 годов, Ельцин сказал: «Так, Людмила Григорьевна, не надо писать «не повернем» — «мы не будем пятиться назад». Я говорю: «Борис Николаевич, да половина молодого населения вообще не поймет, что такое «пятиться». Откуда вы это слово вытащили, из каких недр вашего сознания?» Он отвечает: «Людмила Григорьевна, я вам объясню, что такое пятиться. Мы смотрим вперед, но мы не будем делать даже шага назад. Вот что значит «пятиться». То есть, «поворачиваться» — это поворачиваться совсем, а «пятиться» — это отступать, смотреть вперед, но все-таки какие-то шаги делать назад. Так вот вы напишите, что мы даже пятиться не будем, потому что для нас это крайне важно».

Надо отметить, что написать текст Ельцин мог и сам. Будучи секретарем обкома, он часто так и делал. Но и времени не было, и тексты касались таких тем, в которых он поначалу был не силен: демократия, рыночная экономика, какие-то механизмы, банковская система, которую надо создавать, акцизы. Конечно, нам приходилось готовить его выступления вместе с помощниками, также включенными в этот спичрайтерский процесс. Но он всегда просматривал и правил тексты сам. Я не помню случая, даже у позднего Ельцина, даже после болезни, чтобы он вышел на трибуну или на запись на телевидении, не прочитав перед этим то, что мы подготовили. Он всегда очень внимательно вчитывался и обязательно правил. Борис Николаевич очень хорошо знал русский язык, и сердился, когда встречал грамматические ошибки. Даже

в администрации стали говорить: ну, у Людмилы Григорьевны в группе неграмотные люди — смотрите, Борис Николаевич возмущен, столько запятых неправильно поставлены, ошибки какие-то.

Надо отметить еще одну особенность: Ельцин очень большое внимание уделял тому, как произнесен текст. Повторюсь, он был очень артистичным человеком. Вспомните, как он уходил (в декабре 1999 года). И дата была выбрана не любая, и вел он себя на той записи продуманно — драматургию, в общем-то, нагнетал. Он каждый текст рассматривал как законченное литературное произведение. Мы с ним часто и долго беседовали на эти темы: «У этого текста должна быть завязка, у него должно быть драматургическое содержание и мощный финал. Вот если это все соблюдено, Людмила Григорьевна, тогда у меня текст удачный, я с ним выхожу. А если этого нет, то с чем я выхожу? Что за материал вы мне принесли?»

Много внимания он уделял эмоциям в тексте — не только содержание должно быть правильным, но и эмоционально выступление должно быть очень сильным. В самом начале нашей работы Ельцин очень коротко сформулировал главное требование к материалам, которые мы готовили: тексты должны звучать мощно, сильно, ярко. В этом вся его человеческая суть, он и сам был таким человеком — сильным и ярким.

Например, был такой момент: шло подписание федеративного договора, и буквально за час до него он вернул нам текст. Я пришла и спросила: «Борис Николаевич, все же правильно написано — все посмотрели». А он мне отвечает: «Я не могу с этим текстом выйти на подписание договора. В нем нет души, идите и переписывайте». И мы за час разыскали душу, чтобы сделать этот текст. Похожий случай произошел во время референдума в Татарстане. Ельцин мне тоже говорил: «Так, Людмила Григорьевна, у меня вот здесь уже одни угли, а вы — еще молодые, идите, поскребите у себя в душе и найдите мне те слова, которые нужны».

Но вернусь к тому, на чем остановилась и что пропустила. Каждое выступление, а особенно мощное — на съезде или где-либо еще, — обязательно должно было быть как театральное действо. В 1992 в ходе визита в США Ельцину предстояло выступать в Конгрессе. Это выступление мы готовили очень долго. Сев в самолет, во время полета просмотрели видео с выступлениями Вацлава Гавела и Леха Валенсы, которые выступали там раньше. Посмотрели, как это выглядело, что такое конгресс, как он реагирует... Наконец, мы прилетели и продолжили работать с текстом уже вместе с переводчиками. При этом Борис Николаевич сам продумывал все до мельчайших деталей: как он зайдет в здание, как пройдет по проходу, как будет пожимать руки членам Конгресса, как встанет за кафедру, как будет выступать, где должны быть паузы для аплодисментов. И только когда все это было соблюдено, все было расписано, только тогда он выходил на сцену.

Я здесь не буду подробно говорить о том, как появились новые жанры, приветствия и так далее. Не буду подробно рассказывать и о неудачах — они тоже были: например, совершенно не прижились радиообращения. В 1996 году, когда Борису Николаевичу сделали операцию, в администрации было принято решение, что он будет продолжать активную публичную деятельность через радиообращения, но, видимо, и аудитория была не та, и традиция не та, и как-то в целом все это не звучало. Кроме радиообращений не прижились и еще некоторые наши задумки — они не подошли Борису Николаевичу чисто эмоционально.

В завершение хочу повторить, что в работе с президентом очень сильно помогало его большое внимание к самой сфере публичной деятельности. И поэтому, с одной стороны, работать было легко. Но с другой — я не помню текста, который был бы принят сразу. Обычно — с пятого по десятый варианты.

РАР Александр
*руководитель Центра имени Бертольда Бейца
по сотрудничеству с Россией, Украиной, Белоруссией
и Центральной Азией при Германском совете
по внешней политике*

Была ли альтернатива в 1991 году?

Сначала я попытаюсь ответить на этот вопрос сам. Ельцин, и думаю это оценит история, взошел на политический Олимп через свободные выборы, через свободное волеизъявление народа. Он был первым в истории страны по-настоящему избранным лидером. И Горбачев, мне кажется, тоже должен был в свое время, уже в 1989 году — во время Съезда народных депутатов, или в 1990 году, согласиться на всенародные выборы на пост президента СССР. Возможно, он бы тогда проиграл, и выиграл бы Ельцин, которого поддерживали в народе. Мне кажется, что эти два года действительно могли бы по-другому повернуть даже судьбу самого СССР. Это тоже тема для размышления.

И еще одна тема. Если бы Ельцина не было 19 августа 1991 года перед Белым домом, если бы, например, он туда не поехал, то у сопротивляющихся путчистам сил просто не было бы лидера. Я думаю, что это очень важный момент. Мы видели, что во время «оранжевой революции» на Украине, которую я никак не сравниваю с 1991 годом, появился Ющенко. И как популярная личность он направил развитие ситуации в определенном направлении. Что было потом — не важно, но революция произошла. Вот в Белоруссии, например, у оппозиции нет лидеров, поэтому ничего и не получается. Но Ельцин в секунды исторического изменения находился на правильном месте. И отсюда вопрос: какой была альтернатива, что было бы, если бы его там не оказалось? Кто был бы на его месте? Похоже, таких не было. Ну, не Собчак же...

Оценка Ельцина на Западе.

В первую очередь, Запад понимал, что у Ельцина есть доверие народа, а поддержка большинства людей в собственной стране — это высшая ценность для Запада. И поскольку Запад за демократию, он на этом основании поддерживал и Ельцина.

Ельцин понимал, что нельзя забирать свободу. И он применял ее только изредка, когда под вопрос ставилось само существование государства или государству грозил развал. Это октябрь 1993 года, и с моей точки зрения, это все-таки война в Чечне. Но для него это всегда было

очень трудное решение. При этом Ельцин шел и на большие уступки. Мне кажется, что об одной из них мы сегодня не вспоминаем вообще. Это было в декабре 1991 года, когда Борис Николаевич послушался Конституционного суда, не разрешившего ему отстраивать новый гигантский КГБ, вновь соединив внутреннюю и внешнюю разведку. Это был первый раз, когда он последовал такому решению Конституционного суда, которое указывало ему поступить не так, как он хотел. Не надо забывать и о том, что Ельцин фактически приостановил в 1996 году руками Лебеда войну в Чечне и пошел на очень унижительные переговоры с теми людьми, которых сегодня открыто называют террористами. Причем на переговоры в самой Москве, в аэропорту. Кроме этого, он нашел мужество в сложной ситуации пойти на альянс с Примаковым и коммунистами, чтобы стабилизировать ситуацию в стране — потому что другого выхода не было. И, конечно, в историю Ельцин войдет своим красивым уходом в последние минуты прошлого тысячелетия.

С точки зрения Запада, Ельцин не только продолжал, но даже усиливал линию на сближение с демократической Европой, которое в конце 1980-х годов начал Горбачев. И мне кажется, что вот тогда и началась эта великая модернизация России, которая длится до сих пор. Она началась не с Медведева, а тогда.

Полный разгром коммунизма в стране, на что Горбачев не пошел, тоже отличительное свойство Ельцина. И из-за этого в 1990-е годы Запад смотрел на Россию по-другому. То есть Ельцину, который предстал в роли единственного гаранта будущей демократии, прощали все — и Белый дом, и Чечню. Ну и манипуляцию на выборах 1996 года, когда, как мы знаем сегодня, у Зюганова все-таки был реальный шанс. К Путину теперь применяются совсем другие мерки, к нему совсем другое отношение. Здесь уже нет благодарности со стороны Запада за разрушение коммунизма и биполярной системы.

Для Запада Ельцин был очень удобным партнером, потому что он все-таки приостановил войну в Чечне, и на встрече с польским президентом фактически позволил расширить НАТО на восток. Он, кстати, сотрудничал с НАТО по Косово — уже после того, как вначале критиковал косовскую войну. Нельзя забывать, что в 1993 году Ельцин пригласил ОБСЕ на постсоветское пространство — участвовать в миротворческой операции в Абхазии и Южной Осетии. Это мы, на Западе, не хотели туда идти, хотя он сделал соответствующее официальное предложение. Нельзя забывать, что все это было.

Ошибка Запада не только в том, что с Россией не говорили всерьез по вопросам расширения НАТО, но и в том, что не было «Плана Маршала-2». Я думаю, что если бы тогда мы создали такой проект, он действительно помог бы не только восточно-европейцам, но и России быстрее поднять свою экономику. Конечно, нам пришлось бы раско-

шелиться. Но эту цену мы заплатили бы за весьма важную вещь — за стабилизацию Европы. А так в результате получилось, что фактически мы отодвинули Россию от Европы. И теперешняя политика — результат поведения Европы. Что получили? Европу на базе НАТО и Европейского союза — без России, и ослабление ОБСЕ, где Россия играла существенную роль. Я до сих пор не понимаю, как Запад мог пойти на столь быстрое расширение НАТО именно в то время, когда в российском правительстве находился так называемый «дрим-тим» — Немцов и Чубайс.

Сегодня нужно все эти ошибки исправлять. Не знаю, как это будут делать, но это уже задача будущей политики.

ЯКОВЕНКО Игорь Григорьевич,
профессор культурологии РГГУ

Распад СССР: Предварительные итоги

Распад СССР — событие всемирно-исторического масштаба. В этих процессах реализовался исторический выбор народов Советского Союза. Обыденное сознание исходит из того, что последствия это что-то близкое и непосредственное. В реальности последствия стратегического выбора реализуются на разных исторических дистанциях. В 1922 году в России закончился пятилетний референдум по поводу выбора пути развития страны, который принято называть Гражданской войной. В ходе референдума русский народ выбрал стратегию большевиков. Последствия этого исторического выбора народы Российской империи несут без малого сто лет. Коллективизация и голодомор на Украине и Юге России относятся к ближнесрочным последствиям; Всеобщее начальное, а затем среднее образование, Днепрогесс, Магнитка, Гагарин в космосе — к среднесрочным; Вымирающее Нечерноземье и спивающееся население малых городов сегодня — к отдаленным последствиям. Соответственно, можно говорить о краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных итогах любого серьезного исторического события. Двадцать лет, прошедшие с 1991 года, достаточно для подведения предварительных итогов.

Всякая культура внушает своим носителям идею о собственной вечности. Эта максима переживается как нечто самоочевидное. Знание об инках, римлянах или Ассирийской империи не соотносится в голове массового человека с судьбами «нашего» мира. В случае с СССР, на описанное накладывался особый эсхатологический оптимизм молодой мировой религии, предполагавшей вечное бытие в силу самой природы божественной истины. У Советского Союза было начало, но не могло быть конца. Данное убеждение внедрялось в сознание трех поколений всей мощью идеократического государства. Поэтому, для многих распад СССР переживается как событие противное законам природы. Это — трагическая случайность либо результат действия враждебных сил. Однако самая распространенная и устойчивая иллюзия не перестает быть иллюзией.

По существу, распад СССР — следствие другого, гораздо более масштабного события. Весь XX век Россия отдала новой религиоз-

ной истине, которую выстрадало, приняло и выпестовало российское общество. Истина эта по определению носила универсальный характер. Русский народ и другие народы СССР осознали своей исторической миссией принести обретенную истину всему человечеству. На это были истрачены все наличные силы, положены гигантские ресурсы. Ради этого были реализованы циклопические проекты. Но человечество отказалось от перспективы «светлого будущего». Коммунизм не стал мировой религией. В борьбе за мировое господство Советский Союз ввязался в военно-технологическую гонку с блоком лидеров мировой динамики, надорвался в этой гонке и рухнул. Крах коммунистического проекта и «общества реального социализма» стал краеугольным событием, завершающим XX век и открывающим эпоху перехода мира к новому историческому качеству. Советский Союз был политической оболочкой коммунистического проекта. Крах коммунизма означал конец империи.

Данное событие упало на головы миллионов людей не готовых осознать и смириться с произошедшим. Отсюда страстная полемика. Распался или СССР сам, или его развалили некие внешние или внутренние силы? По существу данной проблемы можно сказать следующее: На протяжении всей истории человечества любое государство существует в диалектике интегративных и дезинтегративных тенденций. И существует до тех пор, пока интегративные силы доминируют над дезинтегративными. В каждом государстве есть социальные группы и силы, которые по самым разным мотивам (религиозным, экономическим, культурным, этноцивилизационным) заинтересованы в отложении, распаде страны, ее переформатировании, в наступлении хаоса и т.д. Те же самые тенденции присутствуют во внешнем пространстве. Отдельные социальные силы или правящие режимы могут быть заинтересованы в дестабилизации, либо распаде соседней страны. В этом отношении СССР ничем не отличался от сотен других стран. Можно перечислить обозначенные силы внутри и вовне, но это перечень ничего не даст для понимания логики распада Союза.

Дезинтегративные тенденции побеждают тогда, когда исчерпывается интегративный потенциал. Всем, повторяющим байки про «Доктрину Даллеса», надо ответить на вопрос: почему ИНО ОГПУ, Коминтерну, КГБ СССР, ГРУ, Международному отделу ЦК КПСС, Организации Варшавского Договора, Совещаниям коммунистических и рабочих партий, Всемирному Совету мира, АПН, и другим почтенным структурам и организациям, располагающими огромными ресурсами и компетентными специалистами, не удалось разрушить мир капитала, а ЦРУ и империалистам удалось разрушить СССР? Бойцы видимого и невидимого фронтов вначале утратили волю к победе, а потом перешли на сторону противника? Пусть так, но это не объяснение. Мы говорим о широком социальном слое — элите гигантской империи, которая вдруг

переродилась. Если подобный процесс имел место, то он обусловлен и закономерен. Его надо объяснить.

Следует различать уровни причинности. В ходе войны фашистская Германия была разгромлена союзниками по Антигитлеровской коалиции. Но этот разгром не есть причина краха. Причина — самоубийственная политика фашистских вождей развязавших мировую войну, которая была обречена стать борьбой на уничтожение противостоящих блоков. Советский Союз семьдесят лет боролся за мировое господство. В этой борьбе различались этапы, тактики, союзники и противники. В первые десятилетия, идея Мировой революции провозглашалась громко. В эпоху Холодной войны в качестве пропагандистского обеспечения борьбы за мировое господство использовалась фразеология борьбы за мир. Постепенно накал борьбы угасал. Но цель оставалась неизменной — победа коммунизма во всем мире. Что в практическом плане означало мировое господство СССР, как безусловного лидера коммунистического мира. Советский Союз надорвался в этой борьбе и рухнул.

Поражение Союза в Холодной войне и итоги этого поражения сопоставимы со стратегическим поражением Священной Римской империи в войнах Контрреформации, завершившихся Вестфальским миром 1648 года. Испания не смогла навязать Европе, ни своего видения христианских догматов, ни своего владычества. С середины XVII века Испания угасает, колониальная империя последовательно рассыпается, страна погружается в стагнацию. Испании удалось войти в общеевропейскую целостность лишь в 70-е годы прошлого века.

Лидеры мировой динамики входили в «мир капитала». Запад был больше и мощнее. «Мир социализма» объединял страны второго эшелона. Советский Союз нес основное бремя мирового противостояния. Сверх всего этого, социалистическая экономика принципиально не эффективна и проигрывает экономике, базирующейся на рынке и частной собственности. Экономика советского образца эффективна как стратегия догоняющего развития традиционно крестьянского общества. Она позволяет концентрировать ресурсы на ключевых направлениях, создавать инфраструктуру индустриальной эпохи. В этом смысле, советский проект укладывается в более широкое множество диктатур развития с их тягой к огосударствлению экономики, жестким политическим режимом, культом силы и фатальной обреченностью трансформироваться со временем в диктатуру застоя.

Шестидесятые годы прошлого века жестко обозначили предел возможностей социализма по-советски. Советское общество не смогло осилить потенции четвертого технологического уклада. Оно не смогло перейти от тракторов и самолетов середины века к компьютерам и синтетическим материалам. Запад интенсивно развивался. Отсюда экстенсивные ответы на интенсивные вызовы; в частности — вал

военного «железа» уступающего в качественном отношении технике противника. Власти приходилось экономить на качестве жизни населения. Серый и невыносимо убогий быт советского человека становился непереносимым в сравнении с картинками, открывающимися через отверстия в ржавеющем железном занавесе. В конце концов, само советское общество изверилось в коммунистической перспективе и изжило советский проект. Первыми к этому пришли наиболее гибкие люди в правящей элите и интеллигенция. А дальше началась Перестройка и, замордованный дефицитом советский потребитель одержал стратегическую победу. Сладостное видение магазинов, в которых разложено тридцать сортов колбасы, заслонило образы Города Солнца.

Российская империя исторически сложилась из фрагментов трех локальных цивилизаций — православной, протестантски-католической и исламской. Такое образование могло быть более или менее стабильно до разворачивания модернизации, как русского ядра, так и окраин. Модернизация в империях с необходимостью запускает процессы формирования наций. Начинаются эти процессы с сохранения родного языка и народной культуры, а завершаются борьбой за независимость. Уже к началу XX века традиционно имперская модель изжила себя. Большевики выиграли Гражданскую войну и восстановили империю, прежде всего, за счет отхода от унитарной модели. На смену «единой и неделимой» пришла федерация республик обладавших известной национально-культурной автономией. Постепенно формировались национальные элиты и складывались предпосылки для следующей итерации, наступившей в 1991 году.

Сверх этого, в СССР сложился новый идеологический интегратор. Коммунизм как новая религия снимал локально-цивилизационные различия, возникшие в предшествующие эпохи. Но с крахом коммунизма гетерогенность общества выросла критически и буквально разорвала имперское целое. Не забудем, что за семьдесят лет советское общество значительно продвинулось по пути модернизации. Соответственно в республиках выросли предпосылки формирования национального сознания. Ровно та же ситуация сложилась в Югославии, которая с крахом коммунизма распалась по цивилизационным границам.

Кто выиграл, и кто проиграл от распада СССР? Прежде всего, распад СССР неотделим от краха социализма. Эти процессы нельзя рассматривать по отдельности. Далее, проблема оценки рождает методологические трудности. Каковы критерии? Интересующие нас процессы имеют многофакторный характер и содержат неустранимую субъективную компоненту. Выиграл или проиграл советский инженер, превратившийся в успешного владельца крупного предприятия, но страдающий от утраты сверхдержавного и имперского статуса России? Выиграл или проиграл профессор-гуманитарий, лишившийся идеологического

контроля и цензуры, уровень доходов которого снизился относительно советской эпохи?

В самом обобщенном смысле выиграли наиболее модернизированные носители индивидуалистического сознания. Проиграли — люди традиционной ориентации, массово представленные в модальности «советского человека». Выиграли жесткие, инициативные предпринимчивые, окончательно изжившие патерналистские установки, надеющиеся только на себя, свои возможности, свои связи, свою инициативу. Проиграли люди традиции, патерналистские и ведомые, верящие в то, что «власть должна накормить людей и дать людям работу». Выиграли способные включиться в новые профессии и жизненные сценарии. Проиграли более инертные, пожилые, не способные к резкой эволюции в силу культурных, психологических и ценностных барьеров.

Начисто проиграло минимально модернизированное традиционное крестьянство, остатки которого доживали в заказниках колхозно-совхозной системы. Условия воспроизводства этого историко-культурного феномена полностью сняты. На смену идет фермер и наемный работник капиталистического предприятия в сельском хозяйстве. Между этими реалиями качественная дистанция. Фермер и наемный работник отрицают мир традиционного крестьянства.

Тотально проиграла интеллигенция. Прежде всего, в силу экстенсивного характера советской модели, объемы подготовки работников умственного труда превышали все разумные потребности. Там, где должен работать один специалист с высшим и трое со средне-техническим образованием, у нас закладывалось 25 ставок инженера. Иными словами, государство давало высшее образование и обеспечивало человека не через чур напряженной работой до пенсии. Крах советской экономики привел к тому, что миллионы специалистов с высшим образованием, профессия и уровень компетенции которых не соответствовали требованиям рынка труда, оказались на улице. Во-вторых, с крахом советского общества (которое в своих глубинных основаниях было обществом традиционным) распались условия воспроизводства интеллигентского сознания. Рухнул этос интеллигенции. Разрушились ее представления о народе, о самой себе, понимание собственной миссии и чаяния светлого будущего. На смену интеллигенту пришел буржуазный интеллеktуал. А это — совершенно иной персонаж исторической драмы.

В целом проиграла академическая и отраслевая наука. РФ заведомо не может содержать науку, соответствовавшую сверхдержаве борющейся за мировое господство. Кроме того крах плановой экономики подрубил отраслевую науку. Масса научных работников оказалась у разбитого корыта. Талантливые специалисты, прежде всего молодые, владеющие языками и профессионально отвечающие требованиям мирового рынка, двинулись за рубеж. Оставшиеся живут сложно. Уровень доходов и социальный статус научных работников снизился. Ученым,

привыкшим к госфинансированию и административному механизму формирования тематики исследований, приходится вникать в запросы рынка и работать над проектами, предполагающими на выходе коммерческое использование.

В целом проиграла сфера производства, выиграла сфера обращения. В СССР сфера обращения было предельно сжата, а сфера производства — раздута. Сегодня целые сектора сферы производства рухнули. Доходы, культурный статус, сама возможность работать снизились и проблематизировались. Сфера обращения переживает противоположную трансформацию.

Во всех сферах экономики, культуры, общественной жизни выиграло то, что пользуется спросом на рынке, проиграли те формы экономической активности, которые не имеют потребителя здесь и сейчас. Машиностроение, оборонка, отечественная электроника, авиапром и т.д. и т.д. оказались неконкурентоспособными, либо лишились немалого госзаказа. В сфере производства выиграла экспортоориентированная сфера производства энергоносителей, сырья, продуктов первого передела. Российские аграрии покупают зерноуборочные комбайны из Бельгии, Германии и США. А производитель металлопроката «Северсталь» успешно развивается. Процветает сфера производства товаров и услуг, ориентированных на частного человека как конечного потребителя — пищевая, кондитерская — не испытывающая слишком сильного давления импорта.

Выиграли высококлассные специалисты любого профиля, труд которых востребован живыми людьми. Врачи, адвокаты, архитекторы и другие специалисты высокого уровня резко повысили свои доходы и социальный статус.

Выиграли города-«миллионники», в которых сложилось общество потребления. Проиграла глубинка. Но здесь не все просто. Наиболее зримо просело Нечерноземье. Юг России переживает интенсивный рост капиталистического сельхозпроизводства, который затронул весь регион.

В целом выиграл менеджмент, проиграли непосредственные исполнители, работники организаций любых форм собственности. В СССР последовательно реализовывалась стратегия уравнительности. Слишком высокие доходы поджимали, малооплачиваемых — приподнимали. Сегодня этого нет. Нет и профсоюзного движения способного отстаивать интересы наемных работников.

Выиграли сотрудники крупных корпораций государственных и полугосударственных. Надежное социальное положение, высокая зарплата, мощные социальные пакеты, хорошие перспективы служебного роста — все это притягивает молодежь к корпоративной карьере.

Самые крупные бонусы получила бюрократия. Этот слой общества вырос в объемном отношении и повысил свой социальный статус.

Официальные доходы и преференции бюрократии возросли. Но самое главное радости чиновничьего служения связаны с всепроникающей коррупцией, пронизавшей все общество сверху донизу. Крупная бюрократия срачивается с бизнесом, рождая классическую для России композицию власти-собственности. Соответственно проигравшей стороной коррупционного бума оказывается государство и общество как целое. Растет стоимость жизни, рушатся остатки социальной защищенности, размывается законность. Всесильный чиновник уверенно попирает бесправного гражданина. Надо сказать, что в СССР уровень коррупции постоянно рос, но оставался в разумных пределах. Политическое руководство страны тормозило коррупционное разложение аппарата, справедливо усматривая в росте коррупции смертельную опасность для системы. В постсоветской России коррупция вырвалась из-под контроля. Получатель этой ренты — правящая бюрократия.

Очевидно выиграло возникшее на голом месте бизнес-сообщество. Крупный бизнес пополняет региональную и общенациональную элиту, срастается с бюрократией, покупает недвижимость за рубежом и т.д. Сложнее дела среднего и малого бизнеса, который стал объектом постоянного обирания и вынужден бороться за свое существование. Но и здесь возможности людей и мера субъектности резко возросли.

Выиграли города и зоны страны, экономика которых держится на трансграничной торговле. Тридцать лет назад Белгород был тихим провинциальным городом. Сейчас это растущий и процветающий город, живущий на российско-украинской торговых потоках. Те же процессы идут в Калининградской области. На Дальнем Востоке в зонах ориентированных на торговлю с Китаем, Кореей и Японией наблюдается сходное оживление экономики.

В нашей стране нет статистики выехавших за рубеж после 1991 года. Это достаточно пестрое множество. Здесь и наемные работники, и бизнесмены, и семьи предпринимателей, чиновников, политиков постоянно работающих в нашей стране, и статусные пенсионеры, решившие реализовать право на заслуженный отдых в Средиземноморье, и люди искусства. Многие из них сохраняют российские паспорта. Называют разные цифры. Но выехало не менее 5 млн. человек. Эти люди, несомненно, выиграли.

Выиграли региональные элиты вообще и элиты союзных республик в особенности. Последние обрели статус элит независимых государств, выросли в объемном отношении. Мера их самостоятельности и горизонты возможностей поднялись на несравнимый уровень.

В сложном положении оказалось русские и русскоязычное население ряда новых государств на постсоветском пространстве. Русские в республиках разом утратили статус «старшего брата» и превратились в этническое меньшинство. Для многих такая трансформация оказалась

болезненной. Однако два десятилетия постсоветского развития убеждают в том, что надежды на реставрацию беспочвенны. Жизнь поставила людей перед выбором — принимать новую реальность, учить язык, входить в культуру новой страны или замыкаться в русскоязычной среде реализую стратегию доживания. В тех странах, где русским не мешают быть русскими, острых проблем не возникает, однако новая реальность приемлема далеко не для всех. В девяностые годы наблюдалось возвращение этнических русских на историческую родину. Но в целом это поток достаточно скромных объемов. В Средней Азии есть государства, выезд из которых затруднен, связи с Россией минимизированы, а сохранение русской идентичности усложняется.

Выиграли республики СССР, находящиеся к западу от РФ. Одни вернулись в родственную им европейскую цивилизацию, другие — приблизились к динамичной и благополучной Европе. Проиграли республики, лежащие к востоку от РФ, за исключением исключительно динамичного Казахстана. Страны Балтии вошли в Объединенную Европу. Граждане этих стран получили шенгенский паспорт. Возможности и перспективы этих людей качественно изменились. Заметим, что это касается не только представителей коренного населения. В Балтии зафиксировано интересное явление — «еврорусские». Это русские граждане балтийских стран активные в бизнесе, освоившие европейские языки и работающие с европейскими партнерами. Еврорусские успешно конкурируют с представителями коренного населения. В Молдавии дела идут много сложнее, но каждый четвертый житель страны получил румынский паспорт, то есть — вошел в шенгенскую зону. Украина не так энергично, но вращается в европейскую реальность. Квалифицированные специалисты в массовом порядке выезжают за рубеж. Белоруссия в этом ряду стоит особняком. Но и там растет число людей обучающихся и работающих на Западе.

Трудно формулировать обобщающее суждение относительно республик Кавказа. Армения находится в сложной геополитической ситуации. Грузия развивается динамично, но в высшей степени драматично. Азербайджан, скорее всего, переживает застой. Можно полагать, что одни социальные группы в этих странах выиграли, другие проиграли.

В целом от распада СССР проиграли республики Средней Азии. Эти общества обрели независимость, вернулись в среду родственных культур и народов. Теперь культурные ориентиры, формы и темпы вестернизации задает не имперский центр, а национальные элиты. Однако, гражданские войны, мощная трудовая миграция, проседания экономики, революции в одних странах и жесткие политические режимы в других свидетельствуют о серьезных проблемах региона. Лишившиеся патерналистской поддержки союзного центра и предоставленные самим себе, республики Средней Азии с трудом входят в современный мир.

Казахстан — самая крупная республика Средней Азии. Богатые сырьевые ресурсы, а также авторитарный, но исключительно эффективный национальный лидер позволили Казахстану пережить тяжелые девяностые и выстроить динамичную экономику близкую по структуре к российской: добыча и экспорт полезных ископаемых и продуктов первого передела. Согласно ежегодного доклада Программы развития ООН за 2010 год, Казахстан занимает 66 место в мировом рейтинге человеческого развития. В этом же рейтинге Россия занимает 65 место. На постсоветском пространстве наши государства опережают только страны Балтии. У всех остальных дела идут либо несколько, либо существенно хуже. Так мы переходим к следующему важному положению.

От распада Союза выиграло население России как целое. Инерция мышления, ценностные барьеры и активность имперски ориентированной части общества заслоняют эту реальность от большинства населения страны. Но постепенно самые зашоренные и традиционно мыслящие начинают осознавать — это «они» едут к нам работать. Они стоят наши города и подметаю наши улицы. Россияне находят себе более престижную работу. Бремя поддержания имперского целого, прежде всего, лежало на России. Сегодня эта ноша снята с россиян. Военные расходы снизились в десятки раз. Мы не оплачиваем лояльность восточноевропейских сателлитов СССР, не поддерживаем «прогрессивные режимы» и т.д. Другое дело, что основные дивиденды от этого достались элите. Тем не менее, рост крупных городов, формирование общества потребления, новые стандарты жизни миллионов людей немислимые с советскую эпоху, заданы не ростом эффективности экономики, а отказом от империи и борьбы за мировое господство.

Это не снимает многих тревожных тенденций. Снижается качество среднего образования и бесплатного медицинского обслуживания. В стране формируется «культура бедности», которая воспроизводит себя и блокирует перспективы вырваться из нищеты. Возникли устойчиво депрессивные регионы. Растет наркомании. Продолжительность жизни удручает. Россия находится в мировых лидерах по числу самоубийств. Все это свидетельствует о системном кризисе российского общества. В стране нет ни консенсуса по поводу причин и способов выход из кризиса, ни политической воли верхов заниматься стратегическими проблемами и бороться за будущее страны.

Важно подчеркнуть, что названные проблемы не есть следствие распада СССР и смены модели развития. Прежде всего, мы сталкиваемся здесь с *платой за империю*. Все народы создавшие империю переживают кризис после распада имперского целого. Вспомним монголов, заплативших за сладкий миг имперского могущества шестью веками прозябания. Вспомним греков, оплативших тысячелетнюю Византийскую империю пятью веками Османского ига. Вспомним римлян, вначале растворившихся в море покоренных народов, а затем оконча-

тельно ассимилированных племенами, добившими Западно-Римскую империю. Австрийскому народу отказ от империи обошелся поражением в двух мировых войнах, многолетней оккупацией страны, депортацией немецкого населения с имперских территорий и т.д. Россия, сама распустившая империю, минимизировала эти издержки. Далее, сегодняшние проблемы России заданы незавершенным характером революционных преобразований постсоветского общества, издержками управляемой демократии, свидетельствуют о своекорыстном характере правящей элиты и слабости гражданского общества.

Как мы видим, сложилась в высшей степени прихотливая, подвижная композиция социальных групп, тенденций, политических и культурных ориентаций, жизненных стратегий конкурирующих на постсоветском пространстве. Крах коммунизма и распад СССР оформили следующую итерацию движения на пути модернизации постсоветского пространства. Итерацию на пути размыwania традиционного сознания и движения от экстенсивного к динамичному, имманентно интенсивному обществу. Очевидные моменты упадка и деградации заслоняют от многих наблюдателей значимость качественного перехода.

К четвертому веку античная цивилизация утратила возможности развития и вступила в фазу деградации. Гибель Западно-римской империи — событие печальное и наверняка трагическое для современников. Помня об этом важно осознавать, что крах античного мира был необходимым условием становления средневекового общества. В тот раз эпоха упадка и одичания — так называемые «темные века» — длились четыреста лет. Сегодня, по прошествии двух десятилетий, можно констатировать очевидное преодоление упадка и тенденции роста в одних регионах постсоветского пространства. Равновесие конструктивных и деструктивных начал — в других, и доминирование тревожных тенденций в третьих, наиболее проблемных зонах.

Нас, и это естественно, интересует, прежде всего, Россия. Со сменой поколений, происходящей на наших глазах, отказ от обанкротившихся исторических стратегий и тупиковых моделей развития начинает приносить все большие дивиденды. В конечном счете, будущее России зависит от самого российского общества от уровня его зрелости, способности понимать реальность, принимать ответственные решения и работать во имя настоящего и будущего своей семьи, своих детей, своей страны.

РАЗДЕЛ 6

По оценке молодого поколения

В этом разделе собраны лучшие исследования студентов и аспирантов, посвященные девяностым годам.

КОВБА Михаил

Свобода слова как ценность демократии. Роль первого Президента России в ее становлении

ВВЕДЕНИЕ

Конституция СССР еще в 1936 году гарантировала свободу совести, слова, печати, собраний и митингов. Мы знаем, какие ограничения накладывались на эти базовые человеческие ценности в то время. Важны не декларированные в документах понятия, а их реальные проявления в общественной жизни.

На современном этапе мы видим очень странную картину, благодаря которой вошло в обиход такое понятие, как «независимые СМИ». Очевидно, что наличие таковых предполагает существование СМИ, зависимых и заинтересованных в отстаивании навязанной или спущенной сверху позиции. Гражданское общество в России только зарождается, люди пока не готовы отстаивать собственные интересы. Годы, когда личность была лишь песчинкой, а общественность — всеобщим благом, наложили отпечаток на каждого. В изменившихся внешних условиях многие не могут понять, что персональная инициатива, право на выбор и свободу мнения — это важно: они привыкли жить по идеалам коллективизма и не готовы решать сколько-нибудь значимые проблемы самостоятельно. Общество инертно — мы постараемся показать это в данной работе, потому недостаточно дать ему импульс движения в определенном направлении, нужно еще некоторое время поддерживать это движение, пока внутренние структурные изменения социума не адаптируются к новой динамике.

Сейчас мы находимся на распутье. Можно вернуться к старой авторитарной системе, такой привычной, когда ответственность индивида сведена к минимуму, когда так просто и понятно жить, особенно идеологически подкованным личностям, когда риторика власти ясна и понятна. Когда со всех сторон вещают, что жизнь светла и идеал близок, а альтернативы нет, нужна значительная воля, чтобы показать, что варианты развития существуют, а стабильность плавно пере-

текает в стагнацию. Машина коллективизма ломает неокрепшее достоинство человека.

А можно продолжить движение выбранным Ельциным курсом, благодаря которому, каждый человек получит возможность сформировать себя, сформулировать собственные понятия добра и зла, достоинства и целесообразности, отвергнуть навязанные мысли, а главное, отказаться от желания, чтобы кто-то другой ему эти самые мысли вкладывал.

Конечно, мы не описываем всеобщий индивидуализм как абсолютное благо, а коллективизм — как абсолютное зло. Мы считаем, что перекос в том или ином направлении губителен либо для личности, либо для общества. В данной работе мы постараемся определить эту грань, то направление движения общества, в котором наиболее ярко, по нашему мнению, могут проявиться индивидуальные качества любой способной к творческому созиданию личности вместе с органичным сопряжением индивидов в гармоничную целостную социальную структуру.

Мы постараемся показать, что демократия не может быть абсолютным идеалом, как ее некоторые преподносят, но на данном этапе является лучшим решением социальных противоречий, не меньшим из зол, а именно оптимумом. Очевидна проблема понимания, достигли ли мы той степени свобод, той истинной демократии, к которой внутренне стремились многие либеральные политики. Мы будем настаивать, что нет интегрального варианта всех этих стремлений: у каждого политика и личности цель своя, принципы ее достижения — свои, свое понимание свободы. Но мы считаем очевидным, что свобода слова — это тот фактор, который объективно необходим для достижения свободы личности. Достаточен ли он? Пожалуй, что нет: нужны еще стремление, инициатива, способность мыслить и притворять свои мысли в жизнь.

Объектом исследования будет являться свобода слова, а **предметом** — ее характеристики, критерии оценки реальной свободы, ее трактовки и современное состояние проблемы.

Целью данной работы мы ставим ответ на вопросы: является ли свобода слова актуальной ценностью демократии? Как понимал свободу слова Б. Н. Ельцин? Каким курсом мы движемся сейчас: тем, что он завещал, или новым? Вперед или назад?

Для того чтобы достичь заданной цели, нам необходимо решить следующие **задачи**:

- определить понятия свободы в абсолютном смысле и свободы слова в частности, показать, что без наличия второй невозможно достижение первой;
- показать взаимосвязь свободы слова и свободы доступа к информации посредством представления сущности информационных потоков;

- обосновать необходимость проведенных Ельциным демократических преобразований, проследить зарождение этих преобразований от идеи — через формализацию — к воплощению;

- рассмотреть понятие манипуляции информацией в современном мире, выявить, является ли манипуляция ограничением свободы и применялись ли подобные методы Б. Н. Ельциным.

- проанализировать текущее положение вещей и курс движения нашего общества, определить реакционный и либеральный векторы развития, сопоставить их, попытаться определить результирующее направление.

В последние месяцы (после выборов в Государственную думу в 2011 г.) гражданская активность неожиданно высока, пропаганда правительства осуществляется морально устаревшими методами, но в лагерях сторонников и противников текущего режима активно применяются методики манипуляции общественным мнением, что дает нам замечательный фундамент для исследования. В нашей работе будут рассмотрены некоторые события, предшествовавшие декабрьским выборам в Государственную думу и произошедшие после них: это наиболее ярко отражает курс развития новой идеологии общества, фундамент которой был заложен реформами Б. Н. Ельцина.

ГЛАВА 1. СВОБОДА СЛОВА И ИНФОРМАЦИЯ

1.1 Демократия как практическое воплощение идеалов свободы

В теории коммунизм был замечательной идеей способа организации общества, жалко, что неосуществимой. На самом деле мы получили не общество равных, а общество ограниченных. После многих лет декларируемого социализма мы строим демократию, но в последнее время закрадываются опасения, что элита понимает под демократией не власть народа (очевидно, это понимание слишком узкое, мы постараемся пояснить, почему; хотя на данном этапе нам удобно использовать эту максиму, как наиболее кратко характеризующую идеальную суть), а свою власть. И вправду, в этом есть некоторая логика: аристократия — власть аристократов, демократия — власть демократов. Такое понимание очевидно ошибочно, но еще более очевидно — кому-то выгодно.

А. С. Пушкин после поражения революции в Испании писал:

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

[Пушкин 1823]

Мы посмеем утверждать, что нормальному человеку абсолютно все равно, какая структура власти наверху, для него важно, как реализуют-

ся, прежде всего, его права и свободы. Пожалуй, мы не будем так смело говорить, что естественное человеческое стремление — это потребность в «гремущах», но и называть стремление к свободе слова, к моральным ценностям первоочередной задачей личности мы не вправе.

Демократия — объединяющее ценностное понятие, придуманное людьми, как и всякая отвлеченная категория, являющаяся воплощением идеала и интерпретацией индивидуального видения, трактовкой недостижимого абсолюта. Понятие это так или иначе искусственное, в природе его не существует, а потому не существует оторванного от личности стремления к нему. Это доказывает следующее рассуждение.

Предположим, что страной руководит идеальный просвещенный правитель, сосредоточивший все ветви власти в своих руках и ничем не ограниченный, который с помощью команды министров может абсолютно четко гарантировать создание базовых ценностей и удовлетворение всех материальных потребностей человека. Предпочтут ли люди такому режиму демократию? Очевидно, нет: зачем? Хотя описанная ситуация невозможна, она показывает, что называть самоцелью развития общества становление демократии неправильно, реально важна именно практическая реализация естественных личностных свобод.

Таким образом, мы пришли к выводу, что демократия — это всего лишь название формы, это упрощенная внешняя оболочка сложного структурного явления. Мы полагаем, что будем близки к истине, если скажем, что либеральная трактовка этого термина сводится к следующему: каждый человек должен иметь средства и рычаги для удовлетворения собственных потребностей, равное обеспечение правами и свободами, прописанными в конституции. Мы полагаем, что свобода — это не только формирование уникального мировоззрения, свобода, в нашем понимании, допускает заимствования из философских концепций, их адаптацию или применимость в неизменном виде, некий шаблон.

Всем вышесказанным мы хотели показать, что *демократия* — это формализация свободы, которая, в свою очередь, является самоценным феноменом.

И вправду, власть народа в буквальном смысле не обеспечивает реализации никакой из свобод. Если предположить такой состав государственной думы (парламента, учредительного собрания — не важно, как назовем), который пропорционально представляет структуру населения страны, то такой парламент окажется недееспособным. Законотворчеством занимаются профессионалы, оптимально — не преследующие собственных меркантильных интересов мудрые политики, но никак не сам народ, при всем к нему уважению.

Итак, мы назвали свободу ключевым понятием нашей работы, а потому должны определить его далее. Масштаб данной работы не предполагает аналитическое исследование одного из ключевых понятий

философии в полной мере, потому остановимся лишь тезисно на некоторых позициях.

Д. Маккаллум высказал мнение, что свобода выражается следующим императивом: А свободен от Б, чтобы В [Понятие «свобода» 2011]. Положительное определение свободы, таким образом, не учитывает ограничений и реальной возможности осуществления некоторого действия.

К примеру, мы сейчас считаем, что при Сталине люди были практически абсолютно несвободны, что в Северной Корее они несвободны и по сей день. Но когда умерли Сталин и Ким Чен Ир, люди плакали на улицах. Они не изображали горе, их слезы были искренни. Да, у них забрали личное достоинство, подменив его на идеологию, но с идеологией жить проще, она — извне, она понятна. Такое общество не знает ценностей, отличных от тоталитарных, а потому, если внезапно объявить там полную свободу в демократической форме, то общество не сможет ею воспользоваться (полагаем, наглядно мы сможем это увидеть в ближайшее время на примере молодой навязанной ливийской демократии). Оно плавно вернется к проверенной структуре с одним лидером, пусть и с другим внешне, но таким же по сути.

Следовательно, для свободы необходимо понимание наличия альтернатив, возможность эти альтернативы различить и осознать их смысл. Тут наша позиция близка к тем исследователям, которые полагают взаимосвязь между свободой и ресурсами, частично материальными. Мы же покажем, что в современном обществе основным ресурсом, можно даже сказать топливом, свободы является информация.

Г. Э. Бурбулис считает, что свобода — это выбор в спектре возможного [Свобода в политософском измерении 2011], мы же дополним, что если ограничение накладывается на возможность извне (при этом индивид может о нем и не знать), то назвать выбор свободным нельзя. Так что, пожалуй, *свобода* — это выбор в спектре возможного без ограничений не столько самой возможности выбора, сколько набора реальных альтернатив.

Полный набор решений в любой ситуации, очевидно, является предвестником вседозволенности и анархии, никакая свобода не может быть абсолютной. Если нам захочется выйти и прокричать националистические лозунги на площади — это ненормально, и должно быть пресечено, хотя фактически силовое реагирование на такую демонстрацию ограничивает нашу свободу, вычеркивает из числа альтернатив один вариант.

Что же можно считать разумным ограничением? Законность не может являться таким фактором, потому как мы допускаем, что в тоталитарных режимах, действительно, незаконно иметь собственное мнение, отличное от генеральной линии. Легитимность — это понятие, более абстрактное, чем законность, но мы допускаем, что в стране, где

уже многие годы запрещено критиковать правительство, большинство усвоило тезис, что критика — это то же, что и клевета, а потому критика становится реально нелегитимной.

Получается, что понятие легитимности в различных обществах различается, нельзя говорить, что в одном — оно правильно, в другом — нет. Мы должны ввести понятие идеальной легитимности, основанное на базовых человеческих ценностях, которое, трансформированное в формальное изложение, а именно в своды законов, позволит считать ограничителем свободы именно законность.

Утилитарное понятие свободы служит стабильности и эффективности работы государства, но мы полагаем, что оптимальными являются этические ценности либерализма, и именно они должны определять ограничения на свободу. Каждое наше решение по ограничению влияет на многих людей, некоторым оно идет во благо, некоторым — нет. Не существует универсального понятия добра и истины, не существует универсального критерия целесообразности. Но есть представления о гарантированно неправильных вещах, которые разумно ограничить, они описаны в Конституции: защита чести и достоинства человека, репутации, государственной тайны, запрет на высказывания, возбуждающие национальную, социальную или религиозную ненависть и вражду. Мы не знаем, что такое абсолютное добро, но мы с большой вероятностью знаем, что является злом, а потому можем его ограничить.

1.2. Свобода слова как необходимое условие реализации свободы

Очевидно, что термин «свобода слова» не очень хорошо отражает суть предмета. И вправду, слово — это не всегда выражение позиции, и позиция выражается не только словами. Дополнительно можно сказать, что не всякая позиция востребована и интересна, пусть даже она и правильна, не всякая позиция способна быть грамотно изложена и понята.

Итак, свобода слова неразрывно связана со свободой мысли и способом ее выражения. Очевидно, что у мысли есть объективная сторона, а именно — то, о чем мы думаем или рассуждаем. Это может быть как физически существующая вещь, так и событие, факт или метафизическая сущность, или абстрактное явление. С физической вещью все более-менее ясно: мы будем считать, что существует ее истинная сущность, то, какова она на самом деле, объективно. Одновременно с этим существует наша интерпретация этой вещи, наше ее видение. Для конкретных предметов это видение у большинства одинаково (хотя споры могут возникать, например, по вопросу цвета, размера, целесообразности владения). Само объективное существование этой вещи назовем элементарным фактом.

Также элементарными фактами будем называть единичные события, из совокупности которых состоит любое явление. Для примера,

произошла авария: два человека, попавших в нее имеют собственную трактовку ситуации. Очевидно, есть истинная трактовка — набор фактов, внешних условий и действий, описывающий то, как оно было на самом деле.

Любое суждение состоит из набора идей, идеи основаны на доказательной базе, которая является фактами из личного опыта или очевидными вещами из окружающего мира. Потому можно считать, что атомарным элементом суждения также является такая сущность, как элементарный факт, полностью объективная реальность.

Объективной реальности как таковой не бывает — есть лишь множественные ее субъективные интерпретации, а именно, видения элементарных фактов и логики взаимосвязи между ними (к слову, сама логика тоже без ограничения общности — элементарный факт).

На основе чего формируется субъективная интерпретация? На основе информации о событии или вещи и на основе базовых ценностей, заложенных ранее, как мы показали выше, теми же самыми интерпретациями опыта или прошедших событий, суть имеющейся информацией.

Информационным потоком будем называть любой обмен информацией между субъектами (людьми), как непосредственно, так и опосредованно, через любой материальный или вещественный носитель или канал передачи. Фактически доступ в нашей терминологии является совокупностью запроса на реализацию потока и осуществления самой передачи.

Мы писали, что для свободы слова необходимо понимание того, о чем необходимо высказаться. Если мы обладаем малым количеством исходной информации, то наши результирующие суждения ограничены автоматически. Если мы обладаем достаточным количеством информации для вынесения суждений, но нам запрещают или чинят препятствия обнародованию собственного мнения, то это ограничение на распространение собственной интерпретации информации. И то, и другое нарушает постулаты свободы слова, выраженные в Конституции и доступные на общечеловеческом уровне: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом» [Конституция 1993, ст. 29].

Не всякая субъективная позиция пользуется спросом в обществе. Не всякое общество желает знать ту позицию, которая наиболее близка к объективной, но любое общество формирует спрос на определенного типа субъективные позиции по тем или иным вопросам (в силу отсутствия объективных позиций как таковых, спроса на них быть не может, это понятие ничтожно).

В итоге наша трактовка степени свободы слова в обществе звучит так:

Если в обществе есть спрос на определенного рода интерпретации объективной информации, но в силу внешних ограничений доступ к этим интерпретациям ограничен или ограничены ресурсы для формирования субъективной позиции, удовлетворяющей спросу, то можно сказать, что свободы слова нет в той мере, в коей этот доступ ограничен.

После того как мы определили термин свободы слова, вернемся к взаимосвязи свободы и этого понятия. Спрос на информацию ограничить можно, но суть ограничения спроса в том, что скрывается не сама информация, а факт ее наличия, то есть фактически ограничивается доступ к ресурсам для формирования собственной субъективной позиции.

В советские времена были запрещены некоторые книги, а именно, по нашей терминологии, доступ к ним был ограничен. Но при определенной настойчивости спрос на них можно было удовлетворить. Если бы никто не знал о существовании определенного произведения (пусть даже идеи, высказанные в нем, были в тысячу раз правильнее и лучше изложены), то даже при всем желании спрос бы на него не возник. Потому мы считаем куда более серьезным ограничение ресурсов, чем конкретные источники информации.

Пусть некоторые элементарные факты замалчиваются, тогда очевидно, что объективная картинка происходящего не разглашается, а поощряется распространение определенного рода близких по сути субъективных интерпретаций, которые могут быть заранее кем-то определены (в условиях дефицита информации может возникнуть только ограниченное количество идей). Мы считаем истину одной из основных ценностей демократии и свободы, поскольку, не зная истины, но имея на руках правдиво выглядящий суррогат, мы даже при абсолютной мудрости и приверженности курсу, определяемому совестью, будем идти туда, куда нас отрядил идти неизвестный, утаивший правду, то есть будем не свободны от его влияния.

Если ограничена свобода распространения информации (цензура или физическая угроза постфактум), то ценности демократии тоже не реализуются, а вместе с ними и ценности свободы. Для примера: пусть в некоторой деревне имеется один телевизор на всех, являющийся единственным источником информации, по которому крутят ровно один проправительственный канал с пропагандистскими передачами, иногда перемежаемыми сценами балета. Тогда доступ к другим субъективным интерпретациям ограничен. Если в соседней деревне существует телевизор с двумя каналами, один из которых оппозиционный, то жители первой при большом желании могут сходить за информацией во вторую деревню. Если они не знают о существовании второго канала — это уже рассмотренный нами случай, а если знают — рассматриваемый. Во-первых, за информацией готовы идти далеко не все. Во-вторых, проверить информацию по обоим каналам все равно не представляется воз-

можным. В-третьих, в условиях, когда доступ к информации сопряжен со значительными усилиями, для этого доступа необходим стимул.

Стимул — это всегда проблема, без наличия проблемы не возникнет желания преодолевать препятствия. И мы полагаем, что масштаб проблемы до определенного этапа прямо пропорционален готовности к преодолению препятствий на пути к доступу информации (а именно: решение глобальной проблемы одним индивидом почти наверняка бессмысленно, а до малой могут не дойти руки). Чтобы осознать масштаб проблем в рутинной течучке жизни, необходимо обладать стратегическим мышлением: решение частных задач не выходит за стандартные рамки, предусмотренные ограничителем свободы. К сожалению, им обладает меньшинство — большинство готово плыть по течению: его полностью устраивает наличие того объема информации, который есть в непосредственном доступе. Но мы предполагаем, что основная ценность свободы — возможность выбора. Да, тут она ограничена ленью, страхом или глупостью, но эти ограничения введены искусственно извне, то есть свобода не выполняется.

Можно предположить, что свобода слова — линейное понятие. Своеобразный черный ящик, в который попадает доступная информация, а выходит ее субъективная интерпретация. Однако любая субъективная интерпретация может являться одновременно и входящим содержимым для другого черного ящика, для собственной оценки другой личности. Отсюда мы видим не линейность процесса, а его закольцованность: выходные данные одного процесса являются входными данными другого. Информационные потоки взаимосвязаны, не существуют в отрыве друг от друга, каждый поток порождает вероятность появления нового. Следовательно, мы не можем разделять типы ограничения доступа к информации, поскольку фактически они являются лишь различными интерпретациями одного объективного явления.

В итоге мы можем заключить, что свобода слова необходима, но не достаточна для построения свободного общества и является неотъемлемым понятием свободы, а, следовательно, одним из идеалов демократии. Также мы показали связь свободы слова и информации.

1.3. Инертность общества и вектор его развития

Под *инертностью* общества будем понимать социальные механизмы внутренней защиты социума, необходимые для борьбы с анархией, которые не позволяют революционно изменять структуру власти и взаимоотношения ее с обществом в один момент. Мы уже приводили пример Ливии, где в текущих условиях практически наверняка невозможно построение западной демократии. То же можно сказать об СССР во времена Сталина, когда общество не смогло бы в один момент отказаться от тоталитаризма в пользу демократии, даже если бы все плюсы второй были очевидны.

Для примера: гражданская война — это всегда следствие инертности, наличия реакционных сил (именно они олицетворяют инертность) и реформистских сил (отстаивают новый вектор развития), имеющих между собой неразрешимые противоречия. Революция (как частный факт) — разрядка принципиальных несогласий, но если рассматривать историю, то мы можем наблюдать, что построение новых идеалов идет всегда постепенно. Люди не могут в один момент отказаться от старого образа жизни.

Почему же в принципе возникает потребность в смене вектора движения? Мы полагаем, что одна из основных причин кроется в техническом прогрессе, который изменяет реалии времени, генерирует новые идеи устройства общества. Технический прогресс всегда сопряжен с развитием процесса распространения информации. Люди с каждым годом сталкиваются с возрастающим потоком данных, правдивых и ложных, полезных и нет, просто с информационным шумом. Технический прогресс фактически сближает людей, освобождает им время на исследование нравственности и формирование межличностных отношений.

Интеллигенция — понятие, имевшее негативную окраску в определенных кругах советского общества, но именно в ней зарождались новые идеи, именно ее представители были готовы потратить на размышления, а не на потребление свое свободное время. Они составляли меньшинство и имели определенные проблемы с практической частью — реализацией идей в жизнь. Они представляли либеральный вектор развития.

Те, кто находится у власти, пришел к ней, уже имея некое сложившееся мировоззрение, основанное, возможно, на несколько устаревших идеях. Государству интересна собственная стабильность, потому реакционность и консервативность в действиях политиков текущего образца абсолютно нормальны, поскольку являются естественной защитной реакцией. Никакое государство не выжило бы, не пропагандируй оно внутреннюю идеологию устройства, если бы каждая новая идея или мысль меняла строй.

Но происходит так, что в силу инертности общества и косности конкретных личностей, стоящих у власти, внедрение новых идей, генерируемых либеральным крылом, может идти заметно медленнее (все-таки мы полагаем, что диалог есть почти всегда), чем появляются новые идеи и новые технические средства, меняющие обыденную жизнь. То есть новое мироощущение становится настолько очевидным всем, что стабильность уже не удовлетворяет потребности общества, а официальная идеологическая позиция, распространяемая ангажированными СМИ, начинает вызывать отторжение у народа. Мы осмелимся утверждать, что понятие свободы с развитием общества тоже меняется, поскольку меняется трактовка общечеловеческих ценностей, само понятие блага преобразуется в соответствии с внешними условиями.

На таком этапе важно сформулировать доступно и качественно философию новой реальности. Показать, что мир и общество действительно изменились, сформировались новые потребности, которые требуют качественно других решений; необходимо преодолеть естественную консервативность власти, рассказать, что то, что раньше было свободой, является кабалой ныне.

В конце 1980-х СССР сотрясали экономические и политические проблемы. Республики стремились к суверенитету, идеология трещала по швам. Коммунизм должен был уже давно формально победить, согласно обещаниям, но происходящее вокруг не укладывалось в традиционное представление об этом типе устройства общества. Горбачев нашел в себе смелость сформулировать концепцию новой свободы, социализма с человеческим лицом (ранее это понятие ввел А. Дубчек), когда человек и власть будут ближе друг другу, чем это было до сих пор. Но пропасть между реальным положением дел и запоздало декларируемым новым вектором развития не предполагала эволюционного его изменения. Нужен был человек, который был бы готов взять на себя ответственность и решительно повести за собой людей в новом направлении.

Демократические идеалы нового времени не были приняты мгновенно в силу инертности общества, описанной выше. Неважно, сохранилась бы империя в целостности или нет, важны основы мироустройства новой формации. Действительно, социологические опросы того времени показывают, что если бы не действия путчистов, то Союз, пусть и в несколько измененной форме, с новой идеологией и моральными установками, удалось бы сохранить.

Л. Н. Гумилев писал о пассионарных людях, страсть, желание которых позволяют обществу развиваться, преодолевать застой. Пассионарий — личность всегда творческая, активная, деятельная, решительная. Идеалы нового времени, новые трактовки понятия свободы, новый режим диалога власти и общества, взаимоотношения человека с другими людьми и власти с обществом в целом предполагают готовность разрушить старое, чтобы создать новое. Да, созидание не всегда сопряжено с разрушением, но иногда деструктивная деятельность необходима.

Мы полагаем, что к концу 1980-х годов, в период гласности, появился неконтролируемый поток информации, полный новых идей и суждений. Доступ к этому потоку получило куда большее число людей, чем это было возможно ранее. Доступ к идеям дал Горбачев, это касается и непосредственного доступа к информации, и разрешения на генерацию новых субъективных интерпретаций.

Оставалось только реализовать идеи. Именно этим и занялся *Б. Н. Ельцин*, именно в этом его заслуга. Было бы наивно полагать, что все преобразования — это достижения одной личности, нет, фак-

тически это ответ сильной личности на запросы общества, которые само общество не в силах реализовать из-за естественного механизма инертности.

Может показаться, что мы отождествляем личность и идею. На самом деле это логично, потому как мы познаем внешний мир и общаемся с людьми на основании фактов взаимодействия, которые определяются идейными принципами субъекта. Сильная личность всегда руководствуется собственными принципами, а потому мы можем сквозь их призму рассматривать ее мировоззрение.

Далее на основе решений и проводимой Ельциным политики постараемся сформулировать то понимание свободы как актуальной ценности развития демократии, идеалами которой он руководствовался, понять, какими моральными критериями он оценивал свою деятельность. Мы постараемся показать, что свобода слова для него была неотъемлемой частью свободы личности, тем, без чего не существовало демократии в том понимании, к которому он стремился.

Мы рассмотрим текущее развитие событий и сопоставим вероятные идеалы нынешней власти и курс Ельцина, проанализируем, как удалось преодолеть инертность общества (и удалось ли вообще) позитивными мерами, а не методами ограничений и запретов.

Как известно, сила — последний аргумент, но когда она есть, высоки соблазны ее применить. Настоящая мудрость политика — это способность избегать простых силовых решений, готовность созидать, готовность к диалогу с народом и политический плюрализм. Новые идеалы можно отстаивать в режиме диалога, хотя проще отстаивать с позиции силы. Мы посмотрим, удалось ли Ельцину сохранить единство с народом посредством диалога, или он все дальше и дальше уходил от реальных нужд и стремлений своих соотечественников. И, конечно, удастся ли это нынешним политикам?

ГЛАВА 2. ПОЗИЦИЯ Б. Н. ЕЛЬЦИНА ПО ВОПРОСУ СВОБОДЫ СЛОВА

2.1. Необходимость реформ конца 1980-х — начала 1990-х годов

Ошибочно упрекать Б. Н. Ельцина и команду его соратников в том, что им не удалось сохранить Советский Союз. Империя была основана на страхе, на ограничениях личности, на запретах — новые ценности разрушали привычный уклад жизни, но разве так уж плохо уничтожить человеческие оковы? Известно, что некоторые осужденные, после того как проведут много лет в заточении, не представляют, что делать со своей свободой: они слишком привыкли к кандалам, чтобы осознать, что вес ограничений им мешал, определяя ежедневный распорядок дня. То же касается и событий начала 1990-х годов: люди просто не знали, как можно жить иначе, без тотального контроля и

надуманных идеологических рамок. Они мечтали о свободе, но получив ее, не знали, как ею воспользоваться. Это тот пример, когда сам процесс мечтаний гораздо важнее конечного итога.

Система рушилась сама, под тяжестью неподъемных экономических обязательств, под гнетом внутренних противоречий. Крах был лишь вопросом времени: фактически, выбор заключался в том, продлить ли агонию империи с непредсказуемыми последствиями для страны или взять процесс распада под контроль. В реакторах на атомных станциях, когда реакция запущена, ее уже нельзя остановить, энергию можно обуздать, направить в нужное русло или пустить процессы на самотек, что в конечном итоге приведет к взрыву. То же происходило в нашей стране в 1990-е.

Очевидно, никто из политических противников: ни Горбачев, ни Ельцин, ни ГКЧП — не хотел хаоса. Просто все видели ситуацию по-своему: одни верили, что процессы обратимы, другие считали, что возврат к старому невозможен, что движение вперед всегда предпочтительнее пути назад. Мы очень сомневаемся, что представители ГКЧП считали свое мировоззрение устаревшим, скорее всего, в их терминологии это же называлось «правильным» или «неправильным» путем.

Политические функционеры отделились от народа; они считали, что приручили людей, оперировали только понятием масс, забыв, что личности свойственно стремиться выделиться из толпы, что коллектив — это не безликая масса, а совокупность индивидуальностей. Они недооценили людей, предполагая, что долгое подчинение власти спустилось до уровня инстинктов.

В 1988 году Ельцин, говоря о социалистической справедливости, произнес следующее, доказывающее нашу точку зрения: «Мы духовно задавили человека. Он оказался под прессом дутых авторитетов, приказаний, непререкаемых распоряжений, бесконечного количества постановлений и т.д. Мы приучили людей к единодушию, а не к единому сердцу. Разве это справедливо?» [цит. по: Пихоя 2011, 185].

В рамках нового времени появилась потребность в свободе, в новых ценностях, в демократии. Заграница казалась настолько светлой и лучшей страной, что люди были готовы принять ценности, навязываемые оттуда. Понятно, что западная рыночная идеология потребления своим особым порядком ущемляет свободу личности, пленяя философией вещиизма, но в условиях дефицита ценностей она могла быть перенята в своем худшем виде, что называется, в отрыве от культуры потребления.

Власть потеряла легитимность, а вместе с ней декларируемые коммунистической идеологией ценности утрачивали свои позиции. Спецслужбы, популистская прорежимная агитация, несоответствие условий быта желаемым, националистические тенденции — все это создавало ощущение страха, бессмысленности и бесперспективности существо-

вания. Жесткие рамки коллективизма давили, ощущались, как стены тюрьмы, из которой невозможно выбраться, как заключение. Появилось стремление к свободе, к свободе в том смысле, что фигурировала в позициях Сахарова и Солженицына, в запрещенных литературных произведениях.

В рамках дефицита товаров народного потребления надлежащего качества сформировалась устойчивая аналогия, которую еще предстоит разрушить, между свободой вообще и свободой потребления.

Но в любом случае назрела необходимость перемен, либерализации общественного сознания. В силу инертности общества и хаотичности процесса распада можно было ожидать затруднения созидательной деятельности, требований возвращения к тотальному контролю и учету. И вправду, множественность идеологических лагерей, диаметрально противоположные позиции оппонентов затрагивали слишком много сторон, чтобы договоренности были достигнуты мирным путем.

Знаковым событием, показавшим не привычную с советских времен исключительную декларативность намерений Б. Н. Ельцина, а жесткость его позиции в вопросах свободы, стал несанкционированный митинг группы «Память». Ельцин писал об этом событии: «Поскольку в нашей реальной жизни, несмотря на Конституцию, дарующую нам многое, были разрешены всего две демонстрации — на Первое мая и Седьмое ноября, существовал испытанный и надежный способ справиться с подобным явлением. Надо было вызвать милицию, окружить демонстрантов и в последний раз потребовать разойтись. А если бы не разошлись, начать разгонять, выкручивать руки, арестовывать, и в результате все закончилось бы привычно и хорошо. Я решил действовать по-другому» [Ельцин 1990, 55].

Новый лидер, коим стал Б. Н. Ельцин, должен был показать способность договариваться в режиме диалога, а не с позиции силы. Именно в этом и состояла новая реальность: сила и навязанные ценности агрессивно отторгались активной частью общества, но по большому счету заменить их было нечем, как пишет Ельцин: «Сказал, что если вас действительно волнует судьба перестройки, страны, а не собственные амбиции, вы сами сможете справиться с экстремизмом в своих рядах. Приносите свою программу, устав, и, если вы собираетесь действовать в рамках Конституции, регистрируйтесь как общественная организация и начинайте работать. Собственно, на этом все мое общение с “Памятью” и закончилось. Такие скучные вещи, как рамки Конституции, устав и т. д., их мало интересовали» [Там же, 56].

Идеологический фундамент был разрушен, гуманистическая философия в условиях стремления к наживе приживалась довольно плохо, а потому нужно было доказывать и еще раз доказывать, что слова сильнее силы, а плюрализм сильнее единственности и непререкаемости позиции. Для разумного диалога была необходима действительная свобода

слова, без наличия которой прения могли вестись лишь изолированно, в группе властных структур, оторванных от человека и общества.

2.2. Шаги, предпринятые Б. Н. Ельциным для реализации фактической свободы слова в стране

На III внеочередном съезде народных депутатов РСФСР Б. Н. Ельцин высказывает свою позицию по вопросу свободы слова, которой, как мы показываем, последовательно в своих действиях придерживается далее, следуя высказанному принципу: «Необходимо выполнение следующих политических условий... Создание условий для реализации конституционного права граждан на достоверную информацию, обеспечение независимости средств массовой информации» [цит. по: Пихоя 2011, 247].

СМИ делают информацию доступной широкому кругу лиц. Мы допускаем, что, потратив значительные усилия, можно добыть любую информацию о любом событии, хотя бы даже напрямую, опросив свидетелей. Но подобный поиск делает информацию слишком дорогостоящей, слишком трудозатратной, именно им должны заниматься в силу своих профессиональных обязанностей журналисты. В первой главе мы определили, что любая ипостась свободы слова состоит из свободы доступа и свободы интерпретации при наличии спроса на вариант субъективной интерпретации событий или явлений.

Несомненно, СМИ являются одним из самых важных рычагов пропаганды. Заметим, что создание образа политика зависит от того, как он позиционирует себя на публике, как реагирует на его действия и слова пресса. Здесь мы употребляем понятие пропаганды в позитивном контексте, полагая, что действия, направленные во благо, играют за политика, а имеющие негативные результаты — против.

В 1990—1993 годах развернулась борьба за право создания независимой и неподконтрольной прессы. Было принято решение о создании ВГТРК, но длительное время не выделялись нужные для вещания частоты. ВГТРК должна была стать компанией, независимой от Кремля, вестником новой страны. На самом деле ясно, что при отсутствии цензуры ее позиция была бы выгодна Б. Н. Ельцину, поскольку именно ему компания обязана снятием запретов на правду, потому что именно он дал свободу интерпретации. Компания не находилась под контролем, имела право на свободу, но условия создания и обстановка сформировали ее позицию по вопросам политики, проводимой в государстве.

Важно понимать, что свобода слова — это не разрешение на клевету, не возможность поливать грязью все то, что не нравится конкретному человеку, а в первую очередь возможность высказаться по интересующему вопросу, представить свою позицию, пусть даже она однобока и сформирована под чьим-либо влиянием. Предположим, что при СССР

полки магазинов были бы заполнены разнообразными качественными товарами и действительно ударными темпами строился бы социализм. Были ли бы тогда речи дикторов интерпретируемы сейчас нами, как популистские? Разумеется, нет, ведь тогда официальная позиция совпадала бы с реальной позицией журналистов.

При желании любой факт можно интерпретировать двояко: можно сказать, что Ельцину важна была свобода слова как актуальная ценность демократии, но одновременно можно заявить, что фактически отпущенные на волю СМИ автоматически занимали бы позицию того, кто им эту свободу даровал, и были бы не свободны от эмоций. Но так ли важны причины в данном случае? Именно здесь мы считаем важными последствия, сам процесс, инициализированный Ельциным, который не мог не понимать, что когда он и его соратники станут доминирующей силой в стране, найдутся недовольные, которые используют освобожденный им инструмент против него. Кратковременное освобождение прессы с целью освещения действий оппозиции, пока сам находишься в оппозиции, и последующее закручивание гаек — это рискованное и чисто тактическое временное решение. Дальнейшие действия показали, что Б. Н. Ельцин понимал ситуацию стратегически мудро, стремился не к власти, а к идее свободного общества, которое может не только высказывать произвольные мнения и суждения, но и отвечать за свои слова.

В июне 1990 года был принят первый закон, ознаменовавший начало пути к независимым СМИ — «О печати и других средствах массовой информации» [Закон СССР 1990]. В нем было объявлено о ликвидации цензуры, разрешалась частная собственность в области печати и независимость редакторов и журналистов от собственников. Последний пункт даже сейчас выглядит идиллией, поскольку очень сложно представить отсутствие влияния владельца на персонал компании, работающей вообще в любой сфере, но первые два были поистине революционными для того времени.

Во время августовского путча страна стояла на пороге гражданской войны, раздираемая группировками, отстаивающими свои корыстные властные или денежные интересы — главной задачей лидера нового времени было предотвратить войну в рамках декларируемых им идеалов. Но в случае силового решения многих проблем, которое было очевидным выходом с непредсказуемыми последствиями, *идеалы свободы* становились бы профанацией. Важно было сохранить понятие достоинства, в хаосе мира посеять семена чести и толерантности, которое могло бы после взрасти на руинах Империи.

Многие были готовы разрушить любое начинание, чтобы мародерствовать на развалинах былой славы страны; им были не важны идеалы свободы: они стремились извратить вновь сформулированную доктрину справедливости. Для них безусловным успехом было бы публичное

проявление жестокости или цензуры со стороны Ельцина. Тогда в их руках появился бы сильный козырь: ведь очень непоследовательно и недалековидно, когда слова расходятся с делом.

В конце 1991 года был принят второй значимый закон — «О средствах массовой информации» [Федеральный закон 1991], который закрепляет нормы свободы слова.

Показательны процессы, происходившие с газетой «Известия», в те времена являвшейся значимым изданием, к позиции которого прислушивались. Верховный Совет хотел получить влияние на газету, но журналисты обратились к Ельцину, ища защиты. Борис Николаевич мог бы потребовать взамен освещения его действий в выгодном ракурсе, но его моральные качества не позволяли прибегнуть к этой низкой форме манипуляции, хотя на эмоциональном уровне он мог рассчитывать на поддержку.

В 1992–1993 годах развернулась борьба между Президентом и законодательной властью по поводу несколько показного предоставления свобод СМИ. Свобода была популярной идеей, и желание использовать ее как лозунг, играть словами и спекулировать фактами было как никогда велико. Информация становилась ценностью нового мира, и, как за любую ценность, за нее развернулась борьба.

Различие между спекуляцией идеями и приверженностью идеям не так внешне заметно, как хотелось бы. Публичные выступления готовятся заранее, и мы не можем различить истинную веру в идею и показной запал на объективном уровне. Как и любая вера, вера в идеалы воспринимается исключительно на эмоциональном уровне, который, не будем лукавить, тоже поддается манипуляциям.

Те или иные позиции и обещания можно оценивать в ретроспективе по делам политиков и их результатам. Правда, какая разница, что за мотивы двигали Ельциным, если в конце концов все его действия привели к появлению свободных СМИ, реальной свободы слова. Мы никогда не можем со стопроцентной гарантией утверждать, о чем он думал, но мы можем сказать, что все действия, которые мы можем оценить, говорят о том, что свобода воспринималась им не как абстрактное средство в гонке за властью, а как цель, не как метод, а как итог.

Основная задача демократии — гарантировать прописанные в Конституции ценности, поэтому, безусловно, главнейшим шагом в направлении становления свободного общества стало принятие новой Конституции. Если до этого шага нужно было преодолеть косность системы, привычку СМИ говорить шаблонным популистским языком, освободить прессу от государственного влияния, то теперь стоило обеспечить фундамент для выполнения заявленных прав, их реальность, а не бумажную эфемерность. Статья 29 Конституции базировалась на международном опыте, она вобрала в себя то лучшее, что удалось разработать ранее демократическим режимам. Мы полагаем, что за-

имствование на этом этапе уже отработанной и действенной формы с адаптацией под наши условия было лучшим выходом.

Никакое государство не может существовать независимо от других: глобализация пронизала мир насквозь, мы не способны жить в изоляции, поэтому вторым этапом стала передача СМИ в частные руки и создание Судебной палаты по информационным спорам. Если первый пункт понятен: в новой стране на этапе приватизации появилось множество лагерей, которые хотели официально обозначить свою позицию по тому или иному вопросу, которые хотели получить свою трибуну для провозглашения собственных идей, то второй требует пояснения.

Прошел тот этап, когда свобода ассоциировалась со вседозволенностью, назрела необходимость создания контролирующего органа, который в рамках Конституции и законодательства регулировал бы распространение информации. Ограничение — это часть свободы, что не имеет рамок — не может быть ценным.

Заметим еще, что необходимым орудием в справедливой политике является обратная связь — получение реакции от народа на те или иные действия властей. Для получения необходимой информации о консолидированной позиции общества необходима свобода слова, иначе ни о какой обратной связи речи идти не может: мы получим искаженный (возможно) пересказ собственной позиции.

Испытание позиция Ельцина должна была выдержать в 1995–1996 годах, когда переизбрание на второй срок создавало массу искусов и возможностей выйти за рамки правовых решений. Акцент делался на показе мнения простых людей, на эмоциях, на личности президента. Лозунг «Выбирай сердцем» отражал позицию Б. Н. Ельцина по отношению к простым гражданам. Он не предлагал им оценить проделанную работу с точки зрения формальных критериев, поскольку за относительно короткий период его деятельности у власти обыденная действительность изменилась настолько, что качественные параметры оценки результата просто не могли еще выработаться.

Люди должны были подтвердить правильность обозначенного курса, сказать, готовы ли они отказаться от старого и привычного порядка в пользу новых свобод. Ставка делалась не на тех, кто потерял фундамент и искал стабильности, которую олицетворяли старые идеологические истины, ставка делалась на тех, кто хотел реализовать свой потенциал, кто воспринял появление свободы как приглашение к самореализации, кто был готов ценить и использовать шанс на самореализацию, а не ждал милости от режима и не ассоциировал свой путь с тотальным контролем.

Ельцин пишет в своих воспоминаниях: «В предвыборном штабе шли встречи со всеми влиятельными группами общества. Хотите выжить? Помогайте. Хотите продолжать заниматься банковской деятельностью? Помогайте. Хотите иметь свободу слова, частные телекана-

лы? Помогайте. Хотите свободу творчества, свободу от цензуры и от красной идеологии в культуре? Помогайте. Хотите заниматься своим шоу-бизнесом? Помогайте» [Ельцин 2000, 46]. Здесь еще более заметны акценты на новое понимание свободы, в котором человеку отведена значительная роль. Свобода — это не жизнь по шаблону и действия в его рамках, а наличие альтернатив. В новой действительности человек должен был сам действовать, сам решать и сам отвечать за свои поступки в рамках собственной морали.

Казалось бы, в чем здесь выбор, в чем минусы общества с большей свободой личности, когда многое позволено и допустимо? Именно в появлении индивидуальной ответственности. Выборы были испытанием для людей, тем индикатором, который бы показал, что общество эволюционировало на новый этап развития, на котором свобода выбора является не меньшей ценностью, чем право обладания.

Последний этап — с 1996 по 1999 год — ознаменовался прежде всего закреплением существовавшего курса власти. Активное законотворчество в сфере свободы слова уже потеряло свою необходимость, вносились лишь корректировки. Эти годы были куда более спокойным временем, когда СМИ уже осознали свой правовой статус и рамки возможного, когда посягательства на свободу стали смотреться куда более дико, чем раньше. К хорошему быстро привыкаешь, потому свобода слова стала восприниматься как само собой разумеющийся факт. СМИ не боялись цензуры, не боялись внезапного внешнего влияния, получили возможность работать без значительных ограничений на доступ к информации. Потребность в свободе в демократическом контексте стала необходимой, сформировалась у большинства людей, попытки отобрать ее встретили бы активное сопротивление. Именно в этом и заключается основное достижение политики Б. Н. Ельцина по отношению к свободе слова.

2.3. Свобода слова с точки зрения СМИ

Разумно рассмотреть позицию самих журналистов. Действительно, законы о свободе слова остаются лишь набором слов на бумаге, если практически они не реализуются, если ситуации де-юре и де-факто не имеют между собой ничего общего. Чтобы показать, что все вышеперечисленные меры были эффективны, нужно продемонстрировать позицию противоположного лагеря — СМИ.

«Свободные средства массовой информации — это одна из основ свободной цивилизованной страны. Я ни на секунду не жалею, что мы уничтожили цензуру» [цит. по: Пихоя 2011, 405], — говорил Ельцин. Мы покажем, что этой же позиции придерживалась другая заинтересованная сторона, журналисты.

Как мы уже отмечали, значительная часть общества испытывала потребность в старых идеалах, а потому в условиях свободы слова обязаны

были возникнуть СМИ, удовлетворявшие подобный спрос. Появилось множество телевизионных программ, в которых демонстрировали антипрезидентские сюжеты. Такими были, например, сатирическая передача «Куклы» и информационная «600 секунд».

Многие не понимали, как возможна такая мягкая реакция на недопустимые ранее высказывания. Так, М. Захаров говорил: «Над Ельциным смеялись, издевались, рассказывали неприятные, подчас оскорбительные истории, но он молчал, и все было разрешено. Иногда это удивляло. Мы говорили, не от большого ума, конечно, что остались совсем без идеологии, но он на это говорил: что же нам теперь, министерство пропаганды Гебеля организовать? Потом я понял, что это было правильно» [цит. по: Свобода слова для Ельцина 2007]. Тут мы отметим, что отсутствие идеологической пропаганды не предполагает отсутствия собственно идеологии, поскольку некоторым убеждениям, например таким, как принципы свободы при Ельцине, вредны и противоречат агрессивные манипуляции общественным мнением.

По мнению А. Венедиктова, взаимоотношения прессы и Президента были идеальными, он смог припомнить лишь один случай, который можно было назвать цензурой, а именно запрет в 1993 году коммунистической прессы, в которой фактически звучали призывы к физическому уничтожению Президента [Венедиктов 2011]. Мы уже писали о разумных ограничениях свободы слова — о той границе, за которой заканчивается свобода и начинается хаос. Стремление к хаосу — это часть неокрепшего сознания индивида, не осознающего ответственность за собственные действия, потому что ограничительные меры применимы еще и для того, чтобы очертить грань между дозволенным и неприличным, между злом и благом. Отметим, что буквально через месяц после встречи с представителями СМИ, прояснения взаимных позиций в режиме диалога данный запрет был снят.

«Время работы Бориса Николаевича мы воспринимали как абсолютное время свободы. Это лекало, которое надо восстанавливать» [Там же], — считает А. Венедиктов, сейчас находящийся в оппозиции по отношению к власти.

Нелицеприятные мнения — это признак недовольства политикой, которое имеет фактические причины. Да, корень может крыться в индивидуальных проблемах человека, но если затруднения носят общий характер, то как о них узнать в условиях, когда СМИ несвободны в своем мнении? Зачастую важен не сам факт лжи или клеветы в прессе, а причины, вызвавшие подобные высказывания.

«И что бы о нем ни говорили СМИ, а в словах было много откровенной лжи, он ничего не сделал для того, чтобы пресечь поток откровенной клеветы. Последовательная линия защиты свободы слова для него была принципиальна» [Свобода слова для Ельцина 2007], — считал Егор Гайдар, а мы скажем, что смирение — это не то качество, ко-

торое он стремился описать, этого не было в характере Ельцина. Объем лжи — это своеобразный барометр качества деятельности политика, важно, чтобы политик был открыт для внешнего мира, для критики, в которой практически всегда присутствует справедливое зерно. Конечно, элементарная зависть или стремление к власти могли порождать негатив, но в локальном масштабе эти чувства не свойственны обществу в целом.

Было бы по меньшей мере необъективно рассматривать только одну точку зрения по нашей проблеме. Например, П. Вошанов считал, говоря о Б. Н. Ельцине и его сторонниках в связи с приостановлением вещания передачи «Красный квадрат» и выпуска «Российской газеты»: «Этому режиму не нужна свободная пресса» [Балашов 1993]. В действительности мы не можем сказать, откуда исходила инициатива этих решений, но в силу того, что никакие факты не говорят о том, что вина лежит на ком-то из команды Ельцина или на нем самом, это дает нам основание повнимательнее приглядеться к личности автора этих слов, а именно к его бывшей должности — пресс-секретарь Б. Н. Ельцина — и вспомнить об эмоциях в общем и возможной обиде в частности.

Публицист Константин Крылов в 2007 году заявил: «При Ельцине цензура и пропаганда действовали не хуже, а куда лучше нынешних. Просто они были временно переданы в частные руки» [Крылов 2007]. Это заявление можно назвать действительно странным, поскольку частное мнение реально могло и, вообще говоря, имело объективные причины совпадать с позицией действующей власти, мы уже обосновывали это мнение ранее.

С внешней точки зрения, со стороны все выглядело совсем не так. Wall Street Journal и Washington Post писали, что период президентства Ельцина был эпохой свободы слова и характеризовался отсутствием цензуры.

2.4. Возможно ли уничтожить наследие Ельцина?

Манипуляция информацией — очень хитрая наука в современном мире: так получилось, что мир поменялся, а методы нет. Прошедшие выборы в Государственную думу и события после них дали понять, что возврат к позициям, когда личные свободы ничего не значили, если и возможен, то должен происходить настолько тонко и постепенно, что его точно не смогут проделать те, кто находится сейчас у власти. Мы допускаем, что можно очень медленно и аккуратно перекрывать воздух оппозиции, незаметно душить частную инициативу и запугивать нужных людей. Но происходить это будет до тех пор, пока за этим не будет вычислена стратегия.

Так получается, что все более значительную роль в поиске информации играет Интернет, структура самодостаточная, взять под контроль которую будет невероятно сложно. Вообще логично: в сети мы можем

получить сведения непосредственно, узнать мнение не от фактически обезличенного диктора с федерального канала, а непосредственно от участников или знакомых. Техническое блокирование канала возможно, но маловероятно, учитывая число активных пользователей. Чтобы уничтожить свободу слова в Интернете, нужны значительные ресурсы и очень тонкая стратегия, потому что веб-сообщество устроено таким образом, что будет отвергать всякие ограничения на общение естественным образом. Мы полагаем, что совсем мелкие сдерживающие механизмы могут прижиться и впоследствии выстроить целую машину цензуры, если контуры этой машины не будут обнаружены заранее, но думаем, что построение займет слишком много времени, а основные задачи власти простираются на короткую перспективу.

Мы не будем рассуждать о митингах, о позициях сторон, о методах и правде — неважно, на чьей она стороне, — это очень опосредованно относится к нашему основному вопросу. Мы лишь отметим, что сейчас можно наблюдать гражданскую активность населения, которая показывает нежелание людей вернуться к старому порядку.

Основное достижение Б. Н. Ельцина, которое мы можем сейчас реально увидеть — это воспитание потребности в свободе в целом и свободе слова в частности. Именно эта потребность вывела людей на улицы, именно она говорит о том, что перестроилось сознание, ценностями стали не только физические вещи, но и моральные основы.

Остался маленький шаг, который, как показывает практика, сделать очень и очень тяжело. На примере 1990-х мы видим, что смелость и напор, последовательность и решительность — это вещи не менее важные, чем абстрактные идеи. Теория — вещь замечательная, но без практики абсолютно бесполезная. Пока люди выходят на улицы с лозунгами: «Верните наши голоса!» — ничего не изменится. Замечательно, что они осознали ценность своего выбора — теперь нужно научиться самостоятельно отстаивать ее, защищать от посягательств. Надо понять, что они вышли на митинг не затем, чтобы им вернули голоса, а затем, чтобы их вернуть.

В отстаивании идеалов следует идти до конца в рамках законности. Если люди возмущены несправедливыми, с их точки зрения, результатами выборов, то почему же явка была относительно низкой (наиболее сознательными и политически зрелыми оказались регионы Кавказа — вот уж где явка оказалась необычайно высокой. Вероятно, сознательные сотрудники УИК провели разъяснительную работу с населением, и именно их активности мы обязаны такими результатами), а количество наблюдателей таким небольшим?

Ельцина можно обвинять в чем угодно, но даже самые ярые его противники не могут поставить первому Президенту в упрек слабохарактерность, нерешительность и непоследовательность. Так давайте будем учиться на опыте истории: если хочется что-то менять (в любую сторону) нужно прилагать к этому усилия, а не ждать, чтобы кто-то сделал

это за тебя. Свобода слова и свобода выбора взаимосвязаны, так зачем их вообще отстаивать, если все равно не пользоваться ими?

Мы полагаем, что большинство все-таки ориентируется в ситуации, представляет, что модернизация в стране идет нанотемпами, а переименование структуры не затрагивает ее суть. Мы думаем, что многие ценят свободу, но ценить — это еще не все, нужно уметь бороться и защищать свои права. В обществе должна сформироваться не безучастная пассивная, а активная позиция, ведь последний шаг от гипертрофированного коллективизма к разумному индивидуализму — это понимание личной ответственности за свою свободу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сейчас стоим перед выбором — вернуться к старым ограничениям, отказаться от части свобод в пользу стабильности или принять полную ответственность за свои решения на себя. Этот выбор ценен, и какое бы решение в итоге ни было принято, по какому бы мы ни пошли пути — дальнейшей либерализации или сокращения свобод — сам шанс, сама возможность выбирать является следствием политики Б. Н. Ельцина в 1990-х годах. Он создал все условия, чтобы мы могли сами решать, — теперь нужно ответить, готовы ли мы к самостоятельности или по-прежнему желаем, чтобы нами беспрекословно управляли, готово ли общество к осознанию того, что не только власть должна отвечать перед ним за свои поступки, но и оно перед властью.

Мы видим альтернативы, каждый видит их по-своему: один считает стабильность реакционным направлением, другой — либерализацию — путем к анархии. Б. Н. Ельцин ценил свободу, свободу выбора, и даже если выбор общества будет противоположным его стремлениям, то в истинном понимании он будет свободным. Людям показали варианты, теперь время решать.

Опасно, что решение может спровоцировать раскол в обществе, а в этот раз нет оснований полагать, что власть откажется от силовых методов контроля. Тогда произойдет формальная потеря легитимности режима, что приведет к непредсказуемым последствиям.

У каждого политика — свой курс, свое понимание ситуации; вовсе неправильно представлять, что Путин желает отобрать свободу, вероятно, его понимание свободы просто несколько отличается от либерального.

Пока существует возможность диалога, народ должен продемонстрировать волю, силу, но не физическую, а моральную, должен оформить свою потребность в свободе слова не на словах, а на деле. Уроки 1990-х говорят нам, что все зависит от человека.

Возможно, образовался некоторый перекосяк: меньшинство имеет правильные идеи, но действует слишком индивидуально — большин-

ство имеет потребности, но не желает оформить их в действие. Мы имеем, с одной стороны, бездеятельный коллективизм, а с другой — деятельный индивидуализм, хотя настоящее гражданское общество должно строиться на деятельном коллективизме.

Ельцин сумел донести свои идеи до общества, но усвоены они были не всеми, а иногда поверхностно. Желание взять пока превышает желание что-то дать, а потребность что-то дать и вовсе встречается редко. И очень хорошо, что наступает кризис в политической ситуации, когда новые идеи могут быть опробованы на практике. Тепличные условия — это не то, что нужно: спокойное существование ведет к самоуспокоенности, для эволюции общества нужны потрясения.

Чтобы потрясение не превратилось в катастрофу, нужен трезвомыслящий и решительный человек, готовый обуздать процессы и двигаться к своей идее. Два раза в одну реку войти невозможно: слишком все изменилось, слишком сладка та свобода, которую дал почувствовать Ельцин, мы не вернемся к СССР. Осталось это осознать и двигаться вперед.

Б. Н. Ельцин вспоминал, что передавая правление Путину, он сказал: «Берегите... Берегите Россию» [Ельцин 2000, 24]. И мы должны осознать, что эта фраза предназначена не Путину, а всем нам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балашов 1993 — Балашов А. В России появились запретные темы. Журналисты о цензуре // Газета «Коммерсантъ», №186 (409) / Ежедневная общенациональная деловая газета // ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом» [Электронный ресурс]. — М., 1993. — 29 сент. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/60792>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
2. Венедиктов 2011 — Венедиктов А. Свобода прессы была для Ельцина важнее личной безопасности // Сетевое издание «РИА Новости» [Электронный ресурс]. — М., 2011. — 2 февр. — Режим доступа: <http://ria.ru/society/20110202/329398199.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
3. Ельцин 1990 — Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. — М.: Советско-британская творческая ассоциация «Огонек» — «Вариант», 1990. — 120 с.
4. Ельцин 1994 — Ельцин Б. Н. Записки Президента. — М.: «Огонек», 1994. — 234 с.
5. Ельцин 2000 — Ельцин Б. Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. — М.: АСТ, 2000. — 601 с.
6. Закон СССР 1990 — Закон СССР от 12 июня 1990 «О печати и других средствах массовой информации» // Правовые акты СССР // zaki.ru Законы и право [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1709>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
7. Конституция 1993 — Конституция и государственная символика Российской Федерации. — М.: Изд-во Эксмо, 2006, — 64 с.
8. Крылов 2007 — Крылов К. Исполнитель. Несколько слов о Борисе Ельцине // Правый взгляд: Вестник Русского имперского движения [Электронный ресурс]. — СПб., май 2007. — Режим доступа: <http://www.rusimperia.com/newspaper/37.htm>,

свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

9. Пихоя 2011 — Пихоя Р. Г. Человек перемен. Исследование политической биографии Б. Н. Ельцина. — М.: Новый хронограф, 2011. — 540 с., ил.

10. Понятие «свобода» 2011 — Понятие «свобода» в известных словарях // Проект политософского словаря // Школа политософии «Достоинство» [Электронный ресурс]. — М., 2011. — Режим доступа: <http://politosophy.ru/glossary/svoboda/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

11. Пушкин 1823 — Пушкин А.С. Свободы сеятель пустынный // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v02/d02-145-.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

12. Свобода в политософском измерении 2011 — Свобода в политософском измерении // Школа политософии «Достоинство» [Электронный ресурс]. — М., 2011. — Режим доступа: http://politosophy.ru/about_politosophy/svoboda_v_politosofskom_izmerenii/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

13. Свобода слова для Ельцина 2007 — Свобода слова для Ельцина была принципиальна: Егор Гайдар // Информационное агентство Regnum [Электронный ресурс]. — М., 2007. — 24 апр. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/818133.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

14. Федеральный закон 1991 — Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «Закон о средствах массовой информации» // Российская газета: Документы [Электронный ресурс]. — М., 2007. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

Причины провала проекта конституционного правосудия в постсоветской России

За исключением двух кратких периодов в самом начале и в самом конце своей истории, Советский Союз не знал конституционного правосудия. Согласно союзной конституции 1924 года функции конституционного контроля исполнял Верховный суд, который «по требованию Центрального Исполнительного Комитета» проверял «законность тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции» [Конституция СССР 1924]. Учитывая то, что процедура такой проверки запускалась ЦИК, Верховный суд фактически оказывался при нем совещательным органом, то есть имевшаяся у него власть конституционного контроля была небольшой. Но даже этой небольшой власти он лишился после 1929 года, взамен получив более обширные (но не относящиеся к конституционному контролю) полномочия апелляционной инстанции по отношению ко всем судам низшего уровня [Solomon 2010, 129]. В конце 1980-х годов, уже на излете перестройки, эксперимент повторили, только на этот раз функции совещательного конституционного правосудия поручили специальному Комитету конституционного надзора [Пашин 2011, 11]. Единственным отличием от проекта, реализованного в 1920-е годы, стало то, что Комитет мог проверять конституционность законов по собственной инициативе, не дожидаясь запроса со стороны Съезда народных депутатов [Закон СССР 1989, И-Р]. Комитет просуществовал два года, начав деятельность в 1990 году и прекратив свое существование с распадом Советского Союза. Таким образом, на все советское время выпало всего семь лет, когда деятельность законодательной и исполнительной властей хоть как-то контролировалась властью судебной.

По сравнению с советским опытом, опыт конституционного правосудия в новом российском государстве представляет собой прямо противоположную ситуацию. Российский Конституционный суд начал свою деятельность в 1992 году и действовал с тех пор с единственным

перерывом на полтора года в 1993–1994 годах. Более того, даже после принятия в 1994 году нового Закона о Конституционном суде, значительно ослабившего его позиции, юрисдикция суда осталась весьма обширной (Вьелен Отман весьма наглядно помещает российский случай в кросснациональную сравнительную перспективу [см. Autheman 2004, 22, II-P]). Однако, как следует из названия данной статьи, автор этих строк скорее склонен считать, что проект провалился или, по крайней мере, переживает упадок.

Несмотря на то что многие наверняка согласились бы с этим грустным выводом, обосновать его через отсылки к литературе оказывается довольно непросто по нескольким причинам.

Первая состоит в том, что над исследователями, занимающимися российским Конституционным судом, очевидно, довлеют воспоминания о событиях конца 1993 года, когда велик был риск того, что суд и вовсе закроют. Отчетливей всего эта позиция выражается замечанием Мари-Элизабет Бодуэн о том, что одним из показателей, «выдающих силу Конституционного суда, является то, что он еще существует» [Baudoin 2006, 681].

Теоретически для оценки успехов российского конституционного правосудия можно выбрать и другой – кросснациональный – контекст, и с этим связана вторая причина, почему российский Конституционный суд получает одобрительные оценки исследователей: контекст постсоветских конституционных судов скорее указывает на то, что российский случай не так плох (скажем, статья о Конституционном суде Украины может называться «Политика выживания» [Wolczuk 2002]). Эти две причины, по которым можно быть снисходительным к российскому Конституционному суду, удобно объединяет в одной формулировке давно и пристально наблюдающий за российской судебной системой Питер Соломон. Так, в 2008 году он высказался в том духе, что «если оставить в стороне его политическую тактичность, то в целом достижения российского Конституционного суда вызывают восхищение, особенно в свете обстоятельств, в которых он вынужден работать. Конституционный суд Российской Федерации справляется со своей задачей куда лучше, чем аналогичные органы в большинстве постсоветских стран» [Solomon 2008, 279].

Третья причина, почему о Конституционном суде принято говорить скорее хорошо, состоит в том, что в начале 2000-х годов некоторые исследователи (и это касается авторов, пишущих не только о суде, но и о России в целом) стали испытывать определенный оптимизм, связанный с реформами, проводившимися в то время Владимиром Путиным. Так, тот же Питер Соломон написал в 2002 году статью под названием «Судебная реформа Путина: Сделать судей ответственными и независимыми», где дал путинской судебной реформе такую характеристику: «В целом реформы 2001 года представляют собой замечательный во-

тум доверия судам и их будущему становлению со стороны политического руководства» [см.: Соломон 2002]. Научная литература довольно инерционна, но даже в изданной сравнительно недавно монографии Алексея Трошева, которую следует признать наиболее полным из написанных на сегодняшний день исследований российского конституционного правосудия, акценты расставлены так же. Так, в какой-то момент Трошев задается удивительным вопросом, «почему в менее демократичной путинской России Конституционный суд стал сильнее, чем был в более демократичной ельцинской?» [Trochev 2008, 120].

На самом деле никакой загадки тут нет, а дело в том, что в менее демократичной путинской России Конституционный суд не стал сильнее, а ослабился. Мы можем наблюдать это в объективной реальности, данной нам в ощущении, то есть непосредственно в юриспруденции Конституционного суда, которая со временем становится все более сервильной по отношению к властям (показательным является дело Лашманкина, Шадрина и Шимоволоса 2009 года, по которому суд определил, что обширная дискреция властей в запрете митингов, вызванная расплывчатыми формулировками соответствующего федерального закона, не противоречит положениям Конституции о свободе собраний [Определение 2009]). Явно плохим признаком является и очевидная склонность суда к самоцензуре, ярким проявлением которой стал скандал, развернувшийся вокруг судей Кононова и Ярославцева в конце 2009 года. Сначала за публичную критику положений дел в суде специально созданным по этому случаю пленумом был сделан выговор Владимиру Ярославцеву. Затем коллеги предложили написать заявление об уходе Анатолию Кононову, выступившему в прессе с обличением этой «публичной порки» [Пушкарская 2009]. Обозреватели журнала «Коммерсантъ-Власть» в этой связи заключили, что Конституционный суд «окончательно встроился в вертикаль власти» [Пушкарская, Камышев 2009, 26], а это в свете некоторых других нововведений (например, введения назначения главы Конституционного суда президентом взамен практиковавшихся до того выборов председателя членами Суда [Госдума 2009, И-Р]) кажется довольно точной характеристикой того, что произошло с Конституционным судом к концу нулевых.

Эти доводы, впрочем, носят случайный характер. Наглядной и, что важно, более систематичной демонстрацией динамики в Конституционном суде начиная с 1992 года и заканчивая сегодняшним днем является изменение показателей, связанных с вынесением судьями особых мнений, — практики, к которой прибегают отдельные судьи, чтобы продемонстрировать собственное несогласие с позицией, занятой остальным судом.

Я собрал данные по особым мнениям для всех судей. Пики активности пришлось на 1995, 1998 и 2005 годы, а провалы — на 1994-й (когда суд был закрыт) и 2008-й (когда суд переезжал в Петербург): в эти годы

у судей не было либо поводов заявлять особые мнения, либо времени заниматься их написанием. В остальном же картина кажется довольно смешанной.

Некоторая ясность, впрочем, появляется, если посмотреть на особые мнения отдельных судей. При этом становится ясно, что пики 1995 и 1998 годов качественно отличаются от пика в 2005 году. В первых двух случаях количество заявленных особых мнений распределено между отдельными судьями более или менее равномерно (что видно по «плотности» столбиков на графике в эти годы), в то время как рекорд, поставленный судьями в 2005 году, является в основном заслугой судей Кононова, Гаджиева и Ярославцева. Более того, подобная же разница прослеживается между девяностыми и двухтысячными годами в целом: если в 1990-е годы активность судей была распределена между ними более «демократично», то в 2000-х мы наблюдаем расслоение между судьями, которые высказывают очень много особых мнений, и судьями, не высказывающими их вообще.

Это наблюдение наталкивает нас на мысль о том, что в действительности в 1990-х и в 2000-х основная масса судей ведет себя по-разному. Чтобы показать это, я рассчитал для каждого отдельного судьи (за всю историю Конституционного суда их было 32) своеобразный рейтинг активности, который рассчитывается как среднее число особых мнений, подаваемых конкретным судьей в год, и после этого посчитал средний рейтинг состава суда за каждый отдельный год, чтобы определить, как меняется поведение судей со временем и приходят ли на место более активных судей менее активные.

Судьи, которые назначались после 1994 года, были, как правило, менее активны, чем их предшественники. Вброс новых судей в 1994 году привел к единовременному спаду активности суда до отметки в 0,65 особых мнений на судью в год. Активность суда держалась на этом уровне до начала 2000-х годов, когда стали уходить в отставку по возрасту судьи, назначенные еще в 1991 году, и стала стремительно снижаться с назначением судей «путинского» и «медведевского» призыва. Состав суда, работающий сегодня, в два раза «ленивей» того, который работал во второй половине 1990-х годов, и почти в три раза «ленивей» первого набора.

Представляется, что этот анализ достаточно убедительно показывает, что ощущение, будто на сегодняшний день конституционное правосудие в России находится в упадке, соответствует действительности. Действительно, до определенного времени сигналов об этом не поступало: суд оставался достаточно закрытой системой, сообщающейся с реальностью только за счет собственной юриспруденции. Юриспруденция же оценивалась исследователями как в меру (и ожидаемо) осторожная, но и только. Со временем, однако, стало ясно, что повреждено что-то в самом механизме функционирования конституционного правосудия,

во внутренней механике суда. И сегодня тот же Питер Соломон, до какого-то момента считавший, что с российским судом все в порядке, уже предлагает изучать неформальные практики, которые авторитарная власть «использует для поддержания контроля над отправлением правосудия, когда ей это нужно» [Solomon 2010, 351].

В данной работе я предлагаю остановиться на причинах этого упадка, однако, учитывая обширность темы, освещу только события 1991–1993 годов. Именно этот период выбран по двум причинам: во-первых, его можно проанализировать, не обращаясь к предыстории (потому что таковой, если оставить за скобками деятельность Комитета конституционного надзора СССР, не было); и, во-вторых, этот период можно рассматривать как задающий траекторию на будущее и в этой связи более важный. На 1991–1993 годы пришлось сразу два поворотных момента (то, что в литературе по новому историческому институционализму называют *«critical juncture»*): это назначение судей, которые находились в составе суда в течение всех 1990-х (а некоторые работают до сих пор), и формирование отношения элит к Конституционному суду как институту, повлиявшее на его реформу в 1994 году.

Период с 1991 по 1993 год интересен и сам по себе, так как представляет собой завершённую историю становления, развития и крушения первого российского проекта конституционного правосудия. В данной статье я анализирую именно эту историю. В первом параграфе я формулирую некоторые теоретические ожидания, исследую, какие предпосылки располагают к тому или иному сценарию становления конституционного правосудия. Во втором параграфе я рассматриваю то, как эти предпосылки работали (или не работали) в российском случае и почему они работали именно так, а не иначе. В заключение я еще раз возвращаюсь к вопросу о том, какое наследие оставил первый Конституционный суд.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Первый российский Конституционный суд возник согласно закону «О Конституционном суде РСФСР» от 12 июля 1991 года в государственном устройстве тогда еще Советской России. Это был орган, выведенный за рамки судебной власти и процедурой назначения судей привязанный непосредственно к Съезду народных депутатов. При этом он был наделен довольно обширными полномочиями в том, что касается пересмотра «законодательства РСФСР и республик в составе РСФСР, а также практики применения законодательства РСФСР» [Закон РСФСР 1991, 1017]. По формальным признакам первый российский Конституционный суд, таким образом, был органом так называемой «австрийской» модели (то есть такой модели, где конституционное правосудие осуществляется специально созданным и выведенным за

рамки судебной ветви власти органом, в отличие от «американской» модели, где конституционное правосудие осуществляют обыкновенные суды любой инстанции [см. Stone Sweet 2003, 2766–2767]).

В контексте других стран Восточной Европы, где также повсеместно учреждались «австрийские» конституционные суды, это, конечно, является правилом, а не исключением. Однако несмотря на такое единообразие на «входе», никакого единообразия на «выходе» не получилось, и траектории конституционных судов на постсоциалистическом пространстве были весьма различны.

Вероятно, такое расхождение связано с тем, что, склоняясь к одной и той же модели судебного пересмотра законодательства, политические элиты в разных странах ставили перед конституционными судами разные цели. В таком случае, чтобы понять, каким образом институциональное устройство определило будущую деятельность Конституционного суда, помимо собственно модели пересмотра, выбранной элитами, следует учитывать те цели, которые элиты преследуют, создавая орган, действия которого, очевидно, будут направлены на ограничение их власти. То есть говорить нужно не столько о результате — в данном случае о том, что выбор элит падает на «австрийскую» модель, — сколько о том, почему элиты находят эту модель полезной для себя. Именно на этот вопрос я отвечаю в данном параграфе.

(Такая постановка вопроса может показаться не очень корректной, так как она заранее отсеивает некоторые ответы, тоже имеющие право на существование. Тот факт, что после падения режимов в странах Восточной Европы учреждаются именно «австрийские» конституционные суды, может объясняться, например, политической модой, которая диктует необходимость создания такого органа, как Конституционный суд, или национальной традицией — то есть факторами, по сравнению с которыми непосредственно интересы элит могут быть второстепенны или не играть роли вовсе. В данном параграфе я, однако, не стремлюсь выяснить, какие причины в общем стояли за созданием в России Конституционного суда. На самом деле важно и полезно прояснить, какое место отводилось Конституционному суду в политической системе России, и именно поэтому я делаю акцент на роли элит, инициировавших создание суда.)

Чтобы случай России получил контрастный фон, на котором будут отчетливее видны его особенности, я буду ориентироваться на несколько упрощенную типологию, основанную на классической схеме, объясняющей институциональную силу суда и его независимость от политических элит ожиданиями самих этих элит и их целями в долгосрочной перспективе. Эта схема была предложена в 1975 году Уилльямом Ландесом и Ричардом Познером, рассмотревшими пример американского Верховного суда [Landes, Posner 1975], и впоследствии приспособлена для объяснения самых разнообразных кейсов.

Ландес и Познер показывают, что политические элиты заинтересованы в независимом суде потому, что тот в меру своей независимости обеспечивает в долгосрочной перспективе исполнение тех решений, которые ранее были приняты элитами, даже если впоследствии власть сменилась. Предположим, нынешний состав Конгресса «продал» влиятельным лоббистам от молочной промышленности специальный налог на производство маргарина. Скорее всего, в силу специфики функционирования законодательной власти, повернуть снова тот же фокус и пролоббировать в следующем составе Конгресса отмену налога, будет сложно, поэтому производители молочных продуктов будут высоко ценить свой успех — он обеспечит им прибыли на долгие годы. Предположим, однако, что суды не независимы. В таком случае, простым решением для тех, кто введенной пошлиной недоволен, было бы отправиться в суд и использовать свое влияние для того, чтобы в судебном порядке отменить налог, введенный Конгрессом (как мы помним, «американская» модель судебного пересмотра позволяет судам любого уровня отменять акты законодательной власти). В такой ситуации — зная, что любой налог легко может быть отменен судом — лоббисты от молочной промышленности не стали бы придавать такого значения Конгрессу, и тот потерял бы свое влияние. Именно поэтому, объясняют Ландес и Познер, политические элиты в Конгрессе и стремятся обеспечивать независимость суда [Landes and Posner 1975, 877-879].

Модель Ландеса и Познера я попытаюсь использовать для объяснения поведения политических элит в момент перехода. Ключевым фактором здесь будет являться то, что в ситуации политической неопределенности элиты тем более будут заинтересованы в том, чтобы за соблюдением законности в системе следил независимый Конституционный суд, чем более мрачными им кажутся их собственные перспективы (в чем-то этот анализ похож на аргументацию Стивена Фрая в известной статье о президенциализме [см.: Frye 1997]). Учитывая, что исходы в ситуации транзита существенно менее предсказуемы, чем в ситуации стабильной политики, элиты будут ориентироваться только на самую ближнюю перспективу. Исходя из этого, я вкратце рассмотрю четыре возможные ситуации, возникающие на пересечении двух параметров: нас будет интересовать, во-первых, кто инициирует создание суда — «коммунисты» или «оппозиция», и во-вторых, каковы ожидания создателей суда в краткосрочной перспективе. Используя эту модель, я попытаюсь определить, насколько суд будет самостоятельным, а также каков будет его состав.

В первом случае мы наблюдаем ситуацию, когда, предполагая скорую потерю власти (скажем, в ходе первых свободных выборов в легислатуру), Конституционный суд создают коммунисты. Такой сценарий проще всего представить себе на материале Польши и Венгрии, где переход от старого к новому режиму оговаривался в ходе так назы-

Таблица 1: Как инициатор создания суда и его ожидания влияют на будущие независимость и профессионализм суда

		Ожидания	
		Проигрыш	Победа
Инициатор создания Суда	Коммунисты	Профессиональные судьи + высокая независимость	Профессиональные судьи + низкая независимость
	Оппозиция	Академические юристы + “?” независимость	Академические юристы + “?” независимость

ваемых «круглых столов». В силу определенных обстоятельств в этих странах между умеренными реформаторами от оппозиции и умеренными консерваторами от коммунистов возник консенсус о необходимости смены режима [Welsh 1994, 383–385]. Те и другие были заинтересованы в том, чтобы «обменяться» какими-то уступками и сделать таким образом переход как можно менее болезненным. Целью реформаторов является проведение свободных выборов в легислатуру, где (о чем они знают) их представительство будет выше; консерваторы согласны провести такие выборы, если при этом – впоследствии, уже при новом режиме – им будет обеспечена безопасность. Встает вопрос того, как эту безопасность обеспечить или, точнее, как заставить победителя соблюдать те договоренности, которые были достигнуты в ходе «круглых столов», когда победитель в принципе еще не мог их нарушить.

Одной из наиболее удачных гарантий безопасности в такой ситуации оказывается создание такого института, который не просто следил бы за соблюдением пакта, но также символизировал бы новый режим – института, с одной стороны, защищающего проигравшего и, с другой стороны, синонимичного новому порядку и потому неприкосновенного для победителя. Этим институтом, естественно, и оказывается Конституционный суд.

Как будет выглядеть состав такого суда? Прежде всего, он будет сформирован из судей, сочувствующих коммунистам, так как формировать его будет еще прежний состав легислатуры, где по понятным причинам абсолютное большинство – коммунистическое [Magalhães 1999, 51]. Сам суд при этом будет обладать достаточно широкими полномочиями в том, что касается пересмотра решений законодательной

власти, а законодательная власть в свою очередь будет почти лишена возможностей воздействия на суд. Такой суд будет предельно независимым и сильным органом.

Схожим образом будет развиваться ситуация, когда коммунисты формируют Конституционный суд, не ожидая при этом какого-то существенного ослабления своих позиций. По аналогии с первой ситуацией мы понимаем, что в таком случае суд вновь будет сформирован из судей, связанных с прежним режимом, однако никаких поводов делать его безмерно независимым у инициаторов не будет. Как раз наоборот, в лучших традициях авторитарных режимов Конституционный суд будет рассматриваться как инструмент в руках управляемой коммунистами легислатуры, а не как средство ограничения ее власти — именно потому самостоятельность такого суда будет понижена, а судьи будут подбираться из «коммунистической» команды.

Ситуации, когда Конституционный суд уже после первых свободных выборов, получив власть, формируют демократы, вероятно, по показателю независимости суда между собой различаться не будут. В отличие от коммунистов, демократы куда менее склонны к инструментализации суда, потому что их риски по определению ниже: демократов, потерявших власть в ходе «выборов разочарования», ждет не люстрация, которой боятся коммунисты, а резкое падение популярности после проведения ими реформ и, в худшем случае, политическая смерть. Конституционные суды, не умеющие воскрешать, в такой ситуации особенно интереса для элит не представляют. Выбор между более или менее независимым судом определяется не легко предсказуемой прагматикой самосохранения, а множеством более случайных факторов, объяснить которые я сейчас не берусь (как показывает на российском материале Алексей Трошев, институционализация суда в этот период во многом зависит от расклада в легислатуре и личных убеждений авторов рассматриваемых там проектов [см.: Trochev 2008, 61–72]).

Помимо того, что создаваемые демократами конституционные суды будут более или менее самостоятельны вне зависимости от того, насколько радужны перспективы создающих их элит, такие конституционные суды будут также обладать и той важной особенностью, что там будет мало собственно судей по профессии. Судья в коммунистическом режиме является высокопоставленным государственным служащим и должен находиться в хороших отношениях с партией, а других судей в принципе нет. Соответственно, у формирующих Конституционный суд демократов просто не будет возможности назначить профессионального судью, так как все такие кандидаты будут видаться им представителями враждебного лагеря.

В следующем параграфе мы рассмотрим, как эта модель согласуется с российским случаем.

СБОЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Российский случай, очевидно, должен описываться именно последним сценарием. Однако если присмотреться, реализация проекта конституционного правосудия в России имела одно важное отличие от описанного выше идеального типа, а именно то, что российский Конституционный суд был создан еще до возникновения в стране политического ландшафта как такового, в период противостояния Горбачева с Ельциным — политиков условно союзного и республиканского уровней. За ранним учреждением Конституционного суда в тех условиях стояло не стремление привлечь в политику беспристрастного арбитра, а желание российских политиков укрепить национальный уровень власти в противовес союзному. Соответственно, если мыслить в терминах полезности суда для элит, единственная задача, которая перед Конституционным судом ставилась его создателями, была выполнена в тот самый момент, когда суд был создан: суд был нужен затем, чтобы занять положенное ему по идее место в политической системе новой России, и суд занял это место.

Что суд будет делать дальше, вероятно, никого в тот момент не интересовало. Во всяком случае, на эту мысль нас наталкивает тот факт, что из трех способов осуществления связи между элитами и судом, известных автору этих строк, нормально не был использован ни один.

Первый способ состоит в том, что элиты задают институциональные рамки, в которых функционирует суд. В России эти рамки были заданы непосредственно Законом о Конституционном суде 1991 года и были довольно широкими. С одной стороны, суд был наделен весьма обширными полномочиями в пересмотре законодательных актов Верховного Совета. В сумме с тем, насколько широк был круг потенциальных истцов, с подачи которых такой пересмотр мог быть произведен (помимо основных политических органов СССР и РСФСР в него входили также народные депутаты в личном качестве, общественные организации, а также простые граждане, которые могли обращаться в Конституционный суд, если неконституционная законодательная норма активно ущемляла их права), пересмотр и так становился весьма мощным законодательным инструментом в руках суда, однако, ко всему прочему, он дополнялся правом законодательной инициативы для Конституционного суда, что делало его власть почти беспрецедентной. И уже совершенно необъятной, с другой стороны, эту власть делал тот факт, что единожды назначенного судью после его избрания уже никак нельзя было снять: судьи, не переизбираясь, работали до ухода на пенсию, поэтому могли не бояться давления со стороны властей.

Предположим, институциональный дизайн суда — все, что нам известно об этом органе. Что мы могли бы сказать о его будущей работе?

Вероятно, крайне высокая степень независимости при наличии полагающих к тому внешних обстоятельств могла бы обернуться произволом со стороны судей, судебным волюнтаризмом, и тогда страдающим от такого произвола элитам пришлось бы искать способы вернуть деятельность суда в допустимые рамки.

Предвидя такой расклад, элиты должны были бы обратиться ко второму способу воздействия на суд, а именно, к взвешенному назначению судей. Кого элиты могли бы назначить судьей, предвидя будущую обширность власти суда и стремясь оградить свои действия от судебного произвола? Скорее всего, это был бы профессиональный судья, далекий от политики, — человек, во всяком случае, достаточно конъюнктурный, чтобы не пытаться определять повестку дня, а только оценивать ее на предмет соответствия Конституции. Назначив судьей такого человека, элиты могли бы нейтральностью судей компенсировать отсутствие существенных институциональных ограничений их деятельности и таким образом задать некий предпочтительный для себя вектор развития суда.

Однако на российском материале мы видим, что осмысленного отбора судей не осуществлялось вообще. Каналы, по которым обнаруживалась и продвигалась кандидатура будущего судьи, были разнообразны, но все избранные судьи обладали двумя важными качествами.

Первое довольно предсказуемо в контексте предложенной выше типологии и состоит в том, что среди избранных судей фактически не оказалось профессиональных юристов-практиков. Правда, Анатолий Кононов, Владимир Олейник и Николай Селезнев до назначения работали следователями в прокуратуре [см.: Кононов 2010, И-Р; Олейник 2010, И-Р; Селезнев 2010, И-Р], а это уже кое-что; остальные же были университетскими преподавателями.

Что, однако, важнее, непосредственно в пул, из которого судьи впоследствии избирались в состав суда, они попали весьма примечательным образом. По закону 1991 года судей назначал Съезд народных депутатов, поэтому, чтобы быть замеченными, судьи должны были так или иначе оказаться ангажированы в процессы, связанные с формированием Съезда или его деятельностью. Весьма ожидаемо в этой связи, что кто-то из будущих судей прежде был непосредственно избран народным депутатом в марте 1990 года; кто-то участвовал в выборах, но проиграл. Из тринадцати судей таким образом избрано было восемь, то есть значительное большинство. Судей же, которые, как, например, Тамара Морщакова или Николай Витрук, ранее выступали бы экспертами при разработке правовых норм [см.: Витрук 2010, И-Р; Морщакова 2010, И-Р] и были замечены депутатами в связи с их профессиональными заслугами, в первом составе суда было меньшинство. Помимо, собственно, судей Витрука и Морщаковой, к категории людей, попавших в суд за профессиональные, а не по-

литические заслуги, можно еще отнести только весьма любопытный случай Николая Селезнева, который до назначения судьей работал прокурором Кемеровской области и был избран по представлению коллегии Прокуратуры РСФСР [Селезнев 2010, И-Р]. То есть на самом деле мы видим, что механизм отбора «лучших из лучших» в данном случае практически не работал. Судьями в основном стали не самые выдающиеся юристы страны, а самые активные — те, кто больше других стремился к власти и сумел мобилизовать доступные им личные ресурсы для продвижения своей кандидатуры в формировавшейся тогда «съездовской» элите.

Если сложить все это вместе, выходит довольно любопытный усредненный портрет судьи первого Конституционного суда: это активно желающий влиять на судьбу страны, стремящийся к власти юрист, не имеющий притом никакой судейской практики. Это юрист-политик, причем ставший политиком раньше, чем судьей. Иными словами, это абсолютный антипод того «конъюнктурного судьи», в назначении которого, как мы полагаем, должны были быть заинтересованы элиты.

Возвращаясь к предложенной в предыдущем параграфе схеме, следует признать, что это и неудивительно, ведь Съезд, утверждавший судей, не был в чистом виде ни реформаторским, ни коммунистическим. Он не был избран на учредительных выборах (которые, как мы полагаем, должны были бы привести к власти реформаторов), но и не относился к «старому режиму», так как, во-первых, был избран на четвертый год перестройки, когда коммунисты уже в значительной степени потеряли контроль над выборами, и во-вторых, был органом республиканского, а не союзного масштаба. «Смешанный» Съезд неизбежно должен был назначить «смешанных» судей. И действительно, как отмечает Карла Торсон, судьи фактически «продвигались различными съездовскими фракциями» [Thorson 2004, 198], что обусловило исключительную политизацию первого судейского набора.

Обращаясь к художественно весьма сомнительной, но зато чрезвычайно наглядной для нашего случая кинологической образности, мы могли бы сравнить то, как элиты организуют суд, с пастухом, ведущим на пастбище овец. Пастуху хотелось бы, чтобы ночью, когда темно и сам пастух спит, овец сторожили собаки. Опытный пастух, полагая оставить отару на попечение собак на всю ночь, скорее всего, задумался бы над тем, чтобы подобрать себе псов решительной, но мирной породы: таких, которые не дадут овцам разбредаться, защитят их от волков, но и сами не попытаются задрать приглянувшегося барашка. Оценив задачу, такой пастух выберет овчарок или зенненхундов — словом, пастушьих собак.

Предположим, однако, что пастух только недавно занимается разведением овец и по неопытности взял с собой разнородную свору собак, среди которых несколько прибившихся по дороге дворняг, соседский

бульдог, пудель, которого жена попросила выгулять, а также любимый питбуль, который ранее хорошо зарекомендовал себя в собачьих боях. Наутро, проснувшись, пастух видит, что питбуль с бульдогом отгрызли друг другу уши, задрали несколько овец, а стадо в страхе разбежалось. Что он будет делать в такой ситуации?

Тут возможны разные сценарии. Возможно, надеясь научить собак, пастух достанет палку и поколотит зачинщиков безобразия. Однако порода в собаках — вещь совершенно неистребимая, поэтому следующей ночью ужасы предыдущей, скорее всего, повторятся и пастуху придется искать другое решение своей проблемы. Если после всего произошедшего пастух по-прежнему будет доверять собакам, то правильным решением было бы оставить дома питбуля и пуделя и взять с собой собак, предназначенных для стада. Впрочем, также возможно, что пастух решит, что собаки ему вовсе не нужны, что от них только вред, и тогда он может либо вовсе отказаться от идеи брать себе собак в помощники, либо, если, скажем, ему стыдно перед другими пастухами, что он единственный выводит стадо без собак, и ему хочется, чтобы хоть издалека все выглядело так, как положено, решит надеть на уже имеющихся намордники или каким-то другим образом ограничить их способность наносить непредсказуемый вред.

В соответствии с этой идиллической аналогией разворачивалась и история с первым Конституционным судом. После избрания Валерия Зорькина председателем Конституционного суда весьма значимым элементом деятельности этого органа стала абстрактная защита конституционного порядка. Мы говорим «абстрактная», потому что зачастую защита эта осуществлялась волюнтаристски, то есть в отсутствие облеченного в форму закона или декрета вызова Конституции, что на самом деле в контексте судебной проблематики следует читать как неимение какого бы то ни было вызова в принципе. Первым проявлением такого волюнтаризма стало заявление от 26 июня 1992 года, начинающееся словами «Конституционный строй нашего государства — под угрозой», в котором Конституционный суд призывал противоборствующие политические силы «к общественному согласию на основе Конституции России» [Заявление 1992]. Заявление это было сделано без всякого повода: оно не было ни решением суда по слушаемому делу, ни позицией касательно принимаемой нормы законодательства, а просто фиксировало мнение судей о происходящем в стране.

Эта бесповодность выступления суда ослабила потенциальный эффект, который оно могло иметь: будь подобная формулировка встроена в текст судебного вердикта по тому или иному делу, она, несмотря на формальную декларативность, обязывала бы политические силы, которым была адресована, соблюдать Конституцию. Или во всяком случае имела бы какой-то вес, недвусмысленно подтверждая готовность Конституционного суда защищать закон от посягательств. В противном

случае ценность такого заявления не превышала ценности алармистской газетной публикации, вышедшей за подписью любого авторитетного автора, необязательно судьи.

Можно было бы сказать: ладно, пусть никакой пользы от летнего выступления Конституционного суда не вышло, но и вредным оно не было. На самом деле это не так. Этим заявлением суд был активно вовлечен в разворачивавшуюся тогда борьбу между законодательной и исполнительной властями. Заявление сигнализировало позицию, которой придерживались судьи, состоявшую в том, что суд может вмешиваться по своему усмотрению в любую ситуацию, если считает, что такое вмешательство необходимо для поддержания конституционного строя. Впоследствии, действуя от лица суда, Валерий Зорькин продолжил ту же линию, когда в конце 1992 года предложил свое посредничество противоборствующим Ельцину и Хасбулатову. И дальнейшие события — когда 20 марта 1993 года председатель суда появился на телеэкране вместе с генпрокурором Степанковым, вице-президентом Руцким и заместителем председателя Верховного Совета Ворониным, чтобы осудить президентский Указ об особом порядке управления страной, а затем, уже в сентябре 1993 года, созвал коллег на внеочередное заседание, чтобы объявить противоречащим Конституции Указ № 1400, — были логичным продолжением курса, сознательно выбранного большинством судей еще летом 1992 года.

Другим аспектом этого курса было то, что на уровне риторики суд активно проявлял антипатию по отношению к исполнительной власти и симпатизировал власти законодательной. Наблюдатели воспринимали эти видимые симпатии как признак неформального союза между судом и Верховным Советом. Так, например, авторитетный обозреватель Максим Соколов в вышедшей в начале 1993 года колонке отмечает, что Конституционный суд и Верховный Совет к VIII съезду народных депутатов попросту стали выступать заодно, сформировав полноценную оппозицию Президенту Ельцину [Соколов 1993, И-Р]. Позже установили, что это ощущение было ложным: в своей юриспруденции суд не отдавал предпочтения ни Президенту, ни Верховному Совету [Trochev 2008, 103–104]. Но для той части элит, которую мы могли бы вслед за Алексеем Гилевым назвать правящими элитами, — то есть для элит, обладавших контролем над исполнительной властью [Гилев 2009, 5], — деятельность суда должна была со всей очевидностью представляться как абсолютно деструктивная: не просто не приносящая никакой пользы, но и вредная (притом что вообще-то правящие элиты вправе ожидать, что если суд и не будет играть им на руку, то польза будет проистекать хотя бы из того, что суд следит за соблюдением законности и остается нейтральным). Естественной реакцией элит в такой ситуации было обращение к третьему способу воздействия на суд — собак попытались побить палками, а когда выяснилось, что это не помогает, на них наде-

ли намордники: согласно новой Конституции, принятой в декабре 1993 года, позиции Конституционного суда были существенно ослаблены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первый Конституционный суд оставил после себя сложное наследие. Помимо того, что в новом формате этот орган был институционально значительно ослаблен, можно отметить еще одно важное последствие его двухгодичной деятельности. Оно состоит в том, что, с одной стороны, негативный опыт, полученный судьями за время конфронтации с властью, в конечном счете сформировал у них очевидный паттерн, который притом после 1995 года не удалось нивелировать простой заменой состава суда. С другой стороны, явно настороженной к идее независимого Конституционного суда стали относиться элиты.

Можно утверждать, что именно с этого начался в Конституционном суде период самоцензуры, яркие проявления которой мы наблюдаем только сегодня. Чтобы понять, как именно это случилось, нужно более пристально анализировать события с 1994 года по сегодняшний день, однако корни упадка конституционного правосудия вернее всего искать в событиях 1991–1993 годов, когда провалилась первая попытка российской общества обзавестись достойным конституционным судом.

Согласно известной максиме, изыщную формулировку которой разные источники приписывают Леху Валенсе, Адаму Михнику и Григорию Явлинскому, легко превратить аквариум в рыбный суп, и сложно сделать обратное. То, что на выхолащивание подлинного смысла из конституционного правосудия в России ушло порядка двадцати лет, убеждает нас в том, что рыбы в аквариуме теоретически могут какое-то время сопротивляться этой нежелательной метаморфозе и бороться с опущенным в воду кипятильником. Но это, конечно, слабое утешение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук 2010, И-Р – Витрук Николай Васильевич // *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке*. [Электронный ресурс]. – СПб., 2010. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=24>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Гилев 2009 – Гилев А. В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: Do revolutions matter? – *Препринт Центра модернизации* – М-06/09. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
3. Госдума 2009, И-Р – Госдума отменила выборы главы Конституционного суда // *Lenta.ru* [Электронный ресурс]. – М.: Rambler Media, 20 мая 2009. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2009/05/22/change/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

4. Закон РСФСР 1991 — Закон РСФСР от 12 июля 1991 года «О Конституционном Суде РСФСР». *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР* № 30. — М., 1991.

5. Закон СССР 1989, И-Р — Закон СССР от 23 декабря 1989 г. № 974-1 «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР» // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/1592892/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

6. Заявление 1992 — Заявление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 1992 года. — Российская газета. — 1992. — 26 июня.

7. Кононов 2010, И-Р — Кононов Анатолий Леонидович. *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке*. [Электронный ресурс]. — СПб., 2010. — Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=10>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

8. Конституция СССР 1924, И-Р — Конституция СССР 1924 года // Исторические источники в виртуальной библиотеке: Электронная библиотека исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. — М., 2010. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

9. Морщакова 2010, И-Р — Морщакова Тамара Георгиевна. *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке*. [Электронный ресурс]. — СПб., 2010. — Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=20>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

10. Олейник 2010, И-Р — Олейник Владимир Иванович. *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке*. [Электронный ресурс]. — СПб., 2010. — Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=26>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

11. Определение 2009 — Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П «По жалобе граждан Лашманкина Александра Владимировича, Шадрина Дениса Петровича и Шимоволоса Сергея Михайловича на нарушение их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» — *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации* — 2009. — № 6.

12. Пашин 2011 — Пашин С. А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы // *История новой России. Очерки, интервью*/ Ред. Филиппов П. С. — СПб.: Норма — 2001.

13. Пушкарская 2009 — Пушкарская А. Конституционный суд теряет особые мнения. — *Коммерсантъ* № 225 (4280). — 2009. — 2 дек. — С. 1, 4.

14. Пушкарская, Камышев 2009 — Пушкарская А., Камышев Д. Особо опасное мнение. — *Коммерсантъ-Власть* № 48 (852). — 2009. — 7 дек. — С. 26–27.

15. Селезнев 2010, И-Р — Селезнев Николай Васильевич. *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного Суда Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. — СПб., 2010. — Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=15>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

16. Соломон 2002 — Соломон П. Судебная реформа Путина: не только независимость, но и подотчетность судей // Конституционное право: восточноевро-

пейское обозрение. — М.: Изд-во Ин-та права и публичной политики, 2002, № 3 (39). — С. 32–38.

17. Соломон 2008 — Соломон П. Х. Проблема независимости и подотчетности судей в Российской Конституции 1993 г.: Проблемы реализации конституции // Конституционный вестник: Проблемы реализации конституции. — М.: Российский фонд конституционных реформ, 2008, № 1(19). — С. 180–191.

18. Соколов 1993, И-Р — Соколов М. Вероятен распад единого экономического пространства России // Власть 10(10), 15 марта 1993 [Электронный ресурс]. — М.: Коммерсантъ, 1993. — <http://www.kommersant.ru/doc/7458>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

19. Autheman 2004, И-Р — Autheman, Violaine. Global Lessons Learned: Constitutional Courts, Judicial Independence and the Rule of Law // International Foundation for Electoral Systems (IFES): Publications. [Электронный ресурс]. — Washington, 2004. — Режим доступа: http://www.ifes.org/~media/Files/Publications/White%20PaperReport/2004/23/WhitePaper_4_FINAL.pdf, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. англ.

20. Baudoin 2006 — Baudoin, Marie-Elisabeth. Is the Constitutional Court the Last Bastion in Russia against the Threat of Authoritarianism? *Europe-Asia Studies* 58(5), 2009, p. 679–699.

21. Frye 1997 — Frye, Timothy. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies. *Comparative Political Studies* 30(5), 1997, p. 523–552.

22. Judicial Power 2008 — Judicial Power in Authoritarian States: The Russian Experience. In *Rule By Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes*, eds. Tom Ginsburg and Tamir Moustafa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, p. 261–282.

23. Landes, Posner 1975 — Landes, William, and Richard Posner. The Independent Judiciary in an Interest-Group Perspective. *Journal of Law and Economics* 18(3), 1975, p. 875–901.

24. Magalhães 1999 — Magalhães, Pedro C. The Politics of Judicial Reform in Eastern Europe. *Comparative Politics* 32(1), 1999, p. 43–62.

25. Putin 2002 — Putin's Judicial Reform: Making Judges Accountable as Well as Independent. *East European Constitutional Review* 11(1–2), 2002, p. 117–124.

26. Solomon 2010 — Solomon, Peter H. Authoritarian legality and informal practices: Judges, lawyers and the state in Russia and China. *Communist and Post-Communist Studies* 43(4), 2010, p. 351–362.

27. Stone Sweet 2003 — Stone Sweet, Alec. Why Europe Rejected American Judicial Review and Why it May Not Matter. *Michigan Law Review* 101, 2003, p. 201–237.

28. The U.S.S.R. 1990 — The U.S.S.R. Supreme Court: History, Role, and Future Prospects. *The American Journal of Comparative Law* 38(1), 1990, p. 127–142.

29. Thorson 2004 — Thorson, Carla. Why politicians want constitutional courts: the Russian case. *Communist and Post-Communist Studies* 37(2): 187–211.

30. Trochev 2008 — Trochev, Alexei. *Judging Russia: The Role of the Constitutional Court in Russian Politics 1990–2006*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

31. Welsh 1994 — Welsh, Helga A. Political Transition Processes in Central and Eastern Europe. *Comparative Politics* 26(4), 1994, p. 379–394.

32. Wolczuk 2002 — Wolczuk, Kataryna. The Constitutional Court of Ukraine: The Politics of Survival. In *Constitutional Justice, East and West: Democratic Legitimacy and Constitutional Courts in Post-Communist Europe in a Comparative Perspective*, ed. Wojciech Sadurski. The Hague: Kluwer Law International, 2002, p. 327–348.

Ведущие экономические концепции и модели на различных этапах социально- экономических преобразований в новейшей истории России

Распад СССР и возникновение новой российской государственности обозначили начало мощных трансформационных процессов. Действительно, в короткий период времени должны были быть выработаны новые принципы взаимодействия между государством и обществом, трансформированы отношения во всех значимых сферах общественной жизни, выработаны новые правила игры во взаимодействии между элитой и обществом. Ситуация усугублялась глубоким структурным кризисом, доставшимся в наследство от распавшегося государства и требовавшим немедленного реагирования.

Создавшееся положение вынуждало политическую элиту на активный поиск решений по выходу из создавшейся кризисной ситуации. Требовались идеи, подходы к решению структурных проблем теперь уже российской экономики. В сложившейся ситуации особое значение приобретало экспертное знание в области экономических процессов. Собственно эксперты, многие из которых являлись научными работниками, руководителями исследовательских институтов, получали редкую возможность стать во главе экономических преобразований, самим осуществить предложенный проект на практике. Таким образом, представившаяся возможность переводила научных работников в разряд государственных деятелей, принимающих ключевые для развития страны решения, или политиков, предлагающих альтернативные видения решения насущной экономической проблемы и зарабатывающих на этом свой политический капитал.

Цена преобразований была высока — в сущности, в изучаемый период времени происходило становление новых институтов, и проводимые экономические реформы во многом определяли институциональный дизайн строящегося российского государства. Другими словами, вопрос идеологии, положенной в основании экономических преобразований, имел значение.

Во время и после проведения масштабных экономических преобразований в России в 1990-х годах в научном сообществе велись активные дискуссии о целесообразности преобразований в экономике, степени их продуктивности и успешности, возможности реализации альтернативной политики экономических реформ. Как отечественные, так и зарубежные ученые активно предлагали свое видение реформ, анализировали причины успехов и неудач российских реформаторов. Особенность этих работ заключается в исследовании экономических реформ в России как таковых. Автор данного исследования представляет иной взгляд на подходы экспертов к экономическим реформам: основным движущим мотивом изменения идеологических позиций российских реформаторов являлась политическая составляющая экономических преобразований.

В представленной работе будет изучена эволюция экспертных подходов по решению ключевых вопросов в экономической сфере. Действительно, на протяжении 1990-х годов экспертных подходы претерпевали значительные изменения. Чем были обусловлены данные сдвиги? Что побуждало экспертов по экономическим вопросам изменять свои позиции?

По мнению автора данного исследования, ответ на данные вопросы следует искать в области политического. Тезис моего исследования заключается в том, что именно логика политической конкуренции являлась мотором изменений идеологических подходов экспертов по экономическим вопросам. В ходе политической борьбы группы экспертов по экономическому вопросу, проигравшие во внутриэлитной борьбе за право осуществления реформ, стремились максимально отдалиться от выигравшей группы, чтобы стать «заметными» избирателю. Вместе с тем группа экспертов, осуществлявшая экономические реформы в составе правительства, наоборот вносила незначительные коррективы в свои идеологические подходы. Однако это поведение обусловлено иной логикой — политического научения — согласования своей идеологической позиции с группами интересов.

Для доказательства данного тезиса мною взяты ключевые вопросы экономической политики в 1990-е годы: либерализация цен и сценарии реализации программы приватизации. Их рассмотрение позволит увидеть эволюцию идеологических подходов с течением времени и по мере реализации экономической политики оценить изменение экономической и политической реальности. Да и самими акторами данные события рассматривались как ключевые: экспертами были предложены различные видения их реализации, исходя зачастую из противоположных идеологий проведения экономической политики.

Исследования идеологии экономических преобразований в России с помощью инструментария политической науки были предприняты в ряде работ американской исследовательницы Х. Аппель. Она рас-

смаатривала ход экономических реформ в России и Восточной Европе с точки зрения господствовавших идеологических конструкций, их влияния на предлагаемые подходы к решению экономических проблем [Appel 2000]. На основании большого количества данных автор проводит сравнение экономических реформ в странах Восточной Европы и России, анализирует причины удач и провалов реформаторов, а также ту роль, которую играла идеология в развитии их реформаторской мысли. В частности, анализируя влияние идеологии на успешность экономических преобразований на примерах приватизации в России и Чехии и основываясь на значительной эмпирической базе, она доказывает значительную роль идеологии в проведении программы приватизации. Так, по мнению исследователя, успешность экономических преобразований в Чехии была обусловлена особым вниманием, которое команда реформаторов обращала на идеологическую составляющую приватизации и ее доведение до широких масс населения. В России же, напротив, архитекторы реформ предпочли выдвинуть на передний край материальные стимулы для элиты и населения, что обусловило слабую поддержку преобразований в дальнейшем, поскольку лишь незначительное число участников программы приватизации выиграли в конечном итоге от ее проведения [Appel 2000].

Следует особо отметить, что за рамками данной работы сознательно оставлена оценка итогов экономических реформ 1990-х годов в России. Этому посвящен ряд публикаций как российских, так и зарубежных авторов [Ослунд 1996, Шевцова 1999, Андрефф 2004, Schleifer, Treisman 2000, Hoffman 2002]. Меньшее внимание уделено эволюции идеологических позиций экспертов по экономическим вопросам, разработавших и осуществлявших программы реформ или оппонировавших данным программам в ходе политической борьбы. Вследствие этого основное внимание будет сфокусировано на эволюции идеологических подходов экспертов к решению ключевых экономических вопросов на протяжении 1990-х годов.

Стоит отметить, что во времена перестройки эксперты по экономическим вопросам, которые впоследствии заняли высокие должности в Правительстве России, сделали значительную политическую карьеру; они общались в одной научной среде, посещали одни семинары, участвовали в совместных дискуссиях. Для реализации своих идей у них была профессиональная команда, сформированная до прихода в структуры исполнительной власти, внутренняя групповая сплоченность, общие ценностные установки и нормы, общий профессиональный язык и, как следствие, доверие между членами данной группы.

В этой связи следует особенно отметить высокую групповую сплоченность команды и разделение ими общих идеологических установок, убежденность в том, что тип экономических отношений, сложившийся в СССР, изжил себя. Таким образом, общая цель, разделяемая всеми

экспертами по экономическим вопросам, заключалась в желании глубокого реформирования экономических отношений, сложившихся в социалистической экономике. Как свидетельствуют многочисленные интервью участников неформальных конференций, проходивших во время перестройки в Ленинграде и Москве¹*, что идеологические различия между участниками данных групп были незначительными [см.: Широинин 2006, Дмитриева 2006, Глазьев 2006b, Кох 2007].

Что же побудило экспертов, составлявших единую команду в конце 1980-х — начале 1990-х, несколькими годами позже стать непримиримыми соперниками, выступать с различных идеологических позиций? Теоретические рамки анализа раскрывают основания исследования.

КАК ИССЛЕДОВАТЬ ИДЕОЛОГИЮ, ИЛИ НЕМНОГО ТЕОРИИ...

Автор данного исследования вслед за работой Аппель понимает под идеологией «систему коллективно разделяемых нормативных идей, убеждений и подходов, отстаивающих особую модель поведения, которую ее сторонники стараются развивать (promote), добиваться или отстаивать (mountain)» [Appel 2000]. Для данного исследования это определение важно по нескольким причинам. Во-первых, представленное определение дает явное понимание того, что идеологии являются прежде всего мыслительными конструктами, разделяемыми индивидами, чем заданной сообществом моделью поведения. Во-вторых, данное определение обращает особое внимание на то, что идеологии позволяют интерпретировать мир таким, какой он есть, а также таким, каким он должен быть. Другими словами, идеологии описывают идеальное общество и также показывают ту особую формулу, которая должна привести к данному идеальному обществу. Следует добавить, что в представленной работе, понятие «идеология» носит нейтральный характер, то есть мною не приписывается ей «ложное сознание», представленное в марксистском подходе.

В своей работе Вадим Радаев отмечает, что индивиды склонны рассматривать общество и экономику через призму идеологических воззрений. Данные воззрения сосуществуют, активно дополняя друг друга. В своем инструментальном варианте эти подходы используются партиями, общественными движениями в виде программ, которые являются их прикладными и комбинированными формами. Как отмечает ряд исследователей, реальная политика почти повсеместно строится на идеологических гибридах, сочетая в себе элементы из различных по

¹ Более подробно об умонастроениях, ценностных установках участников данных встреч можно познакомиться в цикле интервью, посвященных двадцатилетию семинаров в Змеиной Горке, которые вышли на интернет-портале www.polit.ru в 2006–2007 годах: [Васильев 2006, Гайдар 2006, Глазьев 2006b, Дмитриев 2007, Дмитриева 2006, Кох 2007, Широинин 2006, и др.].

содержанию идеологий. Данные гибриды — партийные программы, манифесты — включают в себя эклектичные подходы к базовым экономическим элементам: формам собственности и формам организации хозяйства, а также характер и степень участия государства в экономике, способы распределения благ [Радаев 2000].

Идеологические воззрения непостоянны. С течением времени они претерпевают значительные изменения. Время от времени одна или другая идеология выходит на передний план, «утверждается в общественно-политическом сознании и экономическом лексиконе» [Радаев 2000]. Таким образом, изменяются идеологические подходы партий, элитных групп, общественных движений к одному объекту — хозяйственной системе России, в прошлом СССР. Именно на протяжении данного, очень короткого по историческим меркам периода можно проследить ряд идеологических сдвигов. В течение 1990-х годов в реформируемой России эти понятия, воплощаясь в разных программах, последовательно сменяли друг друга. Вместе с данными изменениями происходило замещение «мировоззренческих доминант, как в сознании отдельных субъектов, так и в публичной сфере в целом» [Радаев 2000].

В этой связи представляется, что наиболее продуктивным ответом является изучение экспертных подходов с позиций теории рационального выбора. По нашему мнению, именно теория рационального выбора позволяет объяснить поведение экспертов, изменение их идеологических позиций в ходе реализации экономической политики. Автор исходит из того, что основными причинами, побуждающими экспертов по экономической политике менять подходы к решению ключевых экономических проблем, является два основных мотива.

Первый из них обусловлен электоральной стратегией максимизации голосов, отданных за определенную партию. Логика данного подхода основывается на том, что политики и идеологи политических партий стремятся к завоеванию как можно большего количества мест в парламенте. С этой целью они изменяют свои базовые идеологические подходы к решению ключевых экономических вопросов.

Второй подход исходит из логики поведения экспертов по экономическим вопросам, находящихся в процесс принятия решений. Данной группе необходимо вести переговоры, согласовывать свои позиции с могущественными группами интересов. В ходе данной коммуникации также происходит эволюция базовых экспертных подходов, включение идей, позиций, идеологических установок заинтересованных групп.

В связи с этим нами используется два теоретических подхода, лежащих в рамках теории рационального выбора. Соревновательная (пространственная) теория выборов (*spatial theory of voting*) описывает рациональное поведение избирателя по выбору партий, выражающих его позицию по определенному кругу вопросов [Downs 1957, Enelow, Hinich 1984, Попова 2007]. Теория политического научения — модели-

рует эволюцию позиций акторов, участвующих в процессе принятия решений [Sabatier 1998, Sabatier 1999, Jenkins-Smith 1990, Jenkins-Smith 1991, Jenkins-Smith 1993, Сабатье 2008].

Благодаря использованию обеих объяснительных конструкций нами будет представлена целостная картина эволюции идеологических подходов экспертов по экономическим вопросам — как находящихся в процессе политической борьбы за голоса избирателей, так и принимающих политические решения.

В своем исследовании я исхожу из допущения, что взгляды политических лидеров партий и лидеров экспертных групп во многом могут быть подвергнуты анализу на едином методологическом основании — выявлении проблемных вопросов, волнующих большинство населения и политическую элиту, и представлении своего видения решения данных проблем. К этому следует добавить, что одни «завлабы», возглавлявшие в конце 1980-х — начале 1990-х экспертные группы, которые разрабатывали подходы к решению экономических проблем в СССР, заняли властные позиции, позволяющие принимать решения и претворять в жизнь свои предложения в экономической сфере. К таким экспертам мы относим Егора Гайдара² (на этапе либерализации) и Анатолия Чубайса (на этапе либерализации, приватизации). Другие эксперты, такие как Григорий Явлинский и Сергей Глазьев, перешли из научной в политическую сферу — в 1990-е годы заняли ведущие позиции в политических партиях «Яблоко» и КПРФ (соответственно), стали разработчиками их идеологических программ. Следовательно, изменение их позиции по экономическим вопросам можно объяснить с точки зрения логики поиска оптимальной ниши для своей партии в идеологическом пространстве, связанного с получением максимального количества голосов на выборах. При этом автор исходит из того, что экономическая политика является лишь частью общего круга вопросов, с которыми партия обращается к избирателям. Таким образом, будет представлена лишь эволюция подходов определенного эксперта или группы экспертов, но не партии в целом³. Исходя из этого, представляется целесообразным использовать теоретический инструментарий, разработанный в рамках соревновательной теории выборов для изучения поведения групп экспертов.

² Несмотря на то, что Е. Гайдар в качестве руководителя фракции «Выбор России» принимал активное участие в работе Государственной Думы Российской Федерации созыва 1993–1995 гг., автор на основе массива эмпирических данных относит его к группе экспертов, принимавших участие в разработке и реализации экономической политики. Таким образом, эволюция взглядов данного эксперта, отнесена ко второй теоретической модели — теории политического научения.

³ Исследование проводилось на основе программ, статей и выступлений членов и лидеров экспертных групп [см.: Васильев 1992; Гайдар 1990а, 1990б, 1995, 1996; Глазьев 1993, 1996а, 1996б, 1998, 1999, 2001, 2005, 2006а; 2006б; Григорьев 2006; Иваненко 1992; Уринсон 2006; Федоров 1999; Чубайс 1990а, 1990б, 1999; Явлинский 1995, 1999, 2008; Явлинский, Иваненко 1991; Явлинский, Ярыгина 1990]

Данное теоретическое допущение позволяет детально описать изменения в экспертных позициях на протяжении 1990-х годов. Представленный подход позволяет объяснить, почему произошло изменение позиций групп экспертов под руководством Глазьева и Явлинского в радикально «левом» направлении (в рамках лево-правого континуума) на фоне не столь значительных изменений в позициях групп экспертов под руководством Гайдара и Чубайса.

Исследователи, работающие в рамках соревновательной теории выборов, по-разному оценивают стратегии поведения руководства партий в выборе ими круга вопросов, по которым будет вестись полемика в ходе предвыборной кампании. Модель конвергенции [Downs 1957] исходит из того, что программные позиции партий освещают широкий круг вопросов и сближаются максимально друг с другом через две-три компании. Модель дивергенции [Rabinowitz, McDonald 1989, Budge, Robertson, Hearl 1987] напротив, заявляет о том, что партии будут занимать противоположные позиции по основным вопросам, максимально дистанцируясь от позиции оппонентов. Так, Энтони Даунс [Downs 1957] говорит о том, что поскольку партии стремятся обратиться к как можно большему количеству избирателей, они разрабатывают примерно похожие идеологии, близкие к медианному избирателю. Таким образом, каждая партия будет стремиться комбинировать основную часть своей идеологической программы, направленной на доминирующую группу поддержки, с вкраплениями из других идеологий, направленными на завоевание электоральной поддержки у меньшинств. Описывая борьбу между партиями, Э. Даунс отмечает, что их идеологии будут сближаться, поскольку руководство каждой партии знает, что ее экстремисты, находящиеся на крайне правых и крайне левых позициях шкалы, будут предпочитать свою партию оппозиционной, поскольку она им все равно приходится ближе по идеологическим позициям. Именно поэтому, двигаясь по направлению друг к другу, партии становятся более умеренными и менее радикальными в осуществлении политики в надежде завоевать голоса медианных избирателей, находящихся в центре. Область центра, таким образом, становится все меньше с увеличением попыток партий захватить умеренные голоса. Вследствие этого партии становятся «почти идентичными в своих идеологических платформах и действиях» [Downs 1957].

Модель дивергенции противоположна модели Даунса. Наиболее оптимальная позиция, занимаемая партией, максимально далеко от центра, но не за пределами «зоны приемлемости», которая представляет пространство разумных проблемных позиций. Кандидат не должен охватывать, в отличие от модели Даунса, все вопросы, которые значимы для данной компании, а лишь те, которые выгодны данной партии. Так, Иэн Бадж отмечает, что «даже упоминание такой темы подвергает опасности, поскольку содействует ее популярности и таким образом

приносит очки партии противника» [Budge, Robertson, Hearl 1987]. Сторонники данной модели приводят аргументы в пользу того, что избиратели выбирают те партии, которые в плане идеологии разделяют с ними общие ценности. Другими словами, не существует свободного политического пространства, открытого для партий, их идеологического позиционирования: за каждой партией закреплена определенная идеологическая ниша, в которой она может набрать максимальное количество голосов. Весомым условием для изменения отдельных положений идеологии партии является завоевание голосов, обеспечивающих победу: «Они (политики) будут модифицировать ключевые положения своих программ, если это гарантирует им дополнительные голоса, обеспечивающие победу» [Budge, Robertson, Hearl 1987].

Евгения Попова в своей работе, используя соревновательную теорию выборов, проводит сопоставление программ партий и кандидатов в президенты в России. По мнению данного исследователя, в ходе электоральных циклов (1995, 1999, 2003 гг.) проблемные позиции партий и кандидатов были подвержены резким изменениям, можно констатировать поиск эффективных стратегий в ситуациях нестабильности социально-экономического положения страны на фоне высокой политической неопределенности [Попова 2007]. Однако, по ее мнению, в целом на протяжении трех выборов наблюдается стабилизация позиций партий по различным проблемам: каждая из них обнаружила собственную идеологическую нишу. Тем не менее представляется возможным говорить об обратной тенденции — сближении позиций партий по основным вопросам. Такое смещение происходит в сторону умеренного либерализма, уменьшения роли государства в основных сферах общественной жизни, прежде всего в экономике [Попова 2007]. Применительно к КПРФ Попова, основываясь на данных проведенного исследования, заявляет, что основным для коммунистов осталось социально-экономическое измерение. При этом позиции коммунистов практически не подвержены изменению: «...они радикальные... по вопросам экономики и менее радикальные по вопросам благосостояния» [Попова 2007].

Таким образом, то, что выборы демонстрируют борьбу идеологий, подтверждает тезис [Rabinowitz, McDonald 1989] о том, что кандидаты должны наглядно представить избирателям общее направление своих позиций, чтобы побудить их сделать выбор с учетом эмоциональной оценки проблем.

Поскольку эксперты-политики Явлинский, Глазьев, Гайдар, Чубайс выставляли свои кандидатуры или участвовали в разработке идеологических программ партий и кандидатов как на думских, так и на президентских выборах в изучаемый период, то мы можем говорить о влиянии указанных выше факторов на развитие идеологических положений данных экспертов в ходе проведения разных электоральных компаний,

об оказании влияния фактора поиска электоральной ниши, привлечения голосов избирателей на изменение идеологических воззрений и вследствие этого перемещения по шкале, крайними точками которой будут «государство» (на крайне левом полюсе) и почти не ограниченная государственным вмешательством свобода «рынка». Под данными точками автором понимается следующее. В случае «государства»: доминирование государственной формы собственности над частной; регулирование цен на большую часть товаров; протекционистские меры по защите внутреннего рынка; активное регулирование сферы бизнеса нормативными актами. Под «рынком» нами понимается: доминирование частной и смешанной формы собственности над государственной; свободное ценообразование на подавляющее количество товаров; либерализация внешней торговли⁴.

Действительно, на протяжении электоральных кампаний можно наблюдать рост радикализма позиций в идеологических воззрениях Глазьева — от умеренной критики группы реформаторов в 1994 году до жесткого оппонирования либеральному курсу реформ в 1998—1999 годах, особенно выражающегося в жесткой позиции по поводу участия иностранного капитала в российской экономике. Позиция Явлинского также претерпевала изменения, хотя и не столь значительные по степени вмешательства государства в экономическую сферу.

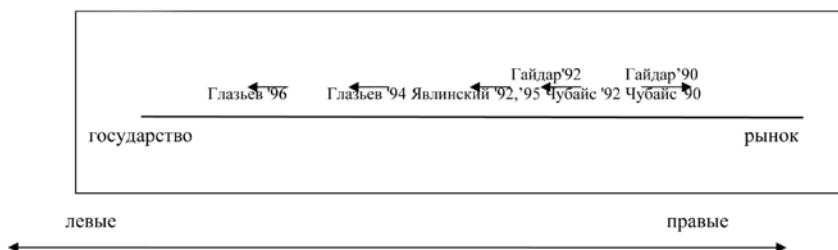

Схема № 1

Теория политического научения, представленная в работах Пола Сабатье и Ханса Дженинса-Смита [Sabatier 1998, Sabatier 1999, Jenkins-Smith 1990, Jenkins-Smith 1991, Сабатье 2008], позволяет рассмотреть динамику в изменении идеологических воззрений группы экспертов, находившихся во власти, осуществлявших непосредственную реализацию экономической политики в изучаемый период. Данный теорети-

⁴ * Безусловно, в современном мире социально-экономических отношений роль государства в экономике не ограничивается только указанными аспектами. Она многофункциональна и имеет большое количество других измерений. Однако в рамках данной работы автором используется предложенная модель в аналитических целях для раскрытия основного тезиса исследования.

ческий подход позволяет объяснить смягчение радикальных позиций реформаторов российской экономики с течением времени. Сабатье и Дженкинс-Смит заявляют о том, что практически в любой сфере принятие политических решений представляет достаточно сложный политический процесс с точки зрения реализации правовых положений. Он зависит как от сложности проблемы, так и от роли различных факторов, участия заинтересованных организаций и частных лиц. С целью раскрытия протекания процесса принятия политического решения и отслеживания внутригрупповой динамики определенной группы интересов, авторами предлагается концепция «лоббистской коалиции», которая определяет отношения между «административными органами власти, законодательными структурами и заинтересованными группами на определенном уровне власти, журналистами, исследователями, политическими аналитиками» [Сабатье 2008]. Другими словами, лоббистская коалиция (ЛК) представляет собой подсистему политической сферы общества, члены которой должны: «во-первых, разделять нормативные взгляды и взгляды о причинах политической проблемы, во-вторых, принимать участие в координации деятельности на значимом уровне политической власти в течение длительного периода времени» [Сабатье 2008]

В плане идеологии в модели лобби-коалиций на верхнем уровне предполагается глубинное ядро общей системы ценностей, которое включает в себя нормативные убеждения. На следующем уровне располагаются базовые политические убеждения, которые представляют собой основные нормативные обязательства коалиции и оценку причинных связей во всей политической области. Они включают ряд основных ценностей (в рассматриваемом случае экспертов по экономическим вопросам, работающих в Правительстве Российской Федерации на ключевых позициях); признание относительной важности радикальных экономических преобразований для дальнейшего социально-экономического развития страны по сравнению с другими вопросами, в частности с вопросами социальной защиты населения или укреплением международного положения страны, роста обороноспособности; общие принципы в оценке важности проблемы и ее основных причин; сходство в выборе стратегий по достижению базовых ценностей в рамках данной политической подсистемы; признание соответствующего разделения полномочий между политическими структурами.

Именно базовые политические убеждения образуют основной элемент, создающий коалиции, поскольку они представляют собой основные нормативные и ситуационные взгляды политических элит в области их специализации. Вторичные аспекты системы убеждений включают значительное количество более ограниченных (другими словами, менее значимых) ценностей, которые касаются важности проблемы или относительной значимости различных факторов, полити-

ческих предпочтений относительно желательных пунктов программы. Наиболее глубокие убеждения обладают высокой степенью сопротивляемости изменениям, что сближает их с религиозными взглядами [Сабатье 2008].

Базовые политические убеждения являются более гибкими. Тем не менее некоторые из них могут плохо поддаваться трансформации — большая часть из них может изменяться через некоторое время по мере накопления информации. Убеждения по второстепенным политическим вопросам легче трансформируются под влиянием новых данных, нового опыта или изменения стратегических взглядов. Термин «политически ориентированное научение» относится к предположительно значительному по времени процессу изменений мышления или поведенческих образцов, которые происходят в результате накопления опыта или/и новой информации, а также связаны либо с достижением, либо пересмотром политических целей [Сабатье 2008]. По мнению Сабатье, политически ориентированное научение включает в себя несколько параметров: «1) углубленное изучение различных аспектов проблемы и создающих ее факторов; 2) внутренний цикл обратной связи, отражающий политическую эффективность в решении проблемы; 3) характер влияния альтернативной политики» [Sabatier, 1998].

Кроме политического научения, есть дополнительные два источника политических изменений. К первому источнику разработчики теории причисляют изменения в реальном мире: изменения социально-экономических условий или правящей коалиции могут привести к значительным изменениям в составе и ресурсах коалиции, что в свою очередь изменит характер публичной политики в рамках подсистемы в целом [Сабатье 2008].

Базовый аргумент концепции лобби коалиций состоит в том, что хотя политически ориентированное научение часто изменяет вторичные аспекты системы убеждений представителей коалиции, смена базовых политических взглядов требует глубинных внешних потрясений внешних факторов конкретной политической подсистемы. Базовые политические характеристики таких программ не изменятся до тех пор, пока у власти остается коалиция, определяющая политический курс. Единственным способом изменения базовых параметров государственной политики будут некие внешние потрясения подсистемы, которые приведут к перераспределению политических ресурсов или изменению взглядов членов коалиции в данной подсистеме. Политически ориентированное научение во всех системах наиболее вероятно при возникновении информационного конфликта средней сложности между двумя коалициями. Для этого требуется, чтобы: 1) каждый имел необходимые ресурсы для вступления в подобную полемику; 2) конфликт состоялся в выборе между второстепенными аспектами одной системы убеждений и базовым элементом другой или между важными

второстепенными аспектами двух систем убеждений. [Сабатье 2008]. Примером, иллюстрирующим данное теоретическое положение, является полемика команды разработчиков плана приватизации и депутатами Верховного Совета, в большей части представлявшими интересы директорского корпуса предприятий, подлежащих приватизации. В результате команда разработчиков пошла на уступки в формах приватизации предприятий, предоставляя широкие льготы трудовым коллективам, де-факто давая при этом широкие возможности менеджменту приватизируемых предприятий для концентрации госсобственности в своих руках. Действительно, данная уступка была серьезной. Однако конфликт состоялся на уровне второстепенных аспектов системы убеждений, что вело к смягчению обеих позиций и уменьшению радикализации команды разработчиков приватизации.

Представляется, что Верховный Совет и Государственная Дума (с 1994 года) выполняли в российских реалиях роль площадки для обсуждения различных концепций и определенного сближения позиций различных групп. При этом акторами двигал набор политически ориентированных целей, которые включали ценностные приоритеты и идеи о том, чье благополучие первостепенно для них (команда Гайдара — Чубайса — нарождающийся класс предпринимателей, собственников производств, команда Явлинского — предприниматели, социально незащищенные слои населения, Глазьев — работники умственного труда, работники наукоемкой промышленности, руководители отраслей промышленности). Сформированные ранее убеждения создают линзу, сквозь которую акторы воспринимают мир. Поскольку акторы-участники коалиций по определению разделяют набор базовых политических убеждений, представители разных коалиций будут воспринимать мир сквозь различные «фильтры». Следовательно, они часто будут по-разному интерпретировать одни и те же факты. С одной стороны, эта особенность способствует внутригрупповой сплоченности каждой из коалиций. С другой стороны, она приводит к росту недоверия к людям из других коалиций, так как демонстрирует, что они приходят к иным выводам по очевидным проблемам. Когда эта особенность сочетается с тенденцией помнить поражения лучше и сильнее, чем победы, вероятен взаимный сдвиг в результате острого конфликта. Такой сдвиг возможен, поскольку каждая коалиция видит в других врагов, большее зло и силу, чем это есть в действительности [Sabatier 1998].

Так, уход Глазьева из Правительства России из-за неприятия действий Президента против Верховного Совета рассматривается Гайдаром в терминах предательства групповых интересов и команды: «...и вот теперь он (Глазьев) перешел в другой лагерь... понять его можно... здесь (в Правительстве России) много молодых, умных, образованных специалистов... А там у Руцкого, у Хасбулатова со специалистами ой как не густо. Так кто же, как не он, Глазьев, пойдет на роль премьера?..

не исключаю, что именно такой ход мыслей увел его на другую сторону баррикад» [Гайдар, 1996]

В подобной ситуации каждый склонен защищать некоторый «изначальный идеал», такой как «либерализация» или «приватизация». Но по мере появления новой информации о серьезности проблемы, ее причин и затрат на ее решение акторы склонны примыкать к различным коалициям. Часто их решение приводит к ситуациям, которые становятся поворотными пунктами и выявляют основные противоречия [Jenkins-Smith 1993, Sabatier, 1999] Для достижения существенного политического изменения в системах, где необходимо квалифицированное большинство, обычно требуется, чтобы коалиция увеличила свои ресурсы, заключая краткосрочные выгодные коалиции с различными группами. [Jenkins-Smith 1993]

Таким образом, представленные два теоретических подхода позволяют рассмотреть в целом причины эволюции идеологических подходов экспертов по экономическим вопросам: как тех, которые находились в процессе принятия решений и оказывали непосредственное влияние на социально-экономическую политику; так и тех, которые участвовали в работе законодательных органов власти, вносили предложения и законодательные инициативы по корректировке или изменению экономической политики. Рассмотрим изменения идеологических подходов экспертов в ключевых точках — либерализации цен и приватизации.

ПРОБЛЕМНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ: РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЭКСПЕРТНЫМИ ПОДХОДАМИ

← левые		→ правые	
	Группа Глазьева	Группа Явлинского	Группа Гайдара
Вектор идеологический	усиление регулирующей роли государства	либерализм	либерализм
Собственность	банкротство неэффективных предприятий	демонополизация государственной собственности, структурная перестройка экономики в пользу потребительского сектора и обновление технологий.	частичная распродажа государственной собственности

Методы госрегулирования	Снижение огромного НДС и отчислений на соцстрах, активная промышленная и научно-техническая политика государства; формирование институтов развития, поддерживающих высокую инвестиционную активность на перспективных направлениях экономического роста	разгосударствление, развитие предпринимательства и рыночной инфраструктуры, демополизация экономики; создание юридической инфраструктуры для рыночных отношений; сокращение неэффективных производств, сокращение государственных расходов, ликвидация бюджетного дефицита	жесткое ограничение кредитной массы; прекращение практики кредитования государственных финансов центральными банками республик и правопреемником Госбанка СССР
Социальная защита	переквалификация, обучение новым профессиям работников предприятий, подверженных процедуре банкротства	замораживание социальных программ, переобучение работников убыточных предприятий	негативные социальные последствия будут накладываться на одновременно видимые улучшения состояния отдельных секторов потребительского рынка
Внешняя торговля	введение таможенного тарифа, регулирующего разницу между внутренними и мировыми ценами на сырье, товары и энергоносители	предоставление кредитов России, замена безнадежно устаревших технологий во многих отраслях экономики	временная отмена ограничений на импорт, установление нулевого импортного тарифа; снятие количественных ограничений по экспорту готовой продукции, сохранение квоты только на вывоз топливно-энергетических и сырьевых ресурсов

Как следует из представленной таблицы, экспертные подходы групп различались между собой в осуществлении политики либерализации. Если группа Явлинского предлагала в целом меры из области либеральной политики, однако с сохранением достаточно сильной роли государства в сфере контроля над данными процессами, то группа экспертов под руководством Гайдара пошла на жесткую монетаристскую политику сокращения государственных расходов и серьезную либерализацию внешней торговли. Предполагалось, что подобная стратегия поможет в короткий срок решить вопрос снабжения населения продуктами питания, отодвинет страну «от края финансовой пропасти» [Гайдар 1996].

Позиция Глазьева последовательно основывается на сильной роли государства в процессе либерализации. В целом признавая необходимость мер либерализации, Глазьев, тем не менее, исходит из важной регулирующей функции государства. Как видно из представленной таблицы, меры по либерализации прежде всего видятся данным экспертом через создание государством так называемых точек роста — поддержание конкурентоспособных предприятий с целью дальнейшего получения прибыли. В социальной сфере меры по либерализации видятся экспертом через переобучение персонала убыточных предприятий новым профессиям. Для преодоления сложившейся в топливно-энергетическом секторе ситуации, при которой сырье по низким внутренним ценам вывозится за рубеж с целью перепродажи по мировым ценам, Глазьев предлагает введение таможенного тарифа, который регулировал бы данные диспропорции.

Явлинский представляет некое промежуточное положение между Глазьевым и Гайдаром. С одной стороны, данный эксперт выступает за уменьшение роли государства в экономике, в частности за демонаполизацию госсобственности, разгосударствление и развитие предпринимательства. С другой стороны, им поддерживаются, так же как и Глазьевым, меры в области социальной защиты ликвидируемых предприятий в виде переобучения сотрудников на другие профессии. В области внешней торговли группой Явлинского фактически признается роль, которую могут играть правительства иностранных государств, фирмы в экономической жизни России посредством предоставления новых и замены устаревших технологий во многих отраслях экономики.

ЗНАЧИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОДХОДАХ ЭКСПЕРТОВ ПОСЛЕ НАЧАЛА ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

	Группа Гайдара 1992	Группа Гайдара 1993
Вектор идеологический	Либерализм	либерализм
Собственность	частичная распродажа государственной собственности	
Методы гос-регулирования	жесткое ограничение кредитной массы; прекращение практики кредитования государственных финансов центральными банками республик и правопреемником Госбанка СССР	центральный банк должен осуществлять постепенный поворот к более сдержанной денежной политике, ужесточать резервные требования, вводить ограничения на рост объемов кредитования

Социальная защита	негативные социальные последствия одновременно будут накладываться на видимые улучшения состояния отдельных секторов потребительского рынка	«регулируемое вхождение в рынок» — это талоны, очереди, деградация социальной сферы
Внешняя торговля	временная отмена ограничений на импорт, установление нулевого импортного тарифа; снятие количественных ограничений по экспорту готовой продукции, сохранение квоты только на вывоз топливно-энергетических и сырьевых ресурсов	свободный импорт играет роль катализатора в развитии частной собственности

	Группа Глазьева 1993	Группа Глазьева 1994	Группа Глазьева 1995
Вектор идеологический	умеренный либерализм	Центризм	центризм
Собственность		главная задача институциональной политики — создание нового типа хозяйственной организации, которая обеспечивает адаптацию предприятий к новым условиям хозяйствования и стимулирует их к повышению эффективности производства, выбору активной рыночной стратегии по продвижению своей продукции	необходимость создания финансово-промышленных групп для высоко интегрированного производства; снятие ограничений на вертикальную интеграцию в законодательстве в тех отраслях, где она диктуется необходимостью сохранения технологического потенциала
Методы госрегулирования	в нашей экономической структуре отношений реальной конкуренции не возникло, именно поэтому монетарные методы не дают положительного эффекта	в целях подавления инфляции и проведения ценовой политики необходимо разработать механизм соглашений между государством и объединениями товаропроизводителей (цены, объемы выпуска продукции, погашение долгов, предоставление кредитов); разработка государственных пятилетних программ структурной модернизации приоритетных высокотехнологичных отраслей машиностроения	нужна эффективная система обеспечения свободы конкуренции, договорной дисциплины бухгалтерского учета и налогового контроля

Социальная защита	реформирование системы социального страхования в направлении переноса центра тяжести на частные системы социального страхования, обеспечивающие накопление и подкрепленные надежной системой госгарантий	регулирование цен на основные инфляциогенные товары; государственный контроль естественных монополий; меры по изменению политики доходов и контролю над совокупным спросом	восстановление сбережений населения через выпуск облигаций государственного долга, допускающих ограниченную конвертацию в приобретение товаров длительного пользования отечественного производства
Внешняя торговля	сегодня открытость нашей экономики и либеральность нашего внешнеторгового режима — один из наиболее высоких в мире... у нас нет даже законодательства, которое обеспечивает защиту внутреннего рынка в случае возникновения угроз	обосновываются мероприятия по защите российского внутреннего рынка от угроз, вызванных либерализацией внешней торговли... предлагается ввести меры валютного контроля над расходованием валюты как от импорта, так и от экспорта стратегически важных сырьевых товаров	осуществление политики разумной защиты внутреннего рынка от разрушительных проявлений иностранных компаний, ввоза недоброкачественной продукции, подавления перспективных точек роста внутреннего производства

	Группа Явлинского 1992	Группа Явлинского 1994
Вектор идеологический	умеренный либерализм	умеренный либерализм
Собственность	демонополизация государственной собственности, структурная перестройка экономики в пользу потребительского сектора и обновление технологий	решение вопроса о собственности как предпосылка к либеральным реформам, создание предпосылок для формирования эффективного собственника; разрушение технологических монополий
Методы госрегулирования	разгосударствление, развитие предпринимательства и рыночной инфраструктуры, демополизация экономики; создание юридической инфраструктуры для рыночных отношений; сокращение неэффективных производств, сокращение государственных расходов, ликвидация бюджетного дефицита	проведение перестройки экономики (институциональные и структурные изменения — приватизация, вопрос о земле) с тем, чтобы она получила черты рыночной, затем необходимо провести финансовую стабилизацию; демополизация экономики; создание механизма перераспределения ресурсов между отраслями; правительство должно играть активную роль в определении приоритетных отраслей промышленности и формировании будущей промышленной структуры; создание системы государственных и частных банков долгосрочного кредитования; введение «новых денег» в экономику

Социальная защита	замораживание социальных программ, переобучение работников убыточных предприятий	отделение социальной инфраструктуры от государственных и постгосударственных предприятий; государственная поддержка переобучения без отрыва от производства; создание сети малых и средних предприятий
Внешняя торговля	либерализация внешней торговли привела к значительному росту экспортных поставок, к заметному улучшению торгового баланса	острая необходимость в иностранной валюте будет требовать от правительства внимания к добыче нефти и другим отраслям; однако роль этих отраслей должна быть ограничена только обеспечением достаточных экспортных поступлений

ПРОБЛЕМНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ПРИВАТИЗАЦИИ: РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЭКСПЕРТНЫМИ ПОДХОДАМИ

Представленные три подхода к осуществлению приватизации в России различаются между собой. Все они исходят из того, что процесс приватизации необходим. Однако они отличаются механизмами и идеологиями проведения данного процесса. Рассмотрим подробнее отличия между программами.

Акцент программы Глазьева сделан на переходе промышленности к пятому технологическому укладу, который возможен в результате приватизации. Таким образом, произойдет естественное закрытие убыточных и технологически отсталых предприятий, останутся единые технологические цепочки, и все высвободившиеся ресурсы будут направлены на улучшение технологического процесса.

Акцент программы группы Явлинского сделан на контролируемой государством продаже госсобственности любому покупателю, предложившему наибольшую цену за определенное предприятие. Круг участников двух предложенных в программе вариантах такой продажи — аукционе и конкурсе — был максимально широким. Однако преимущественным правом покупки обладал трудовой коллектив предприятия.

Акцент программы Чубайса сделан на наделение госсобственностью всех граждан России посредством раздачи за номинальную плату приватизационных чеков. Таким образом, в стране должен быть создан класс собственников, то есть рационально мыслящих экономических индивидов, созданы экономические предпосылки для дальнейшего развития России в сторону рыночных отношений.

Роль государства в процессе приватизации группы экспертов оценивают по-разному. Так, группа экспертов, возглавляемых Глазьевым, исходит из главенствующей роли государства в процессе приватизации. Государство защищает от разрушения производственных цепочек перспективные производства, создает условия для роста и развития, ограничивает неблагоприятное влияние иностранных инвесторов в виде недобросовестной конкуренции. Обеспечивает постепенное и плавное

вхождение предприятий и населения в рынок, содействует обучению предприятий рыночным механизмам.

Роль государства в программе группы Явлинского — это продавец собственности. При этом под государством разработчиками понимается некая инстанция, интересы которой располагаются выше органов, составляющих государственный аппарат и выполняющих отдельные функции по управлению народным хозяйством. Для того чтобы эти интересы не пересекались, предлагается создать инструменты общественного контроля.

Роль государства в правительственной программе под руководством Чубайса состоит в оценке стоимости государственного имущества, подлежащего процессу приватизации, и безвозмездной передаче этой государственной собственности гражданам России на основе приватизационного чека. Государственные структуры (ГКИ) определяют номинальную стоимость госсобственности, принадлежащей каждому гражданину государства; производят приватизационные чеки, то есть ценные бумаги, подтверждающие право на владение частью госсобственности отдельными гражданами и распространяют эти чеки среди населения страны. Граждане страны, получившие приватизационные чеки, самостоятельно решают, как лучше ими распорядится, вырабатывая рациональное экономическое поведение.

В программе Глазьева введен ряд условий, которые делают участие зарубежных инвесторов в приватизации фактически невозможным. Программа приватизации Чубайса на приватизационном этапе фактически исключает участие иностранных инвесторов. Программа Явлинского дает возможность иностранным инвесторам возможность участвовать в процессе приватизации.

В отношении к энергетике и сырьевому сектору программа Глазьева занимает однозначную позицию о запрете на приватизацию данных отраслей. В тяжелой промышленности подлежат приватизации отрасли, а не отдельные предприятия. Программа Явлинского предусматривает продажу предприятий тяжелой промышленности, естественных монополий, предприятий энергетического сектора экономики в ходе приватизации при сохранении преимущественного права на покупку отдельного предприятия его трудовым коллективом. Программа Чубайса рассматривает возможность приватизации предприятий тяжелой и оборонной промышленности только по специальному разрешению комитета Госкомимущества России, приравненного к рангу министерства, или Правительства Российской Федерации. Предприятия энергетического сектора не подлежали приватизации на ваучерном этапе.

Представленные программы различаются также по общему направлению предлагаемых мер. Так, программа Глазьева предполагает активное участие государства в экономической политике. Фактически государство перераспределяет экономические ресурсы, направляя их на перспективные «точки роста», осуществляет контролируемый переход

к рынку, в ходе которого происходит постепенное обучение рыночным механизмам населения и предприятий.

В программе Явлинского, государство, распродавая собственность, наполняет консолидированный бюджет и постепенно устраняется из экономической сферы. Тем самым оно предоставляет экономическим субъектам взаимодействовать в экономическом пространстве, соблюдая установленные законы. Программа Чубайса также выступает за устранение сильного государственного влияния на политику предприятий, экономическую сферу. Однако субъектами экономической деятельности граждане становятся не добровольно — в результате покупки акций предприятий, — а принудительно, через безвозмездную раздачу ваучеров.

	левые		правые
	←	→	
	Концепция С. Глазьева	Концепция Г. Явлинского	Концепция А. Чубайса
Акцент программы	создание высоко интегрированных финансово-промышленных групп, способных концентрировать ресурсы и формировать внутренние источники накопления	управляемая распродажа государственной собственности за деньги любому покупателю без специфичных запретов и льгот	создание широкого класса собственников
Отношение к роли государства в процессе приватизации	государство — механизм распределения ресурсов, необходимо для постепенного вхождения общества и промышленности в рыночные отношения	государство — продавец собственности; процедура должна быть максимально прозрачной; свободной от региональных и ведомственных интересов	государство безвозмездно передает часть госсобственности во владение гражданам России посредством приватизационных чеков, предоставляя при этом значительные льготы членам трудовых коллективов приватизируемых предприятий
Участие иностранного капитала в приватизации	максимальное ограничение иностранного капитала на участие в приватизации, жесткие протекционистские меры	свободное	в случае провала аукциона или конкурса разрешается продажа предприятий иностранным инвесторам
Отношение к тяжелой промышленности, энергетике, сырьевому сектору	государство должно активно направлять средства в развитие наукоемкой промышленности; естественные монополии и энергетика не подлежат приватизации	смена формы собственности через продажу на конкурсе или аукционе; преимуществом пользуется трудовой коллектив определенного предприятия	предприятия тяжелой и оборонной промышленности подлежат приватизации только по специальному распоряжению ГКИ и Правительства России; предприятия энергетического и сырьевого сектора не подлежат приватизации на первом, ваучерном этапе

Общий вектор предлагаемых мер	активное участие государства в экономической сфере; контролируемый переход к рынку	государство продает принадлежащую ему собственность, вырученные деньги направляет на пополнение бюджета федерального и регионального уровней	создание эффективного собственника; устранение сильного государственного влияния на политику предприятий
-------------------------------	--	--	--

ЗНАЧИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

Вектор	Программа приватизации группы А. Чубайса 1992 г.	Программа приватизации группы А. Чубайса 1995 г.	Программа приватизации группы А. Чубайса 1997 г.
Идеологический акцент программы	создание эффективного собственника	продажа части высокодоходных активов госсобственности эффективному собственнику	точечная продажа активов естественных монополий бизнес-структурам
Собственность: отношение к роли государства в процессе приватизации	государство осуществляет раздачу госсобственности на безвозмездной основе путем раздачи приватизационных чеков	государство — продавец отдельных крупных активов государственной собственности	государство осуществляет предпродажную подготовку отдельного высокодоходного крупного актива (Связьинвест), выставляет его на продажу в ходе аукциона
Методы госрегулирования	законодательно установлены три способа приватизации предприятия	залоговый аукцион — государство выставляет высокодоходные предприятия, находящиеся в госсобственности, под залог крупным банкам и финансовым структурам	аукцион, выбор покупателя, предложившего наибольшую цену
Социальная защита	обучение работников предприятий новым профессиям в случае увольнения или закрытия предприятия		
Оценка результатов	создание в России широкого слоя частных собственников	пополнение федерального бюджета от продажи приватизируемых объектов, вложение средств инвестора в модернизацию предприятий	пополнение федерального бюджета от продажи приватизируемых объектов

Вектор	Программа приватизации группы Г. Явлинского 1991 г.	Программа приватизации группы Г. Явлинского 1995 г.
Идеологический акцент программы	задача приватизации в коренном преобразовании отношений собственности	повышение эффективности приватизированной собственности; постепенное изменение отношений собственности
Собственность: отношение к роли государства в процессе приватизации	государство — продавец собственности; процедура должна быть максимально прозрачной; свободной от региональных и ведомственных интересов	собственность в руках бывших номенклатурных групп; крупные инвесторы путем скупки уже выпущенных акций помогают становлению эффективного собственника
Методы госрегулирования	специальные исполнительные органы (республиканские комитеты по управлению государственным имуществом и аналогичные им органы), которые наделены функциями организационной работы по приватизации госсобственности и оперативно-хозяйственного управления предприятиями, передаваемыми в их ведение	конверсия долговых обязательств предприятий в их акции и их перераспределение; разработка залогового права; покупка Правительством контрольного пакета акций предприятий и прямое участие в управлении; санация предприятий через процедуру банкротства
Социальная защита	работникам приватизируемых предприятий предоставляются дополнительные гарантии по поддержанию социальной инфраструктуры по результатам работы четырехсторонней комиссии	сбор налогов и их направление тем, кто остался без собственности; государство обставляет покупку предприятий таким образом, что новое использование имущества не должно вести к массовой безработице; максимум усилий по недопущению остановки предприятий
Оценка результатов	результат ваучерной приватизации — коллективизация бывшей государственной собственности	данные меры позволят создать эффективного собственника

Вектор	Программа приватизации группы С. Глазьева 1993–1994 гг.	Программа приватизации группы С. Глазьева 1995–1996 гг.
Идеологический акцент программы	активное вмешательство государства в экономическую сферу	активное вмешательство государства в экономическую сферу
Собственность: отношение к роли государства в процессе приватизации	государство должно защитить от уничтожения перспективные производства и создать условия для роста при неблагоприятной макроэкономической конъюнктуре	помощь предприятиям в адаптации, создание благоприятных условий для производственной деятельности
Методы госрегулирования	налоговая политика, разработка пакета законов, передача гос-собственности в доверительное управление, акций государства в распоряжение специально создаваемым инвестиционным фондам	программы, госзаказы, бюджетные ассигнования, стимуляция инновационной активности предприятий, обеспечение доступа к достоверной научно-технической и экономической информации, развертывание информационных систем
Социальная защита	концентрация социальных расходов на адресную поддержку остро нуждающихся и вложения в человеческий капитал, в том числе в переквалификацию кадров	рост благосостояния населения
Оценка результатов	создание точек роста для преодоления кризиса	становление страны на путь эволюционной экономики, то есть смены производственных укладов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позиции экспертов по экономическим вопросам – Гайдара, Глазьева, Чубайса, Явлинского, имевших в целом в советский период времени общие идеологические установки и признаки, позволяющие рассматривать их в терминах одной группы, после распада СССР, в ходе реализации экономической политики в условиях новой российской государственности были подвержены значительной эволюции в противоположных направлениях.

В представленной оси под крайними точками «государство» и «рынок» понимается:

- в случае «государства» — доминирование государственной формы собственности над частной; регулирование цен на большую часть товаров; протекционистские меры по защите внутреннего рынка; активное регулирование сферы бизнеса нормативными актами;
- в случае «рынка» — доминирование частной и смешанной формы собственности над государственной; свободное ценообразование на подавляющее количество товаров; либерализация внешней торговли.

Как следует из схемы (см. схема 1), идеологические позиции Гайдара и Чубайса, участвовавших в процессе принятия решений, последовательно эволюционировали, меняя вектор своего направления от крайне правых позиций (до работы в Правительстве и участия в процессе принятия решений) в сторону центристских позиций (в процессе работы в Правительстве и участия в принятии решений с заинтересованными группами в вопросе либерализации и приватизации). В тот же период времени идеологические позиции Глазьева, участвовавшего в работе Государственной Думы, последовательно эволюционировали в радикально левом направлении. Идеологические позиции Явлинского, также участвовавшего в работе Государственной Думы, тоже последовательно смещаются к центру, обнаруживая приверженность к значительной роли государства в вопросе либерализации цен и приватизации.

Данная эволюция идеологий, направления их изменений, подчинены разной логике развития. С одной стороны, группа экспертов под руководством Гайдара, в дальнейшем — Чубайса, которая была призвана Президентом Б. Н. Ельциным для реализации мер в области экономической политики, исходит из логики политического научения: в ходе процесса принятия решения ей необходимо скорректировать свои базовые подходы, учитывая интересы могущественных групп интересов. В ходе данного процесса изначальные радикальные идеологические установки и положения эволюционируют в сторону более умеренных: из крайне правых переходят на позиции, близкие к центру. Эта тенденция наблюдается в реализации либерализации и приватизации: вступившие в силу положения теряют свои радикальные идеологические аспекты. Позиции же Глазьева и Явлинского, участвующих в работе Государственной Думы, а также в разработке партийных программ, идеологических платформ, существенно эволюционируют влево (в случае Глазьева — в сторону радикализации). Ментальная идеологическая модель данных экспертов исходит из логики максимального дистанцирования от позиции Правительства и позиций экспертов по экономическим вопросам, работающих в нем. Данная позиция, занятая по способам решения ключевых вопросов в экономической политике, позволяет их партиям получить дополнительных сторонников и голоса

на выборах.

Таким образом, примерно общая ментальная модель социально-экономических преобразований, сложившаяся в воззрениях экспертов по экономическим вопросам, которые находились на периферии политической борьбы до непосредственного реформирования, во времена СССР, претерпела значительные изменения в разных идеологических направлениях в процессе реформирования. Направления эволюции идеологии — от радикализма к центризму и наоборот — были обусловлены разными позициями экспертов, прежде принадлежавших к общей группе. Воззрения экспертов, принимавших участие в принятии решений в Правительстве, эволюционировали к центристским позициям. Воззрения экспертов, участвовавших в работе Государственной Думы, тяготели к радикализму или оставались на неизменных позициях, однако эти эксперты всегда максимально дистанцировались от идеологических подходов экспертов, работавших в Правительстве Российской Федерации.

В условиях экономики переходного типа с неустоявшимися социальными и политическими институтами экономические идеологии подвержены частым изменениям: на протяжении одного десятилетия может смениться несколько подходов к социально-экономическому развитию. Россия имеет ряд черт, выделяющих ее в ряду других стран с переходной экономикой: длительность существования коммунистического режима, масштаб территории, значительный объем экономики, слабая укорененность капиталистических отношений и частной собственности в предшествующие периоды развития. Вопрос о том, является ли случай эволюции экономических идеологий в России закономерным для всего постсоветского пространства — бывших союзных республик, стран-сателлитов СССР в Центральной и Восточной Европе — является предметом дальнейших исследований, выходящих за рамки данной работы.

Однако сложившаяся в России политическая система задает институциональные рамки, в которых протекает политический процесс. Именно институциональные рамки обуславливают эволюцию идеологических подходов экспертов по экономическим вопросам. Группы экспертов, работавших на ключевых должностях в Правительстве Российской Федерации, оказались в центре процесса принятия решений и смягчили свои радикальные идеологические подходы в ходе политического научения — согласований своих позиций с могущественными группами интересов.

Эксперты, ставшие лидерами партий, партийными идеологами, наоборот, склонны идти на радикализацию своих изначальных идеологических установок, исходя из логики межпартийной конкуренции. Однако вследствие институционального контекста сложившейся в России политической системы группе экспертов, осуществлявших свою деятельность в представительном органе власти — Государственной Думе, трудно было

воплотить свои предложения в реальной экономической политике.

Представляется, что при ином политическом институциональном дизайне — с большими полномочиями законодательных органов власти и возможностями политических партий — эволюция их экономических идеологий подчинялась бы другой логике развития. Тогда благодаря партийному представительству в парламенте и Правительстве, формируемому на основе парламентского большинства, было бы более ясно, насколько идеологические подходы и экономическая политика, осуществляемая Правительством, находят свое понимание и поддержку в обществе. Такое изменение политического институционального дизайна внесло бы значительные коррективы в отношения между политической элитой и обществом. Таким образом, был бы сделан большой шаг к развитию демократических процедур в России и выработке идеологии курса экономических реформ, разделяемого как политическими элитами, так и обществом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрефф 2004 — Андрефф В. Российская приватизация: подходы и последствия. *Вопросы экономики*. — 2004. — № 6. — С. 57–78.
2. Васильев 1992 — Васильев Д. Российская программа приватизации и перспективы ее развития. *Вопросы экономики*. — 1992. — № 9. — С. 11–17.
3. Васильев 2006 — Васильев С. Чубайс очень отпирался от идеи идти в политику // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2006. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2006/10/03/vasilyev.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
4. Гайдар 1990a — Гайдар Е. *Экономическая реформа: причины, направления, проблемы*. — М.: Экономика, 1990.
5. Гайдар 1990b — Гайдар Е. *Экономические реформы и иерархические структуры*. — М.: Наука, 1990.
6. Гайдар 1995 — Гайдар Е. *Записки из зала*. — М.: Евразия, 1995.
7. Гайдар 1996 — Гайдар Е. *Дни поражений и побед*. — М.: Вагриус, 1996.
8. Гайдар 2006 — Гайдар Е. Откуда пошли реформаторы // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2006. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/06/gaidar.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
9. Глазьев 1993 — Глазьев С. О курсе экономических преобразований // *Российский экономический журнал*. — 1993. — № 4.
10. Глазьев 1996a — Глазьев С. *За критической чертой (О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны)*. — М.: Российский экономический журнал, 1996.
11. Глазьев 1996b — Глазьев С. Как добиться экономического роста? (макродинамика переходной экономики: упущенные возможности и потенциал улучшения) // *Российский экономический журнал*. — 1996. — № 5–6. — С. 3–21.
12. Глазьев 1998 — Глазьев С. *Геноцид*. — М.: Терра, 1998.
13. Глазьев 1999 — Глазьев С. *Мы долго молча отступали.... Сборник статей и интервью*. — М.: Терра, 1999.

14. Глазьев 2001 — Глазьев С. *Кто в стране хозяин. Сборник статей.* — М.: Олма-Пресс, 2001.
15. Глазьев 2005 — Глазьев С. Политика социальной справедливости и экономического роста // *Российский экономический журнал.* — 2005. — № 11–12. — С. 74–100.
16. Глазьев 2006а — Глазьев С. *Либеральные реформы в России: правда и вымысел* / Препринт WP11-2006-04. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
17. Глазьев 2006б — Глазьев С. Никто не думал, что развитие страны пойдет так // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2006. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/26/glazьев.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
18. Григорьев 2006 — Григорьев Л. *Хронология реформ* / Препринт WP11-2006-01. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
19. Дмитриев 2007 — Дмитриев М. Никто не мог поручиться за то, что будет с Россией // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2007. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2007/05/16/zmeinka.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
20. Дмитриева 2006 — Дмитриева О. *Когда стала близка возможность реализации — все и посыпалось...* // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2006. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2006/11/14/dmitrieva.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
21. Иваненко 1992 — Иваненко С. Приватизация 1992: планы и реальность // *Независимая Газета.* — 1992. — 10 янв.
22. Кох 2007 — Кох А. *Они прекрасно понимали, что будут спасателями следующего поколения политиков* // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2007. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/01/23/kokh/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
23. Ослунд 1996 — Ослунд А. *Россия: рождение рыночной экономики.* — М.: Республика, 1996.
24. Попова 2007 — Попова Е. Программные стратегии и модели электорального соревнования на думских и президентских выборах 1995–2003 // Гельман В. (ред.). *Третий электоральный цикл в России, 2003 — 2004.* — СПб: издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
25. Радаев 2000 — Радаев В. *Экономическая социология: Курс лекций.* — М.: Аспект-Пресс, 2000.
26. Сабатье 2008 — Сабатье П., Дженкинс-Смит Х. Концепция лобби — коалиций: оценка // Н. Данилова и др. (ред.). *Публичная политика: от теории к практике.* — СПб.: Алетейя, 2008.
27. Уринсон 2006 — Уринсон Я. *Экономические реформы: взгляд из министерства экономики* / Препринт WP11-2006-03. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
28. Федоров 1999 — Федоров Б. *10 безумных лет.* — М.: Совершенно секретно, 1999.
29. Чубайс 1990а — Чубайс А. *Венгерский опыт реформирования хозяйственного механизма.* — Л.: Знание, 1990.
30. Чубайс 1990б — Чубайс А. Кризис экономической реформы в СССР и сценарии развития // А. Чубайс и др. (ред.). *Социально-экономические проблемы хозяйственной реформы: Сборник научных трудов.* — Л.: ЛИЭИ, 1990.
31. Чубайс 1999 — Чубайс А. *Приватизация по-русски.* — М: Вагриус, 1999.
32. Шевцова 1999 — Шевцова Л. *Режим Бориса Ельцина.* — М.: РОССПЭН, 1999.

33. Широнин 2006 — Широнин В. *Это никогда не было написанием советов Господу Богу* // Полит.ру [Электронный ресурс]. — М., 2006. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2006/10/06/shironin.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
34. Явлинский 1995 — Явлинский Г. *Экономика России: наследство и возможности*. — М.: Эпицентр, 1995.
35. Явлинский 1999 — Явлинский Г. *Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990—1999)*. — М.: Эксмо, 1999.
36. Явлинский 2008 — Явлинский Г. *О логике экономических реформ* / Препринт WP11-2006-07. — М.: ГУ — ВШЭ, 2008.
37. Явлинский, Иваненко 1991 — Явлинский Г., Иваненко С. Концепция государственного регулирования приватизации в СССР // РОДП «ЯБЛОКО» [Электронный ресурс]. — М., 1991. — Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Themes/Privat/privat-12.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
38. Явлинский, Ярыгина 1990 — Явлинский Г., Ярыгина Т. *Потери и компенсации*. — М.: Недра, 1990.
39. Appel 2000 — Appel H. The Ideological Determinants of Liberal Economic Reforms: The Case of Privatization. *World Politics*, vol. 52, 2000, № 4, p. 520—549.
40. Appel 2004 — Appel H. *A New Capitalist Order: Privatization and Ideology in Russia and Eastern Europe*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004.
41. Budge, Robertson, Hearl 1987 — Budge J., Robertson D., Hearl D. *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analysis of Post — War Election Programs in 19 Democracies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
42. Downs 1957 — Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row, 1957.
43. Enelow, Hinich 1984 — Enelow J. Hinich M. *The Spatial Theory of Voting: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
44. Hoffman 2002 — Hoffman D. *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia*, New York: Public Affairs, 2002.
45. Jenkins-Smith 1990 — Jenkins-Smith H. Analytical Debates and Policy Learning: Analysis and Change in the Federal Bureaucracy, *Policy Sciences*, 1990, vol. 21, N 2, p. 169—212.
46. Jenkins-Smith 1991 — Jenkins-Smith H. Alternative Theories of the Policy Process: Reflection on Research Strategy for the Study of Nuclear Waste Policy, *Political Science and Politics*, 1991, vol. 24, N 2, p. 157—166.
47. Jenkins-Smith 1993 — Jenkins-Smith H., Sabatier P. Evaluating the Advocacy Coalition Framework, *Journal of Public Policy*, 1993, vol. 14, p. 175—203.
48. Rabinowitz, McDonald 1989 — Rabinowitz G., McDonald S. A Directional Theory of Issue Voting, *American Political Science Review*, 1989, vol. 83, № 1, p. 91—121.
49. Sabatier 1998 — Sabatier P. The Advocacy Coalition Framework: Revisions and Relevance for Europe. *Journal of European Public Policy*, 1998, vol. 5, N 1, p. 98—130.
50. Sabatier 1999 — Sabatier P. (ed.). *An Advocacy Coalition Lens on the Environmental Policy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
51. Schleifer, Treisman 2000 — Shleifer A., Treisman D. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Становление и развитие местного самоуправления в России в 1990-е годы **(на примере инициатив городов Сибири)**

Институт местного самоуправления является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, одним из важнейших элементов федеративного демократического устройства и служит твердой гарантией обеспечения прав граждан на участие в управлении [Конституция 2008]. Особую роль этот институт играет в процессе формирования гражданского общества, являясь его механизмом и неотъемлемой частью. Попытки проведения либеральных реформ конца XX века, кардинально изменивших социальное и политическое устройство России, не привели к образованию устойчивых и дееспособных территориальных сообществ, стремящихся к самоуправленческой активности. В современных российских условиях остро встает вопрос о выборе наиболее эффективных для нашей страны форм самоорганизации и самоуправления населения на местах.

В настоящее время на уровне государственной власти постоянно подчеркивается важность роли местного самоуправления в общественно-политической жизни страны. Еще в бытность своего президентства Б. Н. Ельцин, выступая на заседании Государственного совета по местному самоуправлению, высказал такое мнение: «Несмотря на известные всем нам трудности, мы постепенно приучаем органы государственной власти в России к простой мысли: местное самоуправление – важнейшая опора демократии» [РГ 1997, 1 окт.]. Содержание данного тезиса не теряет своей актуальности и в 2010-е годы в части тех многих нереализованных потенциалов, которые заложены в местном самоуправлении. Наличие на сегодняшний момент комплекса нерешенных проблем на местах, берущих свое начало с 1990-х годов, говорит о незавершенности процесса формирования полноценного и эффективного местного самоуправления в Российской Федерации.

Во второй половине 1990-х и в течение 2000-х годов появилось обилие исследований местного самоуправления, носящих исторический, политологический, социологический, экономический и юридический

характер. В работах А. А. Акмаловой, Л. С. Аникина, И. В. Бабичева, С. В. Бондарева, А. А. Васецкого, Л. В. Гильченко, В. Н. Иванова, А. В. Кружкова, М. Н. Матвеева, Д. В. Нечаева, А. В. Новокрещенова, В. В. Пылина, О. А. Салова, С. В. Самодина, Д. А. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, Г. А. Цветковой, А. Н. Широкова и ряда других авторов уделяется внимание социокультурным традициям местного самоуправления на разных этапах развития российского общества, исследуются конституционно-правовые основы местного самоуправления в России, анализируются социально-экономические проблемы муниципалитетов [см.: Акмалова 2002; Аникин 1997; Бабичев 2004; Бондарев 2009; Васецкий 2004, 2006, 2007; Гильченко 1995, 1997, 1998; Иванов 2001; Кружков 2004, 2005; Матвеев 2005, 2006; Нечаев 2008; Новокрещенов 2009; Пылин 1999; Салов 2002; Самодин 2007; Тихонов 2001; Тощенко 2006; Широков 1998]

В диссертации историка М. Н. Матвеева [Матвеев 2006] выявлено, что экономические проблемы и неустойчивость власти отодвигали местное самоуправление в течение всех 1990-х годов на второй и даже третий план государственной политики. Не имея прочной финансовой основы, муниципальные образования в подавляющем своем большинстве вынуждены были признать вторичность местного самоуправления перед государственными структурами, отказываясь от самостоятельности. В результате, как считает автор, произошла четкая ориентация руководителей местного самоуправления не на граждан, а на государственную власть. В статье Д. А. Тихонова отмечено, что, несмотря на успехи в становлении местного самоуправления в 1990-е годы (формирование законодательной базы и электоральная легитимация муниципальных лидеров), его политико-правовой статус оставался спорным, в первую очередь для федерального центра [Тихонов 2001, 34]. В контексте политической конфликтологии опыт развития местного самоуправления рассмотрен А. А. Васецким [Васецкий 2007]. Он правомерно считает, что постсоветская история являет нам широкий спектр политических конфликтов в сфере местного самоуправления, которые требуют своего осмысления и систематизации [Васецкий 2006, 204]. В исследованиях А. В. Кружкова констатируется, что проводимая с конца 1980-х годов реформа местного самоуправления все еще не привела к утверждению в России реальных форм народовластия. Основные причины этого, по мнению автора, кроются в том, что реформа управления в целом проводится без активного участия гражданских институтов общества, поспешно, непоследовательно [Кружков 2005, 178]. Л. В. Гильченко, проследивая основные исторические этапы становления и развития самоуправления, определил, что постсоветское местное самоуправление в России должно пройти 3 стадии: организационно-правовую, экономическую и социально-психологическую. Последовательное преодоление этих стадий позволило бы сформировать полноценное и сильное местное самоуправление в будущем [Гильченко 1998]. Политолог Д. В. Не-

чаев приходит к выводу, что в современной российской институциональной организации местного самоуправления сочетаются отдельные черты либерально-автономного англосаксонского, государственного континентального и советского паттернов, то есть она имеет смешанный характер. По мнению автора очевидной является тенденция к усилению системообразующей роли государственного паттерна [Нечаев 208, 20–21].

Следует признать, что в изучении становления местного самоуправления 1990-х годов в меньшей мере разработана проблема вовлеченности различных групп и слоев общества, политических акторов в процесс муниципального правотворчества как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

В названии исследования есть понятие «становление», обозначающее определенную первичную фазу динамического процесса, при которой создается некая основа возможного. Понятие «развитие» дает новые качества этой основе, сохраняющей заложенные параметры. Некоторые авторы говорят о том, что в 1990-е годы институт местного самоуправления насаждался «сверху». На наш взгляд, нельзя говорить утвердительно о доминировании императивного метода внедрения новой модели местной власти в постсоветский период. Этот процесс был многогранным и характеризовался вовлечением в оформление института местного самоуправления широкого круга субъектов правовой инициативы. На столь коротком отрезке времени в условиях сложной политической обстановки невозможно было достичь быстрых результатов. Перед властями различного уровня и обществом наравне с решением экономических, социальных вопросов стояла задача выработки оптимальной организационно-правовой модели местного самоуправления, соответствующей демократическим принципам.

В представленной статье предпринята попытка политико-правового анализа изменений муниципального законодательства 1990-х годов, определение вектора правового творчества в сфере местного самоуправления. В силу дифференцированного развития территорий России, постперестроечный период обозначился появлением разнообразных региональных моделей самоуправления. Сибирь в силу культурных и социально-экономических особенностей имеет собственный уникальный опыт построения системы местной власти. Важнейшим звеном этой системы выступает городское самоуправление. Урбанизированные территории сосредоточивают основные источники развития локальной самоорганизации, поскольку в городах концентрируется гражданская и политическая активность населения⁵. Раскрытие региональных особенностей процесса становления городского самоуправле-

⁵ Известные западные историки-правоведы (Э. Аннерс, Г. Берман и др. [см.: Аннерс 1994; Берман 1998]) обосновывают идею о том, что именно городское самоуправление является одним из первоисточников права.

ния в контексте изучения коллективных правотворческих инициатив повышает ценность исследования.

Для достижения цели исследования привлечен широкий круг источников. Всю использованную источниковую базу можно разделить на несколько основных групп: делопроизводственная документация, законодательные и нормативные акты Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований, сборники опубликованных документов, периодические и специализированные издания.

В процессе работы изучались отчетные документы органов городского самоуправления, обнаруженные в государственных и муниципальных архивах. В исследовании использовались стенографические отчеты заседаний Новосибирского городского совета народных депутатов (Новосибирский городской архив, фонд 745), Новосибирского областного Совета депутатов (Государственный архив Новосибирской области, фонд 700), Кемеровского городского совета (Архивный отдел администрации города Кемерово, фонд 1), отчеты о работе исполнительной дирекции Ассоциации сибирских и дальневосточных городов (Новосибирский городской архив, фонд 33). Автор оказался первым исследователем, проводившим работу с документами, хранящимися в Архивном отделе администрации Барнаула (стенограммы Барнаульской городской Думы (Фонд 6)), образованном в 2005 году. Наряду с неопубликованным источниками анализировались нормативно-правовые документы о местном самоуправлении в СССР, РСФСР, Российской Федерации, материалы центральной, региональной и местной печати, воспоминания современников, общественных политических деятелей России, Сибири конца XX — начала XXI века, а также статистическая и справочная литература.

§ 1. РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И ПЕРЕХОД К МУНИЦИПАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ В ГОРОДАХ

Мировая практика показывает, что развитие муниципального управления имеет принципиальное значение для всего общества, его политических институтов, развития демократии, формирования социального облика. Современная модель развития обществ — от тоталитарных, организованных «сверху», к организации «снизу» за счет самоорганизации и саморазвития местных сообществ, делегирующих часть своих полномочий и ресурсов федеральному центру, — становится определяющей на пути общественного прогресса. И хотя сегодняшние политические проблемы часто могут требовать личных решений, вся долгосрочная политика — особенно всякая демократическая долгосрочная политика — должна разрабатываться в рамках институтов самоуправления [Поппер 1992, 153].

Только в 1988 году руководство КПСС, провозгласив бесперспек-

тивность бесчисленных акций по «повышению роли» *Советов*, впервые официально заявило о целесообразности развития института самоуправления в стране. Но развитие местного самоуправления мыслилось в рамках Советов. Выступая с докладом на 12-й сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, М. С. Горбачев подчеркнул, что «необходимо энергично прокладывать путь к местному самоуправлению как совокупности форм представительной и непосредственной демократии под эгидой местных Советов» [Горбачев 1988, 27].

В результате реализации этой установки в 1990–1991 годах сформировался пакет союзного и республиканского законодательства о местном самоуправлении. Первым законодательным актом стал Закон СССР от 9 апреля 1990 года «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйствования в СССР» [Закон СССР 1990], который в систему государственного управления вводил местное самоуправление. Этот закон определял местное самоуправление как самоорганизацию граждан для решения непосредственно и через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц на основе законов и соответствующей материальной базы. Основными структурами местного самоуправления провозглашались представительные органы местных Советов народных депутатов. Организация местного самоуправления строилась на основе принципа полновластия Советов. Местные Советы, являясь органами государственной власти, избирались гражданами непосредственно. Одним из основных принципов определялось сочетание местных и государственных интересов в деятельности Советов. Законом предусматривалось, что местные Советы различных уровней были вправе по взаимному соглашению перераспределять между собой отдельные полномочия в области социального и экономического развития территории с учетом местных демографических, экономических условий и национальных особенностей.

Городам, поселкам, сельским населенным пунктам в целях наиболее эффективного осуществления своих интересов предоставлено было право объединяться в ассоциации [Митрохин 1999, 28–29]. Стоит отметить, что межгородские ассоциации сыграли важную роль в разработке муниципального законодательства 1990-х годов. Реальный процесс формирования межмуниципальных объединений берет свое начало с середины 80-х годов XX века, задолго до законодательного оформления института межмуниципального сотрудничества и появления как такового термина «муниципалитет»⁶ в российской правовой науке.

Первое межмуниципальное объединение было создано по инициа-

⁶ Муниципалитет — производное от слова «муниципий» (лат. *municipium* от *munus* — дар, обязанность, служба и *сарио* — беру). Муниципиями в Древнем Риме считались города, свободное население которых получало в полном или ограниченном объеме права римского гражданства и самоуправление.

тиве сотрудников Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского отделения Академии наук СССР. В поселке Листвянка Иркутской области 28–30 октября 1986 года проводился семинар-совещание советских и хозяйственных руководителей сибирских городов «Взаимодействие территориальных и ведомственных органов управления в развитии социальной сферы», собравший председателей исполкомов 23 городов Сибири [Народный депутат 1991b, 31]. По итогам совещания было принято решение о создании Ассоциации сибирских городов (АСГ) в качестве секции Сибирского отделения Советской социологической ассоциации. Главной задачей АСГ, в дальнейшем переросшей в Ассоциацию сибирских и дальневосточных городов (АСДГ), было провозглашено содействие экономическому и социальному развитию сибирских городов путем соединения усилий местных Советов и науки. Создание АСДГ привлекло внимание как местных, так и центральных властей. В Совете Министров РСФСР такая «самодеятельность» вызвала недовольство. Однако в ЦК КПСС к этой инициативе ученых и практиков отнеслись положительно [Бородкин 1997b, 97].

Первоначально наряду с учеными в состав АСДГ вошли председатели исполкомов 14 городов Сибири и Дальнего Востока. К началу 1990 года насчитывалось уже 73 члена ассоциации [Кузбасс 1990, 11 янв.], к 1991 году — 84 [Вечерний Новосибирск 1991, 13 фев.]. Ее членами стали многие исполнительные комитеты Советов народных депутатов Кемеровской, Иркутской, Новосибирской, Омской, Томской, Читинской и Амурской областей; Алтайского, Красноярского и Приморского краев; Бурятской, Тувинской и Якутской АССР. Состав ассоциации непрерывно расширялся, и она стала играть заметную роль в выработке предложений по совершенствованию городского управления [Зеленцов 2009]. В этот период начинается этап бурного развития межмуниципального сотрудничества в России. В 1990 году появляется Союз городов Северо-Запада России, в 1991 — Ассоциация Юга России, Союз Российских городов. Последнее из упомянутых городских движений стало первым общероссийским союзом местного самоуправления⁷. Предпосылкой для объединения служила объективно сложившаяся ситуация психологической неготовности представителей местного самоуправления самостоятельно решать новые проблемы, в том числе правовые, организационные, социальные, экономические и финансовые. По замыслу реформаторов местной власти ключевыми игроками в объединительных процессах городов должны были стать Советы как основные органы местного самоуправления.

Как известно, после первых альтернативных выборов в местные

⁷ Подробнее об этом пишется в аналитическом докладе «Новейшая история межмуниципального движения в России (конец 80-х — начало 2000 года)», подготовленном фондом «Институт экономики города» [Новейшая история... 2004, 58–66].

представительные органы в 1990 году Советы заметно политизировались⁸. Народные избранники в первую очередь сосредоточились на дележе управленческих постов как внутри депутатского корпуса, так и в структурах исполнительной власти. Весомые полномочия депутатов предопределили развитие конфликта внутри горсоветов, сочетавших в себе одновременно представительские и исполнительные функции органов власти. Данные трения усугублялись ситуацией в центре. Политическое противостояние между Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным и Верховным Советом РСФСР отразилось и на становлении местного самоуправления. Зачастую этот конфликт разделяли исполнительные и представительные органы местных Советов.

Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» [Закон РСФСР 1991] (далее — Закон № 1550-1) не смог снять противоречий между исполкомами и Советами. Отметим, что одним из ведущих разработчиков Закона № 1550-1 был Г. С. Жуков — народный депутат РСФСР от Томской области [Красное знамя 1990, 20 марта]. Возглавляя Комитет по вопросам Советов народных депутатов и развитию самоуправления, он приложил немало усилий для ускоренного принятия закона о местном самоуправлении. Жуков резко критиковал идею создания вертикали исполнительной власти, независимой от Советов, и настаивал на усилении связи депутата Верховного Совета с местными Советами [Красное знамя 1991, 31 янв. и 8 мая]. Ученые Ассоциации сибирских и дальневосточных городов — Ф. М. Бородин, В. М. Пушкарёв, Е. Е. Горяченко, И. А. Векшина, А. Н. Костюков также принимали самое активное участие в подготовке проекта закона в качестве экспертов Верховного Совета РСФСР [НГА-1]. Закон № 1550-1 давал новое понятие местного самоуправления. Оно рассматривалось как система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и иных особенностей, на основе Конституции РСФСР и законов РСФСР, конституций и законов республик в составе РСФСР. В результате, как справедливо отмечает Н. С. Бондарь, законодатель придал местному самоуправлению «государственно-общественный» характер, а фактически — государственный [Бондарь 1991, 80]. В структуру местного

⁸ В результате выборов в местные Советы РСФСР в 1990 г. складывалась сложная политическая ситуация. Антикоммунистические силы одержали победу на общероссийском и городских уровнях. Прокоммунистические — на уровне субъектов Федерации и в сельской местности. Похожее положение выявилось и в Сибири. Позиции антикоммунистов в горсоветах стали усиливаться лишь в 1991 г., когда часть депутатов вышла из рядов КПСС, а в составах депутатских корпусов более четко оформились партийно-политические структуры. После исключения из Конституции РСФСР ст. 6, закреплявшей за КПСС роль ведущей политической силы в стране, влияние коммунистов в местных представительных органах власти ослабло. В такой обстановке горсоветы превращались в арены политического противостояния между сторонниками либерализации и консерваторами.

самоуправления входили как общественные образования, органы территориального общественного самоуправления населения, так и государственные органы.

В системе органов местного самоуправления появился новый элемент — местная администрация. Местный Совет как коллегиальный орган внешне сохранял ведущее положение в системе местного самоуправления, но в то же время потерял многие свои полномочия. Администрация, чья деятельность организовывалась по принципу единоначалия, получала существенные исполнительно-распорядительные полномочия. Усилению исполнительной власти способствовало и введение Законом № 1550-I поста главы местного самоуправления — администрации, который получал мандат от населения непосредственно. Таким образом, глава администрации приобретал статус первого должностного лица местного самоуправления. Это закладывало основу будущего конфликта в системе отношений Совет — местная администрация, председатель Совета — глава администрации.

С появлением Закона № 1550-I можно говорить о первых попытках идентифицировать издание местных правовых актов как самостоятельный вид правотворчества. Так, согласно ч. 1 ст. 7 Закона № 1550-I местные Советы и соответствующие органы управления наделялись собственной компетенцией. При этом органы государственной власти и управления (ч. 4 ст. 7 Закона № 1550-I) не вправе были самостоятельно принимать к своему рассмотрению вопросы, относящиеся к компетенции органов местного самоуправления. В соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона № 1550-I органы государственной власти и управления края, области, автономной области, автономного округа не вправе были принимать не предусмотренные законодательством решения, регламентирующие деятельность органов местного самоуправления.

Вместе с тем в нормах указанного закона прослеживался административный стиль управления в отношениях с органами местного самоуправления, на что обращают внимание муниципальные эксперты [Алешкова 2011, 59]. Так, ограничение вмешательства органов государственной власти в решение вопросов местного значения, установленное ч. 4 ст. 7 Закона № 1550-I, не распространялось на случаи, предусмотренные законом, когда это могло быть сделано в интересах обеспечения государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья населения, защиты прав и свобод граждан. Кроме того, согласно ч. 11 ст. 18 Закона № 1550-I решения местного Совета, не соответствующие законодательству, могли быть отменены вышестоящим Советом народных депутатов, а акты местной администрации, противоречащие законодательству и решениям местного Совета, могли быть отменены вышестоящим исполнительно-распорядительным органом (ч. 4 ст. 33 Закона № 1550-I). Совершенно очевидно, что уже само наличие вышестоящих государственных орга-

нов предполагало подчиненность органов местного самоуправления и являлось административным ограничением их самостоятельности. Административная вертикаль на данном этапе сохраняла свое доминирование, а правотворчество органов местного самоуправления осуществлялось под строгим контролем государства.

На практике такое положение закрепилось после событий августа 1991 года, когда в столице страны разразился путч, и наметился перелом в противоборстве системы исполнительных и представительных органов власти. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин 25 ноября 1991 г. издал Указ № 239 «О порядке назначения глав администраций» [Указ Президента 1991b], согласно которому все звенья исполнительных органов власти вошли в единую систему исполнительной власти. Осенью 1991 года были приостановлены, а затем и отменены выборы глав местных администраций (их стали назначать руководители областей, краев).

Таким образом, стала создаваться вертикаль исполнительной власти, звенья которой – главы администраций – практически полностью зависели от того, кто их назначал и освобождал от должности, то есть от вышестоящего руководства. Фактически статус местных администраций и их глав был выведен за рамки целого ряда норм Закона № 1550-I, прежде всего в части подотчетности местной администрации и ее главы перед Советом и населением [Бабичев 2004, 75]. По своему правовому, да и фактическому статусу глава местной администрации стал скорее представителем государства на территории соответствующего Совета, чем субъектом местного самоуправления. Прописанный законом правовой механизм сдержек и противовесов внутри системы местной власти был существенно нарушен [Местное самоуправление... 2003, 9].

Мы солидарны с мнением Е. Г. Анимицы, что этим президентским актом низовую исполнительную власть вывели из-под контроля Советов. Одновременно было сделано все для того, чтобы не сложилось единой системы представительных органов и каждый уровень власти функционировал сам по себе [Анимица 1998, 115–120]. Указ Президента № 239, а также Постановление Съезда народных депутатов № 1830-1 от 1 ноября 1991 года [Постановление Съезда 1991] устанавливали приоритет актов исполнительной власти перед законами. Иерархия нормативных правовых актов была фактически нивелирована. Тем самым был сделан первый шаг на пути к возвышению роли указов Президента.

Руководители административных центров Сибири выразили поддержку новой системе исполнительной власти в РСФСР. Глава города Барнаула В. Н. Баварин последовательно поддерживал политику Президента Б. Н. Ельцина и активизировал сотрудничество с антикоммунистическими политическими организациями. На одном из заседаний горсовета он высказал мнение, что «только Б. Н. Ельцин в состоянии сплотить и повести по пути реконструкции Россию и Союз» [Алтайская правда 1991, 19 окт.]. На совещании председателей городских и

районных Советов и исполкомов, проходившем осенью 1991 года в Алтайском крае, В. Н. Баварин посчитал целесообразным назначить глав администраций. Во-первых, при проведении выборов кампаний, по его мнению, наблюдался повсеместный абсентеизм избирателей. Во-вторых, сами выборы очень дорого обходились местному бюджету [Алтайская правда 1991, 18 окт.]. В подтверждение тезиса о дороговизне муниципальных выборов на одной из сессий городского Совета Томска было отмечено, что избирательная кампания по выборам мэра приблизительно могла обойтись бюджету города в 50 млн рублей [Красное знамя 1992, 29 дек.]⁹.

В целом реформа исполнительной власти 1991 года коснулась низовых структур Советов в меньшей мере. Это показали и совещания областных руководителей Сибири в Новосибирске (11 октября), Иркутске (26 октября) [Советская Сибирь 1991, 6 нояб.]. Следует согласиться с мнением А. Я. Сливы, что города, наиболее активно поддерживавшие демократические силы на выборах 1989–1990 годов и позицию российского руководства в дни августовского путча, действительных прав самоуправления так и не получили [Слива 1992, 64]. Но приобрели некоторый карт-бланш перед органами власти субъектов Федерации, которые либо отмолчались, либо осторожно поддержали ГКЧП [Васецкий 2004, 161].

Политические процессы, развернувшиеся на федеральном уровне, усиливали конфликтную обстановку в городских структурах власти. Это накладывало определенную ответственность на народных избранников. Большинство из них были не в состоянии уделять депутатской работе столько времени, сколько требовалось. Усугубляло рабочую обстановку в представительных органах усиление политизации горсоветов. Среди административных центров Сибири данные тенденции проявлялись более отчетливо в Новосибирске [Пучкин 2003].

Промоздки по численности городские Советы не всегда были в состоянии оперативно принимать решения. Сами депутаты не раз высказывались за сокращение численности городских собраний. Так, председатель комиссии по местному самоуправлению Кемеровского горсовета О. Н. Масленников, приводя в пример «компактный» 35-местный городской парламент многомиллионного Нью-Йорка, предлагал сократить общую численность депутатского корпуса Кемерова с 200 до 150 человек [АОА Кемерова], а его коллега депутат В. П. Дегтярев настаивал на образовании в городе «Муниципального Совета», в который вошло бы всего 60 депутатов [Кемерово 1991, 12 дек.].

Население Сибири в ситуации форсированного перехода к рыночным отношениям относилось с недоверием к местным властям. Социологический центр изучения общественного мнения «Сибирский соци-

⁹ В пересчете на американскую валюту это сумма в декабре 1992 г. равнялась 120 000\$.

ум» 14–15 декабря 1991 года провел опрос, выявивший степень доверия к руководству РСФСР и местным органам власти накануне проведения экономической реформы. В опросе участвовало около 1000 человек, представлявших взрослое городское население Сибири и Дальнего Востока. Опрос по Новосибирску, Кемерову, Красноярску, Иркутску, Хабаровску дал следующие результаты. На вопрос «Кому из местных властных структур вы доверяете больше всего?» респонденты ответили: «край (обл.) совету» – 10%, «представителю президента» – 20%, «главе местной администрации» – 10%, «никому не доверяю» – 39%, затруднились ответить – 21% [Сибирская газета 1991, № 52]. На вопрос «Как вы считаете, способны ли местные структуры успешно провести экономическую реформу?» лишь 16% респондентов дали положительный ответ, 30% затруднились ответить [Сибирская газета 1991, № 52].

Одним из возможных более действенных рычагов влияния населения на городские и районные Советы, а депутатов на местную исполнительную власть могли стать советы микрорайонов как институты самоуправления, которые функционировали и в доперестроечные времена. Данные образования постепенно трансформировались в органы территориального общественного самоуправления – ТОСы. Возникнув на стыке 1980–1990-х годов, ТОСы были надеждой строящегося заново местного самоуправления в России. Прежние органы советского народного самоуправления – домовые и уличные комитеты, общественные советы – весьма мало влияли на принимаемые властью решения и дела на своей территории [Матвеев 2005, 356]. По мнению исследователей и участников процесса, создание ТОСов было широко-масштабным государственно-правовым экспериментом, проводимым под партийным началом впервые в Москве, а затем распространенным на всю Россию [Левчик 2000, 48]. При этом деятельность ТОСов, с одной стороны, стимулировала развитие самоуправления гражданского общества в стране, а с другой – содействовала процессу, как показал опыт Москвы, номенклатурной приватизации, созданию класса предпринимателей, обогатившегося на операциях с районной и бесхозной собственностью¹⁰.

Одной из первых структур ТОС перестроечного периода стал Комитет общественного самоуправления (КОСМ) микрорайона Братеево в Москве, известность которого прокатилась по всей стране благодаря активности экологических инициативных групп в 1988 году. Весьма символичным стал тот факт, что 8 марта 1989 года в Братеево состоялся многотысячный митинг с участием Б. Н. Ельцина (первый митинг подобного рода в Москве) [Левчик 2000, 42]. Действия коми-

¹⁰ По определению Д. А. Левчика, «территориальное общественное самоуправление – механизм решения общественной организацией, действующей на определенной территории, проблем территории при возможном делегировании этой организации части прав органа государственной власти и/или управления».

тета самоуправления на публичном мероприятии были расценены советско-партийными властями как «экстремизм». Как известно, чуть позже Б. Н. Ельцин стал народным депутатом СССР, избравшись по национально-территориальному округу № 1, где ему оказали поддержку активисты КОСМ Братеево.

Своеобразный опыт становления ТОС имел место в сибирских городах. В Новосибирске советы микрорайонов как вариант ТОС возникали примерно в одно время с демократическими политическими организациями (Демократическая платформа)¹¹. Еще в декабре 1989 года в соответствии с решением XIII сессии райсовета Кировского района Новосибирска «Об образовании микрорайонов и Советов общественного самоуправления» 170-тысячный район был поделен на 23 микрорайона [Вечерний Новосибирск 1990, 17 апр.], где и создавались низовые структуры самоуправления. При формировании советов микрорайонов в Новосибирске немалая роль принадлежала горсовету. Постоянная депутатская комиссия по самоуправлению и внешним связям Новосибирского горсовета ставила перед собой задачу пропаганды и внедрения опыта по созданию и деятельности советов микрорайонов. Курировал всю работу исполняющий обязанности председателя комиссии депутат В. Н. Рубан [Советская Сибирь 1992, 17 окт.]. Для этого в городе было разработано положение «О территориальном общественном самоуправлении в Новосибирске» от 11 августа 1992 года [Новосибирские новости 1992, 8–10 сент.], существовали также ранее созданные положение о совете микрорайона и примерный устав [Советская Сибирь 1991, 10 янв.]; все вместе эти документы дополняли федеральный закон о местном самоуправлении.

В других городских территориях Сибири советы микрорайонов, как и в Новосибирске, тоже начали создаваться в конце 1980-х годов, но «в порядке эксперимента», о чем свидетельствовал, например, опыт Барнаула [Петров 2000, 4]. Первым нормативным актом стало Положение «Об общественном самоуправлении микрорайонов города Барнаула», утвержденное 19 июня 1990 года Президиумом Барнаульского городского Совета народных депутатов. Одним из самых известных советов микрорайонов Барнаула в начале 1990-х годов был Петровский территориальный общественный совет самоуправления под председательством депутата городского Совета Г. Г. Белых [Алтайская правда 1992, 21 нояб.]. Идеолог барнаульского движения ТОС, председатель райисполкома Железнодорожного района Барнаула Ю. М. Петров в интервью отмечал: «За советами микрорайонов будущее, с них и начинается самоуправление» [Алтайская правда 1990, 26 окт.]. К лету 1992 года в Барнауле было зафиксировано пять советов самоуправления: Побед-

¹¹ Более подробный анализ становления ТОС в городах Сибири опубликован автором в журналах «Федерализм» [Зеленцов 2007] и «Вестник томского университета» [Зеленцов 2008b].

ный, Советский, Петровский, Матросовский и Червонный. Появились 2 инициативные группы в Ленинском и Индустриальном районах. Инициаторами организации самоуправления становились депутаты разных уровней [Алтайская правда 1992, 3 июля]. Для сравнения, в Новосибирске как самом крупном муниципальном образовании России, включающем 10 городских районов, в это же время существовало свыше 50 советов самоуправления [Новосибирские новости 1992, 8–10 сент.; НГА-2].

Несколько иные попытки выстраивания низового уровня городского самоуправления предпринимались в Кемерове. Они во многом были обусловлены инициативами глав городских районов. Для усовершенствования районного управления Кемерова были созданы административные округа. Проект положения об округах готовился более года, в его создании принимали участие главы и общественность первых округов Ленинского района. Округа объединяли по 2–3 микрорайона. Управление округом представляло собой корпорацию управленцев – администрацию округа. Самой низовой ступенью в цепочке территориального самоуправления в Кемерове были старосты дома. Суть создания округов заключалась в том, что административные округа, подчиняясь непосредственно главе города, постепенно вытеснили бы районные администрации и Советы. Активным разработчиком окружной системы местного самоуправления была юрист И. А. Векшина, входившая в Комиссию по деятельности Советов, развитию форм управления и самоуправления Кемеровского областного Совета в качестве научного консультанта [Кузбасс 1991, 31 июня; Народный депутат 1991а, 43].

Концепция проекта об округах и о развитии процесса самоуправления вызвала неоднозначную оценку. По мнению депутата Кировского районного Совета В. Г. Жирова, при создании округов усиливалась вертикаль муниципальной исполнительной власти в городе [Кемерово 1992, 27 окт.]. В этом смысле терялся весь смысл подотчетности, заложенный в Законе «О местном самоуправлении в РСФСР». Сохранялся принцип формирования власти сверху. При этом происходило дублирование властных функций на всех уровнях. Похожая схема территориального самоуправления была предложена в городах Урала Кургане и Магнитогорске, где в 1993 году планировалось ликвидировать городские районы и децентрализовать городское управление за счет микрорайонных советов [Кириллов 1996, 21]. В условиях децентрализации власти эта идея представлялась весьма продуктивной, хотя ее применение возможно было, скорее всего, лишь в рамках городов средней численности. В дальнейшем окружная система не получила должного развития в Кемерове.

Первая половина 1990-х годов стала начальным этапом формирования территориального общественного самоуправления. Структура

ТОС на данном этапе была децентрализованной, соответственно и специфика деятельности территориальных ассоциаций не направлялась из единого центра. При определенных преимуществах, которые были связаны с таким устройством, зачастую слабая координация с органами местного управления не позволила развиваться многим из основанных тогда органов ТОС. Общая направленность политического процесса в городах, централизация городского управления после 1991 года, нерешенность вопросов собственности и финансов, невключенность в реальную структуру управления привели к упадку общественной активности в этой сфере. Некоторые лидеры ТОС смогли интегрироваться в общую систему городского управления, разорвав свои связи с формами общественной самоорганизации, другие ушли из политико-управленческой сферы. Ограничение прав институтов общественного самоуправления в начале 1990-х годов внесло свой вклад в процессы снижения самоуправленческой активности [Демин 2002].

К началу 1993 года материалы Сибири представляют следующую картину реформирования системы местной власти. Процессы становления местного самоуправления в сибирских городах наталкивались примерно на те же проблемы, которые стояли перед городскими самоуправлениями других регионов России. По сути, с 1990 по 1993 год правовая основа местного самоуправления почти каждодневно корректировалась и не могла обрести своего стабильного состояния. На этом отрезке событий прослеживалась тенденция усиления административного начала в городском самоуправлении. Главы местных администраций становились фактически проводниками воли высших исполнительных органов государственной власти. Громоздкость и слабая приспособленность местных Советов к постоянно изменяющимся политическим и экономическим условиям не позволяла в полной мере перестроить советскую власть на демократических основах в начале 1990-х годов. Большинство местных Советов не отличалось эффективностью своей работы. Советы как попытка воплощения идей соединения управленческих начал и самоуправленческой инициативы народных масс себя не оправдала.

Без разрушения системы Советов как единой государственной конструкции реформа местной власти не могла продвигаться дальше. Администрация Президента взяла на вооружение модель, которая рассматривает местное самоуправление как систему власти, выделенную из системы органов государственной власти и противостоящую ей в определенной степени. В теории местного самоуправления она называется англо-саксонской моделью и базируется на таких концептах, которые обосновывают необходимость ограничения вмешательства государства в дела коммуны (общины). Другая теория — континентальная — видела органы местного самоуправления продолжением государственной власти [Черник 1996, 4]. Ее сторонниками являлись умеренные рефор-

маторы, группу которых возглавлял председатель Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов.

Следует отметить, что население сибирского региона не отторгло радикальную реформаторскую политику. Это подтвердили результаты всероссийского референдума, проведенного в апреле 1993 года. Голосование по вопросам референдума в Сибири состоялось повсеместно и прошло без эксцессов. Активность избирателей была высока. На участки в регионе пришли 61,72% избирателей (по России в целом 64,08%) [Российские регионы... 1995, 9; Советская Россия 1993, 10 июня]. Президентская сторона выиграла референдум со значительным запасом прочности. В Сибири Президенту было оказано серьезное доверие, и лишь в Алтайском крае результаты референдума для Б. Н. Ельцина были неблагоприятными. По второму вопросу — отношение к социально-экономической политике правительства — одобрение было получено лишь в Томской области.

Реформируемая советская система власти в стране вступала в противоречие с новыми институтами. Переход к муниципальной модели управления в рамках конституционной реформы 1993 года был сложен. Президентская сторона взяла курс на интенсивное внедрение англосаксонской модели местного самоуправления с тем, чтобы опираться на органы муниципалитетов крупных городов. Указ Президента Российской Федерации № 1400 от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [Указ Президента 1993] вызвал резкий протест со стороны многих руководителей областных советов. Так, в выступлении на сентябрьской сессии Верховного Совета Российской Федерации председатель Кемеровского облсовета А. Г. Тулеев заявил, что сессия Кемеровского областного Совета признала действия Б. Н. Ельцина государственным переворотом. Он говорил о необходимости опереться на поддержку Советов в регионах и подчеркивал, что «если не будет Верховного Совета, вас не будет через неделю... Не будет ни городских, ни областных, ни районных Советов» [Пихоя 2007, 455]. Дальнейшие события доказали его правоту.

Вскоре начался сложный и неоднозначный процесс реорганизации органов местной представительной власти. В ряде территорий указания центра игнорировались, и хотя Советы нижних ступеней были распущены, а их единая система распалась, но на областном и краевом уровне прежние органы продолжали функционировать. В середине октября 1993 года в Сибири сложилась новая политическая ситуация. Позиции левых в органах представительной власти резко ослабили или вовсе были утрачены. Однако эти силы сохранили свое влияние на массы и многие возможности действия внутри властных структур. Областные руководители Сибири пытались противостоять процессу ликвидации местных Советов. В ответ на президентские акции в отношении представительных органов власти от высшего до местного уровня,

29 сентября 1993 года в Новосибирске прошло политическое совещание, на которое съехались представители Малых Советов 14 республик, краев и областей Сибири и Дальнего Востока [Советская Сибирь 1993, 3 окт.; Алтайская правда 1993, 2 окт.]. Этот съезд был создан в целях разрядки сложившейся внутривнутриполитической обстановки в России. После совещания в Новосибирске состоялся митинг, где выступавшие политики коллективно осудили действия Б. Н. Ельцина и предложили создать Сибирскую республику [Российские вести 1993, 1 окт.; Советская Сибирь 1993, 3 окт.]. Но центральным властям удалось пресечь эту кампанию и не дать ей серьезного дальнейшего хода. После «всесибирского совещания» Президент Б. Н. Ельцин своим Указом от 5 октября 1993 года отстранил от исполнения обязанностей губернатора Новосибирской области В. П. Муху за совершение действий, направленных на неисполнение Указа № 1400 [Новосибирские новости 1993, 7–9 окт.]. На должность исполняющего обязанности главы администрации Новосибирской области был назначен И. И. Индинок, который, будучи мэром Новосибирска, активно участвовал в деятельности либерально ориентированных политических организаций города. Этот фактор во многом и определил выбор Б. Н. Ельциным кандидатуры на пост губернатора Новосибирской области.

В целом по итогам опросов, проведенных Институтом социально-политических исследований РАН в регионах Центральной России, Урала и Западной Сибири, отношение населения к Советам народных депутатов к ноябрю 1993 года выглядело следующим образом. За сохранение Советов высказалось 10%, за упразднение — 34%, за реформирование — 29%, затруднились ответить на данный вопрос 26% от общего числа респондентов [Реформирование России... 1994, 298]. Такая картина свидетельствовала о расколе общественного мнения по поводу дальнейшего реформирования представительных органов управления и самоуправления.

Новой вехой в становлении местного самоуправления в России стало принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, которая окончательно закрепила право граждан на местное самоуправление. В Конституции впервые провозглашалось, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12). Специальная глава VIII «Местное самоуправление» (ст. 130–131) установила основополагающие принципы, раскрывающие понятие местного самоуправления, его основы, формы осуществления, пределы действия, полномочия по важнейшим вопросам, гарантии.

По результатам референдума о принятии Конституции в целом в Сибири, как показали результаты голосования, главный нормативный документ одобрила примерно половина голосовавшего населения. Так, в Новосибирской области проект «Ельцинской» Конституции поддержали 51,52% голосовавших, при участии 50,89% избирателей региона [Ко-

зодой 2001, 7]. В Кемеровской области за Конституцию проголосовали 64% пришедших на референдум избирателей [Не последние пять лет... 1994, 274], в Ленинске-Кузнецком — 68,3%, Мысках — 59,2%, Юрге — 49% [Кузбасс 1993, 14 дек.]. В Алтайском крае «за» основной документ Российской Федерации высказались 50,1% голосовавших [Алтайская правда 1993, 25 дек.]. В Томске референдум по голосованию «за» или «против» новой некоммунистической Конституции России не состоялся. На избирательные участки города при установленном пороге явки 50% пришло только 39% списочного состава [Дмитриенко 2003, 310]. Поскольку за основу Конституции был принят президентский вариант, результаты декабрьского референдума показали, что сибиряки занимали двойственную позицию по отношению к политике Б. Н. Ельцина.

Таким образом, в начале 1990-х годов в регионе, как и на территории всей страны, была предпринята попытка реорганизовать местную власть на принципах местного самоуправления. Результатом реформы местных органов власти должны были стать более самостоятельные и обоснованные мероприятия городских властей по экономическому, социальному, культурному развитию территории. Однако процессу реформирования помешал ряд негативных факторов.

Политическая нестабильность, неопределенность, активная борьба за власть — на союзном, а позднее и на российском уровне — нашли свое отражение и в регионах Сибири. С одной стороны, в условиях политического кризиса областные и краевые власти старались сохранить вертикаль в управлении, оказывая давление на городские Советы, с другой стороны, сами местные Советы в начале 1990-х годов сильно политизировались и ушли от вертикального контроля. С этого времени роль администрации города возросла, поскольку именно она занималась текущим управлением городским хозяйством и решала проблемы реформирования и адаптации городской экономики к рыночным условиям. Итогом же такой ситуации стал роспуск представительных органов власти в стране. В интервью алтайским журналистам заместитель начальника государственно-правового управления администрации Президента Российской Федерации А. Я. Слива разъяснил суть реформы советской системы управления: «Эти органы не только не уничтожаются, предпринимаются попытки сделать их более эффективными. Это реформирование должно “продвинуть” к формированию местного самоуправления как важнейшего пласта, на котором во многом живет гражданское общество. Это движение к четкому разграничению функций и полномочий между всеми уровнями власти» [Алтайская правда 1993, 16 окт.].

Однако население и сами региональные и городские управленцы не до конца понимали сущность муниципальной реформы. Говоря о необходимости дать больше самостоятельности городам, на практике власти серьезно ограничили эту самостоятельность. В первой полови-

не 1990-х годов принципы местного самоуправления в городах Сибири реализовывались слабо.

§ 2. ФЕДЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРАВОВТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ

С середины 1990-х годов просматриваются позитивные тенденции к переосмыслению места органов самоуправления в системе российской власти. Местное самоуправление России в своем развитии вступило в новую фазу становления. Важную роль в этом сыграли теоретические и политические дискуссии вокруг трех проектов Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 года [ФЗ 1995]. Первый проект закона предлагался Президентом и Правительством Российской Федерации; второй вариант – группой депутатов под руководством И. В. Муравьева; третий проект принадлежал группе депутатов, возглавляемой А. А. Долгополовым [Гильченко 1998, 40–41]. По существу при подготовке закона между собой конкурировало два проекта: президентский и депутатский. В депутатском варианте в отличие от президентского проекта весомая роль в системе местного самоуправления отводилась именно представительным органам [Авакьян 1995, 18–20].

Одним из значимых событий в процессе разработки закона о местном самоуправлении явилось Всероссийское совещание в Москве, проходившее 17 февраля 1995 года [Всероссийское совещание... 1995]. На нем при широком участии политиков, глав местных администраций, общественных деятелей и научных экспертов обсуждались пути и проблемы становления местного самоуправления в стране. Однако данное совещание не было должным образом освещено в печатных периодических изданиях. Например, только в газетах «Российские вести» и «Российская газета» появились скромные заметки по результатам проведения совещания. Было опубликовано выступление В. С. Черномырдина, который отметил, что «переход от практически государственного управления к местному самоуправлению должен целенаправленно поддерживаться государством» [Российские вести 1995, 18 февр.; РГ 1995, 21 февр.]. Участники февральского совещания рекомендовали депутатам Государственной Думы принять за основу проект федерального закона, подготовленный Правительством и Президентом Российской Федерации [Российская газета 1995, 18 февр.].

Комитет Госдумы по вопросам местного самоуправления в ответ на эти проекты к середине 1995 года получил от региональных властей, муниципалитетов, от федеральных органов власти, депутатов Федерального Собрания Российской Федерации и научной общественно-

сти в общей сложности около 2400 заключений и более 1000 предложений и поправок от 87 субъектов Федерации [Гильченко 1995, 36].

Весьма важен факт, что первый вариант закона (президентский) поддержала такая организация, как Союз российских городов (СРГ). Президент СРГ В. А. Кирпичников говорил, что «в стране практически не используется объединительный потенциал российских городов, объективно работающих на интеграцию и стабильность государства» [Всероссийское совещание... 1995, 66]. К процессу разработки федерального законодательства о местном самоуправлении были подключены и муниципалитеты Сибири. Ассоциация сибирских и дальневосточных городов поддержала президентский вариант закона. Поскольку после событий октября 1993 года представительные органы на уровне местного самоуправления были оттеснены от рычагов реальной власти, а в составе АСДГ к тому моменту было велико влияние руководителей местных Советов, главы городских администраций фактически стали основными действующими членами ассоциации. Как отмечал вице-президент ассоциации Р. В. Бабун, пункты президентского проекта отражали требования именно администраций городов [Новосибирские новости 1995, 11 марта]. К ним, в частности, относилась статья, устанавливавшая, что территорию местного сообщества составляют все земли, находящиеся в ведении данного сообщества независимо от форм собственности и целевого назначения. Другой «одобренный» пункт закреплял право органов местного самоуправления на самостоятельное определение перечня объектов муниципальной собственности, закрепление возможности передачи местному сообществу на безвозмездной основе предприятий, находящихся в госсобственности.

Столь длительный путь от проекта до закона объясняется жестким противостоянием сторонников и противников местного самоуправления как в субъектах федерации, так и в Правительстве, Совете Федерации, администрации Президента Российской Федерации. В конечном итоге после напряженной борьбы и преодоления Госдумой «вето» Совета Федерации [Болтенкова 1995, 25–26] Президент России подписал 28 августа 1995 года Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 154-ФЗ) [ФЗ 1995]. Под влиянием сообщества муниципальных политиков в нем удалось провести такой вариант норм и принципов построения местного самоуправления, который вполне может быть признан демократическим, хотя закон и приобрел по отдельным направлениям рамочный характер.

Принятый закон в своем содержании, с одной стороны, признавал местное самоуправление как независимый институт власти, с другой – представлял его как переходную (эклектичную) модель, сохранявшую некоторые традиции советской системы местных органов государ-

ственной власти [Лапин 2000, 160]. Закон № 154-ФЗ установил порядок реализации прав граждан на местное самоуправление, предоставил населению широкую свободу в выборе форм его осуществления, определил структуры. В законе были четко разграничены полномочия органов местного самоуправления и органов государственной власти. Устанавливались обязательные прямые выборы населением органов муниципальных представителей.

Принцип разнообразия конкретных форм реализации конституционного права на местное самоуправление, отражающее интересы граждан и местную специфику, который закладывался в федеральный закон, имел серьезные основания. Он позволял, в частности, выбирать оптимальные модели, исходя из реального социально-экономического положения страны и ее регионов, и гибко реагировать на перемены в этом положении.

Однако практика реализации данного принципа (и федеральный закон позволил это сделать) привела к искажению не только принципов местного самоуправления, но и его конституционных основ. Типичным стало постепенное укрупнение муниципальных образований, а значит, ослабление связи населения с властью. К концу 1990-х годов в 6 субъектах Федерации муниципальные образования существовали только на уровне административных районов, в 37 субъектах — на уровне районов и городов и только в 23 — на уровне районов, городов и сельских округов [Настольная книга... 2009, 37]. Такое многообразие было обусловлено свободой законотворчества субъектов Федерации и в этом вопросе, поскольку регламентация данных правоотношений относилась федеральным законом именно к их компетенции.

Сформированная идеология Закона № 154-ФЗ в значительной мере подкреплялась Федеральной программой государственной поддержки местного самоуправления. Сибирские муниципалы принимали активное участие в ее разработке. В целях согласования проведения реформы местного самоуправления и реализации Закона № 154-ФЗ Указом Президента Российской Федерации от 24 августа 1995 года был образован Совет по местному самоуправлению при Президенте Российской Федерации [Указ Президента 1995]. В состав Совета были включены президент АСДГ В. А. Толоконский, вице-президенты Б. А. Говорин (мэр Иркутска) и Р. В. Бабун [Российская Федерация 1995, 44]. В 1998 году в обновленный состав Совета от Сибири вошли председатель Читинской областной думы В. Е. Вишняков и глава городского самоуправления Омска, президент АСДГ В. П. Рошупкин [Указ Президента 1998], в 1999 году — В. Н. Баварин (мэр Барнаула), В. П. Ведерников (мэр Уссурийска), А. С. Макаров (мэр Томска), В. В. Михайлов (мэр Кемерова) [Указ Президента 1999]. Задачей Совета по местному самоуправлению являлась разработка государственной политики в области местного самоуправления. Решения Совета носили рекомендательный характер,

оформлялись протоколами заседаний, проводившихся не реже одного раза в два месяца, и направлялись Президенту Российской Федерации [Совет по местному самоуправлению... 1999].

На протяжении второй половины 1990-х годов происходили сложные и противоречивые процессы, связанные как с началом практической реализации Закона № 154-ФЗ, так и с развитием самого института местного самоуправления. На местное самоуправление влияли различные общероссийские политические силы. Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Я. Гельман выделяет четыре группы акторов по отношению к моделям местного самоуправления в российском политическом сообществе 1990-х годов [Гельман 1998].

1. «Управленцы» — главным образом представители федеральной бюрократии, для которых основным содержанием реформы местного самоуправления являлось как минимум сохранение эффективного контроля над деятельностью низовых звеньев управленческой иерархии (В. С. Черномырдин).

2. «Утилитаристы» — в основном представители политических группировок в федеральной власти, для которых сильное и независимое от региональных органов власти местное самоуправление представлялось инструментом, который мог быть использован в целях перераспределения властных ресурсов в рамках проведения курса реформ в целом (С. М. Шахрай, А. Б. Чубайс).

3. «Ресоветизаторы» — представители КПРФ и ее сторонники, после октября 1993 года взявшие на вооружение лозунг «восстановления Советов», артикулируемых прежде всего в русле антипрезидентских и антиправительственных инвектив. В ряде случаев эта группа вынуждена была — вопреки идейной ориентации — выступать сторонниками «общественной» модели местного самоуправления.

4. «Самоуправленцы» — в основном представители той части демократической общественности, которая, придя в политику на волне преобразований конца 1980-х — начала 1990-х годов, пыталась реализовать идеи самоуправления как института гражданского общества (в его позднекоммунистическом варианте противостояния государству) в сочетании с идеями представительного правления и разделения властей. Этот лагерь был наиболее разрозненным: среди фракций и групп, представленных в Государственной Думе Российской Федерации, к нему относились «Яблоко», Демократическая партия России, большая часть «Регионов России».

Практика реформирования местного самоуправления второй половины 1990-х годов выявила поочередное доминирование именно «утилитаристского» и «управленческого» подходов в проведении муниципальной политики в стране. Что же касается таких сил, как «самоуправленцы», то для них институт местного самоуправления являлся стратегической опорой в достижении идеалов гражданского общества

и правового государства, но организационная разрозненность этой группы политиков, малый «удельный вес» в российских властных структурах давали мало шансов на реализацию их стратегии. Кроме того, повлияла неготовность российских граждан к самоорганизации. Низкая значимость ценностей местного самоуправления в массовом сознании делала весьма проблематичным широкое развитие местного самоуправления «снизу», на основании общественной активности [Бордкин 1997].

При определении интересов политиков в сфере местного самоуправления (как и в ряде других сфер) следует иметь в виду следующее. Решение этих проблем (при всей их значимости для политической жизни страны) отнюдь не являлось (по крайней мере, для общероссийских акторов) вопросом жизни и смерти. Их выживание на политической сцене зависело от других сфер политики, прежде всего, хотя и не только, электоральной. В силу этого для ряда общероссийских акторов реформа местного самоуправления и проблемы муниципальной автономии находились на периферии их интересов и не имели для них существенного значения. Таким образом, те общероссийские акторы, которые играли весьма важную роль в политике в иных сферах, применительно к местному самоуправлению ничем особым себя не проявили [Гельман 2008, 49]. Интересы муниципальной политики носили для них подчиненный характер, в то время как для акторов регионального и особенно местного уровня эти интересы являлись приоритетными.

На уровне государственной власти субъектов Федерации ход реализации реформы местного самоуправления имел несколько сценариев развития. По практическому формированию полноценного местного самоуправления как процессу, организуемому и направляемому государством, все субъекты Федерации делились примерно на три группы, объединенные отношением их руководителей не к той или иной системе построения местного самоуправления, а по включению общественного элемента (населения) в систему управления территорией и решения местных проблем [Гильченко 1997, 21–22; Он же 1995, 41–42].

Первая группа («поддержки»): субъекты Федерации, руководители которых осознавали роль самоуправления в стабилизации политической и экономической обстановки в регионе и рассматривали эффективно функционирующую систему самоуправления как опору органов государственной власти субъекта Федерации и их руководства во взаимоотношениях с центром при однозначном отсутствии сепаратистских устремлений. Для данных регионов дальнейшая реализация реформирования местных органов власти представляла предмет согласования интересов и разграничения компетенции Федерации, ее субъекта и муниципальных образований на его территории.

Ко второй группе («пассивного сопротивления») относилось большинство субъектов Федерации, руководители которых прагматично двигались «в русле общей политики» и не демонстрировали «особой» позиции. Разработка нормативных актов ограничивалась закреплением статуса органов государственной власти и условиями формирования органов местного самоуправления, регламентация же вопросов обеспечения деятельности органов местного самоуправления откладывалась под предлогом неготовности федерального законодательства.

И наконец, третью группу так называемого «активного сопротивления» составляли субъекты Федерации, руководители которых декларировали и осуществляли «особый путь» под прикрытием псевдонациональной или псевдореформаторской риторики. Законодательная база здесь, как правило, противоречила федеральному законодательству либо не разрабатывалась, представительные органы местного самоуправления избирались частично либо не были избраны¹², местные органы власти составляли единую систему исполнительной власти и не могли являться опорой федерального центра в проведении реформы.

Провинциальные политики на местном и региональном уровнях в 90-е годы XX века стали осваивать трудно адаптируемые к российским условиям европейские стандарты и технологии. Была произведена попытка соединить провинциальную политико-правовую ментальность, стандарты образа жизни малых и средних российских городов с государственно-правовыми технологиями европейского и американского образца [Бондарев 2009, 36].

В Сибири на политику в отношении местного самоуправления значительное влияние оказывала «управленческо-ресоветизаторская» группа политических акторов. Руководство краев и областей занимало в основном позицию «пассивного сопротивления» муниципальным реформам [Зеленцов 2008а, 156–163].

Принцип самостоятельности местного самоуправления, отраженный в федеральном законодательстве, включил право на издание муниципальных актов. В соответствии со ст. 19 Закона № 154-ФЗ органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления по вопросам своего ведения принимают (издают) правовые акты. При этом была закреплена возможность «народной правотворческой инициативы» (ст. 25), согласно которой

¹² В качестве примера можно привести опыт Кемеровской области. В период с осени 1993 г. до весны 1996 г. в городском самоуправлении Кемерова отсутствовала представительная власть, причем, как и во многих других городах Кузбасса. Одна из причин этого явления видится в том, что губернатору Кемеровской области М. Б. Кислюку, находившемуся в конфликтных отношениях с региональным парламентом, хотелось устранить на долгое время еще один контролирующий орган в административном центре Кузбасса. По этому поводу областная прокуратура не раз отсылала запросы в федеральные структуры, но восстановить конституционный порядок в городе не удавалось [Зеленцов 2006, 160; Шугрина 1997, 40].

проекты правовых актов по вопросам местного значения, внесенные населением в органы местного самоуправления, должны были обязательно рассматриваться на открытом заседании с участием представителей населения, а результаты рассмотрения — официально опубликовываться (обнародоваться). Возможность принятия правового акта непосредственно населением прямо была предусмотрена только в отношении устава муниципального образования (ч. 2, ст. 8, ст. 22, 24). Вступление в силу Закона № 154-ФЗ стимулировало разработку типовых уставов городов Сибири экспертами АСДГ. Исполнительная дирекция ассоциации сформировала группу разработчиков из ученых Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, которая действовала в контакте с Министерством по делам национальностей и региональной политике (Миннац) [Советская Сибирь 1995, 15 нояб.]. Ассоциацией были подготовлены рекомендации по разработке законов субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении [ГАНО] и два проекта типового устава местного самоуправления: один представлен Миннацем, другой — учеными СО РАН. Типовые уставы предполагали разные модели городского самоуправления, соответствующие группам городов с определенными социально-экономическими условиями [Новая сибирская газета 1996, 9 февр.].

Практически одновременно с разработкой и принятием Закона № 154-ФЗ в городах Сибири развернулась работа над проектами уставов — главных городских нормативных документов. Обратимся к правотворческому опыту Новосибирска. В Новосибирске разработка уставных документов велась еще с начала 1990-х годов. Так, в августе 1991 года, после принятия Закона «О местном самоуправлении в РСФСР» Новосибирский горсовет народных депутатов создал Комиссию по разработке устава г. Новосибирска. К началу 1992 года были подготовлены 2 проекта документа: один выполнен группой специалистов под руководством заместителя горсовета О. П. Гонжарова, другой — коллективом экспертов во главе с первым заместителем горисполкома В. Ф. Городецким [Гонжаров 2000]. В январе 1992 года, после ухода И. И. Индинка с поста председателя горсовета была сформирована новая комиссия. В 1993 году по новому проекту устава состоялись общественные слушания. Но в октябре 1993 года по Указу Президента местные представительные органы были распущены, а проект устава был отправлен в архив. Депутаты первого созыва приступили к этой работе в начале 1994 года. В отличие от своих предшественников они сумели в рекордно короткие сроки подготовить проект устава [Новосибирские новости 1994, 4–11 нояб.]. Для разработки проекта городской «конституции» Новосибирска была образована рабочая группа, куда вошли эксперты мэрии и Городского собрания В. А. Толоконский, А. В. Цихоцкий, А. А. Беспаликов, О. П. Гонжаров, Л. Н. Дядченко, А. П. Журавков, В. Г. Кривошеков, А. А. Маньков, А. М. Карелин, Г. В. Налимов,

С. Ю. Петин, М. С. Санников, В. П. Сысоев и Г. К. Чулинин [Вечерний Новосибирск 1995, 12 окт.].

Разработчиками документа проводилась большая работа: изучались опыт различных городов России и зарубежных стран, рекомендации ученых, методические материалы комитетов по местному самоуправлению федерального парламента, соответствующих профильных министерств, предложения АСДГ. К работе над проектом устава были привлечены специалисты Сибирской академии государственной службы. По инициативе специально созданной депутатской комиссии проект документа пять раз обсуждался на сессиях Городского собрания. Новосибирскими депутатами обрабатывалось несколько вариантов городских нормативно-правовых актов, в их число вошли проекты уставов Екатеринбурга, Тюмени, Новокузнецка, городская хартия города Сент-Пол (США), а также документы, разработанные учеными Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и отдельными депутатами горсовета [НГА-3].

В результате этих усилий была определена модель самоуправления – по мнению ее разработчиков, наиболее приемлемая и эффективная в условиях крупного российского города. Подготовленный проект городского устава был опубликован в газете «Вечерний Новосибирск» для обсуждения населением [Вечерний Новосибирск 1995, 20 июля]. В ходе дискуссии жителями Новосибирска было внесено более трехсот поправок, но ни одна из них принципиально не меняла предложенной модели городского самоуправления [Новосибирская область... 1997, 51]. 118 поправок были учтены и приняты депутатами [Вечерний Новосибирск 1995, 12 окт.]. В процессе нормотворчества в Новосибирске перед разработчиками вставали три основные проблемы. Первая – обеспечение независимости деятельности, в частности возможность участвовать депутатам в работе городских органов исполнительной власти. Вторая – права и обязанности районных администраций. Третья – механизм принятия поправок. В этом механизме закладывалось решение двух первых проблем.

Доработанный с учетом замечаний и предложений жителей устав Новосибирска в итоге включал себя 77 статей, изложенных в 12 главах. На основании решения постоянной комиссии по вопросам самоуправления от 29 сентября 1995 года № 16 «О проекте Устава города Новосибирска», а также в соответствии с Законом № 154-ФЗ устав был принят Городским собранием 5 октября 1995 года. На сессии Городского собрания из 15 присутствующих депутатов 14 проголосовало «за», 1 «воздержался» [НГА-4].

По-иному разрабатывалась городская «конституция» Кемерова. Перед принятием основного нормативного документа в Кемерове проходил ряд мероприятий, включавших обстоятельное обсуждение проекта устава городской общественностью. Полный проект устава

впервые был представлен жителям города в газете «Кемерово» от 2 ноября 1995 года. В основу опубликованного проекта легли концепции уставов таких городов, как Новосибирск, Томск, Калуга, Красноярск, Тюмень [Кемерово 1995, 2 нояб.], принимался во внимание и типовый устав города, разработанный администрацией Кемеровской области. С данным документом могли ознакомиться многие горожане, так как специальный выпуск был распространен через почтовые службы по всем домам и квартирам города. Городские власти вели агитацию, призывая кемеровчан к активному участию в разработке устава, организовывались встречи и собрания на предприятиях города.

В отличие от Новосибирска, где подобный документ в меньшей мере обсуждался общественностью на страницах газет и был, по существу, рожден в недрах представительного органа, власти Кемерова дали возможность горожанам высказать свое мнение. Для доработки положений устава и наиболее полного учета предложений и замечаний был образован коллегиальный орган – Совет представителей городских общественных объединений. Обсуждение устава городской общественностью состоялось в коллективе фирмы «Токем» под руководством В. А. Ратницина – одного из членов группы разработчиков документа [Кемерово 1995, 16 нояб.]. Затем в городской администрации Кемерова был организован «круглый стол». В дискуссии принимали участие представители практически всех социальных слоев города: промышленники, студенты, преподаватели, ученые, учителя, профсоюзные работники, ветераны ВОВ, разработчики устава. Во время обсуждения подвергся критике проект устава, предложенный депутатами областного законодательного собрания В. И. Налетовым и Л. П. Сергачевым. Основное замечание свелось к тому, что вариант, предлагавшийся депутатами, являлся типовым уставом для всех городов Кемеровской области, а не учитывал конкретную специфику Кемерова. В общей сложности в разработке главного городского нормативно-правового документа участвовало более 70 трудовых коллективов и общественных формирований [Кемерово 1995, 23 нояб.].

В процессе обсуждения проекта устава Кемерова вносилось множество изменений, в результате первоначальный объем документа был значительно сокращен. Второй вариант проекта устава был опубликован в газете «Кемерово» от 30 ноября 1995 года. Поправки устранили явный перекося в сторону исполнительной власти, но сохранили за ней особый статус. Этот вариант устава вполне отвечал общественным настроениям. Накануне референдума социологические исследования выявили, что 40% опрошенных кемеровчан вообще не были заинтересованы в участии в территориальном самоуправлении, а 29% горожан согласились участвовать в общих собраниях. Однако большинство опрошенных респондентов (72%) высказались за всенародное избрание главы города [Кемерово 1995, 30 нояб.].

Референдум по Уставу города Кемерово прошел 17 декабря 1995 года. По итогам, подведенным городской избирательной комиссией 19 декабря, «за» устав проголосовали 54,37% горожан, принявших участие в голосовании, «против» — 42,13%. Большинство голосовавших ответили положительно на вопрос «Согласны ли вы избирать главу города всеобщим голосованием» — 84,47%. Всего в голосовании приняли 231 тысяча 501 человек, что для 500-тысячного города было высоким уровнем явки на референдум [Кемерово 1995, 21 дек.].

Барнаульский опыт уставного творчества по сравнению с другими представленными городами оказался менее освещен в газетах. Фрагментарными были сведения о проектной работе и в архивных документах. Приведем некоторые оценки работы над уставом города. По воспоминаниям заместителя главы администрации города В. Н. Колганова, первый устав Барнаула разрабатывался под непосредственным руководством мэра В. Н. Баварина [Колганов 2004, 4]. А депутат Городской думы М. П. Щетинин отмечал, что в новом документе были учтены все стороны самоуправления: «...Я не помню, чтобы так серьезно, долго и кропотливо с участием работников науки и практиков, создавался какой-либо документ...» [Алтайская правда 1995, 12 нояб.]. Устав, как отметили депутаты гордумы, оказался глубоким, демократичным, рабочая группа занималась им три года. По словам С. И. Штань, председателя комитета Городской думы по вопросам законности, правопорядка и местному самоуправлению, Устав, содержащий 126 статей, определил все необходимые для управления городом положения, начиная от того, что такое город и его территория, и заканчивая тем, кто такой глава городского самоуправления и кто им может стать [Алтайская правда 1995, 22 нояб.]. После принятия устава Городской думой и его регистрации в ноябре 1995 года, город Барнаул первым в Алтайском крае получил возможность жить по своей «конституции» [АОА Барнаул]. Текст устава Барнаула был опубликован в городской газете «Вечерний Барнаул» [Устав Барнаула 1995].

Таким образом, факты свидетельствуют, что степень демократичности процедуры принятия устава в каждом отдельном городе различалась. Имела место и такая практика, когда подготовка устава города проходила в кабинетах местной администрации и никто из общественности к ней не допускался. Так случилось в Новокузнецке. Даже такие компетентные специалисты в области муниципального управления, как бывший председатель горсовета, один ведущих экспертов АСДГ Р. В. Бабун и его заместитель В. А. Киселев были «отстранены» от процесса разработки устава Новокузнецка [Кузнецкий край 1995, 2 нояб.].

В принятых уставах городов Сибири 1995 года реализовалось единство ветвей муниципальной власти. Мэры городов на основании этих документов должны были возглавлять и представительный, и исполнительный орган. Следует отметить, что и мэр, и городские предста-

вательные органы имели право принимать нормативные акты. Но в уставе, например, города Новосибирска не предусматривалось четкого разграничения, по каким вопросам решения принимал мэр, а по каким городской Совет. Это порождало лишние конфликты, противостояние или дублирование. Попытку изменить такую модель городского самоуправления предпринимали депутаты Новосибирского городского Совета от КПРФ и ЛДПР, предлагавшие ограничить полномочия мэра и реализовать принцип разделения властей на городском уровне. Проводимые в начале 1997 года социологические опросы свидетельствовали о том, что избиратели довольно настороженно относились к попыткам депутатов возглавить Совет, а местные газеты объяснили наступление оппозиционеров как «атаку на народовластие» [Вечерний Новосибирск 1997, 17 февр.]. В августе 1997 года новосибирские коммунисты инициировали еще более радикальные поправки. На рассмотрение сессии горсовета был вынесен проект устава, согласно которому планировалось увеличить численность депутатского корпуса с 25 до 50 человек. Вместо администрации города предлагалось создать «исполком городского Совета». Согласно этому проекту посты председателя Совета и мэра разводились. При этом главу города могли назначать по контракту депутаты представительного органа, то есть планировалось ввести модель городского самоуправления «сильный Совет — управляющий» [НГА-5]. Особенностью проекта являлось и то, что в нем серьезно усиливался низовой уровень самоуправления — территориальное общественное самоуправление. Однако эти проекты депутатам Новосибирского горсовета не удалось реализовать даже частично.

Уставы сибирских городов закрепили механизмы воздействия общественности на деятельность мэра. Так, в ст. 76 устава Барнаула говорилось о том, что при главе городского самоуправления могли формироваться консультативные органы: коллегия, совет директоров, совет предпринимателей, совет ректоров, градостроительный совет, общественная палата и другие. Нормы городских уставов регулировали и территориальное общественное самоуправление, развитие которого на практике во второй половине 1990-х годов получило дополнительный импульс и перспективные возможности.

Реализация положений Закона № 154-ФЗ позволила в городах развивать новую систему местного самоуправления, уже значительно отличавшуюся от советской системы самоуправления 1990—1993-х годов. С принятием первых городских уставов процесс становления местного самоуправления приобретал системный характер и демократические очертания. Управленческая модель «сильный мэр — Совет», подтвердившая свою практическую целесообразность, подвергалась нападкам со стороны депутатских корпусов. Несмотря на ряд проблем политического, правового и финансового характера, а также сопротивление

бюрократического аппарата, в городах начали образовываться системы самоуправления, где не последнюю роль в этом процессе сыграли структуры гражданского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проблемы выявило, что проводимые в 1990-х годах муниципальные реформы носили преимущественно характер реструктуризации и реорганизации управления на местах. Статус городского самоуправления на практике оставался неопределенным и спорным. В правовом отношении было закреплено, что органы власти в городах — это органы самоуправления. Но это, скорее всего, было желанием законодателей видеть их таковыми. История реформирования городского самоуправления в Сибири многими фактами подтверждала, что реальный статус местных органов власти как самостоятельных и самодостаточных структур был достаточно далек от такого состояния. Практика управления часто не соответствовала положениям, закрепленным в нормативно-правовой базе.

Местное самоуправление выступало, с одной стороны, инструментом в руках федеральных и региональных структур в распределении властных полномочий, а с другой стороны, стратегическим партнером в реформировании государственного и муниципального управления. На проводимые политические реформы местного самоуправления значительное влияние оказывали политические силы либеральной идеологической ориентации.

Как показали материалы Сибири, города в процессе становления систем самоуправления имели высокий потенциал самоорганизации как внутри урбанизированных пространств, так и на уровне межмуниципального сотрудничества в рамках одного из крупнейших в России объединений — Ассоциации сибирских и дальневосточных городов. Сибирское муниципальное движение работало в тесной связи с научным сообществом и смогло придать правотворческому процессу коллективный и вариативный характер, позволивший федеральным законодателям в определенной мере учесть региональные особенности становления местного самоуправления в постсоветской России. В начале 1990-х годов муниципальное экспертное сообщество Сибири поддерживало переходную модель местного самоуправления, включавшую некоторые элементы советской системы. К середине рассматриваемого периода в среде сибирских муниципалов в большей мере были одобрены федеральные политические тренды, сохранявшие автономию местного самоуправления при повышении роли городских администраций.

Обращаясь к современному положению, следует отметить, что наметившиеся тенденции усиления законодательной регламентации работы межмуниципальных движений межрегионального и регионального уровней со стороны федеральных государственных структур, полити-

зация объединений муниципалитетов и «партизация» муниципальных правотворческих инициатив тормозят процесс утверждения сильного местного самоуправления в регионах нашей страны. Сибирский опыт наглядно демонстрирует, что совместные инициативы муниципальных специалистов, общественных организаций и научных экспертов, обращенные в системную деятельность, могут обеспечить местному самоуправлению статус самостоятельного, приоритетного и эффективного уровня публичной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы:

Государственный архив Новосибирской области (ГАО)

1. ГАО — Фонд 700. Новосибирский областной Совет депутатов (1989—1997 гг.). Опись 1. Дело 257. Лист 8.

Архивный отдел администрации (АОА) города Кемерово

2. АОА Кемерово — Фонд 1. Исполком Кемеровского городского Совета народных депутатов (1990—1991 гг.). Опись 1. Дело 1012. Лист 181.

3. Архивный отдел администрации (АОА) города Барнаула

4. АОА Барнаула — Фонд 6. Барнаульская городская Дума, Администрация города Барнаула (1994—1999 гг.). Опись 7. Дело 1834. Листы 113—114.

Новосибирский городской архив (НГА)

5. НГА-1 — Новосибирский городской архив. Фонд 33. Отчеты о работе исполнительной дирекции Ассоциации сибирских и дальневосточных городов (1995—1999 гг.) / Администрация города Новосибирска. Опись 1. Дело 1999. Лист 8.

6. НГА-2 — Новосибирский городской архив. Фонд 745. Новосибирский городской Совет (1990—1999 гг.). Опись 1. Дело 165. Лист 11.

7. НГА-3 — Там же. Дело 230. Лист 46.

8. НГА-4 — Там же. Дело 213. Лист 144.

9. НГА-5 — Там же. Дело 289. Листы. 43, 137.

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция 2008 — Конституция Российской Федерации. Официальное издание. — М., 2008. — 48 с.

2. Закон СССР 1990 — Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 16. — Ст. 267.

3. Закон РСФСР 1991 — Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 29. — Ст. 1010.

4. Постановление Съезда 1991 — Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 1 ноября 1991 г. № 1830-1 «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1455.

5. Указ Президента 1991а — Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета

РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1146.

6. Указ Президента 1991b — Указ Президента РСФСР от 25 ноября 1991 г. № 239 «О порядке назначения глав администраций» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 48. — Ст. 1677.

7. Указ Президента 1993 — Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1993. — № 41. — Ст. 3924.

8. Указ Президента 1995 — Указ Президента Российской Федерации от 24 августа 1995 г. № 874 «О совете по местному самоуправлению при Президенте Российской Федерации» // Местное самоуправление в Российской Федерации: Сборник нормативно-правовых актов. — М., 1998. — С. 169–172.

9. Указ Президента 1998 — Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 1998 г. № 603 «О составе Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации» // Российская газета. — 1998. — 3 июня.

10. Указ Президента 1999 — Указ Президента Российской Федерации от 25 сентября 1999 г. № 1271 «Об утверждении состава Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации» // Российская газета. — 1999. — 6 октября.

11. Устав Барнаула 1995 — «Устав города Барнаула» от 16 ноября 1995 г. № 169 // Вечерний Барнаул. — 1996. — 6 января.

12. Устав Кемерово 1995 — «Устав города Кемерово» от 17 декабря 1995 г. // Кемерово. — 1995. — 25 декабря.

13. Устав Новосибирска 1995 — «Устав города Новосибирска» от 5 октября 1995 г. № 74 // Вечерний Новосибирск. — 1995. — 16 октября.

14. ФЗ 1995 — Федеральный Закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская Федерация. 1995. № 14. — С. 35–43.

Сборники документов, исследования и другие публикации:

1. Авакьян 1995 — Авакьян С. А. Из двух законопроектов предпочтительнее депутатский // Российская Федерация. — 1995. — № 5. — С. 18–20.

2. Акмалова 2002 — Акмалова А. А. Особенности местного самоуправления в Российской Федерации. Теория вопроса и опыт правового регулирования: Монография. — М., 2002. — 340 с.

3. Алешкова 2011 — Алешкова Н. П. Муниципальное правотворчество: исторический экскурс и связь времен // Муниципальное право. — Обнинск, 2011. — № 4. — С. 55–60.

4. Анимица 1998 — Анимица Е. Г., Тертышный А. Т. Местное самоуправление: история и современность. — Екатеринбург, 1998. — 519 с.

5. Аникин 1997 — Аникин Л. С. Институционализация местного самоуправления как способ самоорганизации современного Российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Саратов, 1997. — 36 с.

6. Аннерс 1994 — Аннерс Э. История европейского права. — М., 1994. — 398 с.

7. Бабичев 2004 — Бабичев И. В. Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2004. — № 1. — С. 70–87.

8. Берман 1998 — Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. — 2-е изд. — М., 1998. — 624 с.

9. Болтенкова 1995 — Болтенкова Л. Ф. Почему Совет Федерации отклонил Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»? // Регионология. — 1995. — № 3. — С. 19–30.

10. Бондарев 2009 — Бондарев С. В. Политико-правовая институционализация местной власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2009. — 52 с.
11. Бондарь 1991 — Бондарь Н. С. Местное самоуправление и муниципальные права граждан // Местные Советы в условиях политических и экономических реформ: Сб. научн. трудов. — М., 1991. — С. 78–88.
12. Бородкин 1997а — Бородкин Ф. М. Ценности населения и возможности местного самоуправления // Социологические исследования. — 1997. — № 1. — С. 98–111.
13. Бородкин 1997б — Бородкин Ф. М. Третий сектор в государстве благоденствия. — Мир России. 1997. — Т. 6. — № 2. — С. 67–116.
14. Васецкий 2004 — Васецкий А. А. Системообразующие конфликты политической системы России в сфере местного самоуправления // Личность. Культура. Общество. — 2004. — Вып. 1. — С. 161–176.
15. Васецкий 2006 — Васецкий А. А. Местное самоуправление в постсоветской России // Личность. Культура. Общество. — 2006. — Вып. 3. — С. 194–204.
16. Васецкий 2007 — Васецкий А. А. Системные конфликты в процессе становления современной политической системы России: автореф. ... дис. д-ра полит. наук. — СПб., 2007. — 42 с.
17. Всероссийское совещание... 1995 — Всероссийское совещание по вопросам реализации конституционных положений о местном самоуправлении и организации государственной власти в субъектах Российской Федерации. Москва, 17 февраля 1995 г. — М., 1995. — 159 с.
18. Гельман 1998 — Гельман В. Я. Федеральная политика и местное самоуправление в России: идеологии, интересы и практика // Местное самоуправление в России: политика, практика и право. — М., 1998. — С. 13–27.
19. Гельман 2008 — Гельман В. Я. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. — СПб., 2008. — 386 с.
20. Гильченко 1995 — Гильченко Л. В. Почему не хотят «государевы люди» поделиться властью с народом // Российская Федерация. 1995. № 16.
22. Гильченко 1997 — Гильченко Л. В. Новый этап реформы местного самоуправления // Власть. 1997. № 3.
23. Гильченко 1998 — Гильченко Л. В. Местное самоуправление: долгое возвращение. — М., 1998. — 109 с.
24. Гонжаров 2000 — Гонжаров О. П. Собрание сочинений: в 3-х т. — Новосибирск, 2000. — Т. 1. — 291 с.; Т. 2. — 286 с.; Т. 3. — 380 с.
25. Горбачев 1988 — Горбачев М. С. К полновластию Советов и созданию социалистического правового государства: Доклад и заключительное слово на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, 29 ноября — 1 декабря 1988 г. — М., 1988. — 112 с.
26. Демин 2002 — Демин И. Ю. Элементы непосредственной демократии и механизмы представительства на муниципальном уровне // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. — 2002. — № 6. — С. 42–57.
27. Дмитриенко 2003 — Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: Хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. — Томск, 2003. — 346 с.
28. Зеленцов 2006 — Зеленцов В. В. Проблемы организации систем самоуправления в городах Новосибирск, Кемерово, Барнаул в 1990-е гг. // Проблемы местного самоуправления в Российской Федерации:

Материалы V научно-практической конференции, Омск, 15–16 ноября 2006 г. — Омск, 2006. — С. 153–164.

29. Зеленцов 2007 — Зеленцов В. В. Становление местного самоуправления в городах Западной Сибири (в 1990-е гг.) // Федерализм. Теория. Практика. История. — М., 2007. — № 4(48). — С. 200–207.

30. Зеленцов 2008a — Зеленцов В. В. Городское самоуправление Западной Сибири в 1990-е гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края): дисс. ... канд. ист. наук. — Томск, 2008. — 240 с.

31. Зеленцов 2008b — Зеленцов В. В. Развитие территориального общественного самоуправления в 1990-е гг. (на примере Новосибирска, Кемерово, Барнаула) // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2008. — № 1(306). — С. 65–68.

32. Зеленцов 2009 — Зеленцов В. В. Межмуниципальное сотрудничество в Сибири на рубеже XX — XXI вв. // Региональная история в глобальном измерении: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (28 декабря 2009 г.) / Под ред. А. И. Степанова. — Новосибирск, 2009.

33. Иванов 2001 — Иванов В. Н. Становление органов государственной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (на материалах Уральского региона): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2001. — 24 с.

34. Кириллов 1996 — Кириллов Б. А. Трансформация органов государственной власти и местного самоуправления, 1988–1994 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 1996. — 238 с.

35. Козодой 2001 — Козодой В. И., Пучкин Д. Т., Степанов А. И. О тенденциях становления многопартийности в Новосибирской области и электоральных предпочтениях новосибирцев в контексте выборов органов государственной власти и местного самоуправления в 1990–2000 гг. // Новосибирск политический 2001. Справочник. — Новосибирск, 2001. — С. 6–15.

36. Колганов 2004 — Колганов В. Н. Верны традициям, строим будущее // Барнаул. — 2004. — № 1. — С. 3–5.

37. Кружков 2004 — Кружков А. В. Местное самоуправление в России: несбытающийся проект // Политические исследования. — 2004. — № 6. — С. 56–61.

38. Кружков 2005 — Кружков А. В. Проблемы народовластия в России. — М., 2005. — 232 с.

39. Лапин 2000 — Лапин В. А. Природа муниципальной власти и местного самоуправления в России // Личность. Культура. Общество. — 2000. — Т. II. — Вып. 1. — С. 159–180.

40. Левчик 2000 — Левчик Д. А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988–1993). — М., 2000. — 255 с.

41. Матвеев 2005 — Матвеев М. Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. — Самара, 2005. — 456 с.

42. Матвеев 2006 — Матвеев М. Н. Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977–2003 годах: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Саратов, 2006. — 44 с.

43. Местное самоуправление... 2003 — Местное самоуправление в современной России: некоторые итоги и перспективы // Аналитический обзор Департамента законодательной и правовой работы Центра аналитических исследований Конгресса муниципальных образований Российской Федерации. Муниципалитет (Спецвыпуск). — М., 2003.

44. Митрохин 1999 — Митрохин С. С. Реализация муниципального проекта в России: некоторые аспекты федеральной политики // Реформа местного самоу-

правления в региональном измерении. По материалам из 21 региона Российской Федерации. — М., 1999.

45. Народный депутат 1991a — Народный депутат (Научно-публицистический журнал Верховного Совета народных депутатов РСФСР, с октября 1993 г. — «Российская Федерация»). — 1991. — № 3.

46. Народный депутат 1991b — Семинар-совещание советских и хозяйственных руководителей сибирских городов «Взаимодействие территориальных и ведомственных органов управления в развитии социальной сферы» // Народный депутат. — 1991. — № 5.

47. Настольная книга... 2009 — Настольная книга для муниципальных политиков / Под ред. Е.С. Шугриной, В.А. Савицкого. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — 340 с.

48. Не последние пять лет... 1994 — Не последние пять лет из жизни несогласного политика / Автор-сост. В. С. Кладчихин. — Кемерово, 1994. — 301 с.

49. Нечаев 2008 — Нечаев Д. В. Институциональная организация местного самоуправления в постсоветской России : автореф. ... дис. д-ра полит. наук. — М., 2008. — 55 с.

50. Новейшая история... 2004 — Новейшая история межмуниципального движения в России (конец 80-х — начало 2000 года) // Городское управление. — 2004. — № 10. — С. 58—66.

51. Новокрещенов 2009 — Новокрещенов А. В. Становление местного самоуправления в постсоветской России. — Новосибирск, 2009. — 212 с.

52. Новосибирская область... 1997 — Новосибирская область: граждане и власть. — М., 1997.

53. Петров 2000 — Петров Ю. М. Опыт и проблемы развития ТОС в г. Барнаул. — Барнаул, 2000. — 108 с.

54. Пихоя 2007 — Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. — М., 2007. — 554 с.

55. Поппер 1992 — Поппер К. Р. Открытое общество и его враги /Пер. с англ. — Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — М., 1992. — 528 с.

56. Пучкин 2003 — Пучкин Д. Т. Структурирование системы городского самоуправления и партийно-политические процессы 1990—2002-е гг. (Новосибирский аспект) // Власть и общество. Вестник общественных наук. — Новосибирск, 2003. — С. 159—171.

57. Пылин 1999 — Пылин В. В. Проблемы теории и практики народовластия в процессе становления местного самоуправления в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 44 с.

58. Реформирование России... 1994 — Реформирование России: Мифы и реальность (1989—1994) / Авт.-сост. В. Г. Осипов и др. — М., 1994. — 384 с.

59. Российская Федерация 1995 — Российская Федерация (Научно-публицистический журнал Верховного Совета народных депутатов РСФСР, до октября 1993 г. — Народный депутат). 1995. — № 18.

60. Российские регионы... 1995 — Российские регионы накануне выборов-95. — М., 1995.

61. Салов 2002 — Салов О. А. Местное самоуправление сегодня: научный доклад по монографии: автореф. дис. ...д-ра эк. наук. — СПб., 2002. — 47 с.

62. Самодин 2007 — Самодин С. В. Основные тенденции и противоречия реформы местного самоуправления в современной России (1993—2007 гг.): автореф. ... дис. канд. полит. наук. — М., 2007. — 24 с.

63. Слива 1992 — Слива А. Я. Пора возвращаться в мир от системы Советов к

парламентаризму и местному самоуправлению // Народный депутат. — 1992. — № 2. — С. 56—66.

64. Совет по местному самоуправлению... 1999 — Совет по местному самоуправлению в Российской Федерации: Материалы заседаний и официальные документы. — М., 1999.

65. Тихонов 2001 — Тихонов Д. А. Об эволюции политико-правового статуса местного самоуправления в постсоветской России // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. — 2001. — № 4. — С. 24—34.

66. Тощенко 2006 — Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Изменились ли проблемы местного самоуправления за последние 10 лет? // Социологические исследования. — 2006. — № 8. — С. 78—87.

67. Черник 1996 — Черник И. Д. Основные теории местного самоуправления: происхождение и развитие. — М., 1996. — 36 с.

68. Широков 1998 — Широков А. Н. Местное самоуправление в политической системе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 1998. — 23 с.

69. Шутрина 1997 — Шутрина Е. С., Сивохина Ю. Л. Модели местного самоуправления в Сибирском и Дальневосточном регионах: Аналитический обзор законов о местном самоуправлении. — Новосибирск, 1997. — 47 с.

Цитируемые газеты

1. Алтайская правда 1990, 1991, 1992, 1993, 1995 — Алтайская правда (Орган Алтайского краевого Совета народных депутатов и крайкома Компартии РСФСР, с 28 августа 1991 г. учредитель — Краевой Совет народных депутатов, г. Барнаул).

2. Вечерний Новосибирск 1990, 1991, 1995, 1997 — Вечерний Новосибирск (Орган Новосибирского горкома КПСС и Новосибирского городского Совета народных депутатов, с августа 1991 г. — независимое издание, г. Новосибирск).

3. Кемерово 1991, 1992, 1995 — Кемерово (Издание Кемеровского городского Совета народных депутатов, с 1994 г. — учредитель Администрация г. Кемерово — еженедельное издание, г. Кемерово).

4. Красное знамя 1990, 1991, 1992 — Красное знамя (Орган Томского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов, с 26 августа 1991 г. — независимое ежедневное издание, г. Томск).

5. Кузбасс 1990, 1991, 1993 — Кузбасс (Орган Кемеровского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов, с 29 августа 1991 г. — независимое ежедневное издание, г. Кемерово).

6. Кузнецкий край 1995 — Кузнецкий край (с 1950 г. орган Кемеровского областного комитета ВЛКСМ под названием «Комсомолец Кузбасса», с 1991 — независимое издание, в 1994 — акционирован, в 2008 — закрыт).

7. Новая сибирская газета 1996 — Новая сибирская газета (Учредитель издания — Ассоциация сибирских и дальневосточных городов и Министерство печати и информации Российской Федерации, г. Новосибирск).

8. Новосибирские новости 1992, 1993, 1994, 1995 — Новосибирские новости (Издание Новосибирского городского Совета народных депутатов, с 30 октября 1993 г. учредитель — издательство «Советская Сибирь», г. Новосибирск).

9. РГ 1995, 1997 — Российская газета (официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, учреждена Верховным Советом Российской

Федерации, после октябрьских событий 1993 г. передана Правительству, Москва).

10. Российские вести 1993, 1995 — Российские вести (учреждены Советом Министров РСФСР в 1990, Москва; с 1998 учредитель — Администрация Президента Российской Федерации и коллектив редакции).

11. Сибирская газета 1991 — Сибирская газета (еженедельное Издание Ассоциации сибирских городов, г. Новосибирск).

12. Советская Россия 1993 — Советская Россия (издается в Москве с 1956 г.: сначала как орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР, с 1974 — орган ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР, с 1991 г. выходит с подзаголовком «независимая народная газета»).

13. Советская Сибирь 1991, 1992, 1993, 1995 — Советская Сибирь (Орган Новосибирского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов, с 26 августа 1991 г. учредитель — Новосибирский областной Совет народных депутатов, г. Новосибирск).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ХАКАМАДА Ирина Муцуовна
общественный деятель, писатель, телеведущая

Поколение Интернета и будущее России

Один из моих любимых фильмов — это «Сенсация» Вуди Аллена. Особенно мне нравится в нем последняя фраза, когда главный герой, которого играет сам Аллен, едет в лодке со Смертью и говорит: «Вы умерли, но не надо отчаиваться». Наблюдая за тем, что происходит в эпоху «нулевых», я повторяю эту фразу. Повторяю, будучи либералом и демократом, и несмотря на то, что на глазах все умирает — и либеральное, и демократическое.

Не надо отчаиваться! И это не изотерическое внушение, это основано на реальном социологическом исследовании, пусть и скорее интуитивном. Когда я говорила с социологами, мне объяснили, что есть такое понятие — интуитивная социология, и она имеет право на жизнь. Мало того, с ее помощью можно даже предсказать будущее, если волею судеб вы сталкиваетесь с большим количеством представителей того или иного поколения. Я сейчас занимаюсь не политикой, а фактически обучением молодежи, и в силу этого получаю определенную обратную связь. И мои оценки, кстати, очень сильно отличаются от результатов исследований, в том числе таких либеральных социологических служб, как «Левада-Центр».

Почему меня заинтересовала тема «поколения интернета»? Потому что она поднимается на протяжении всех «нулевых». Вообще «нулевые» в моей памяти отложились, как годы постоянной идеологической конвертации трудностей и проблем 1990-х в негативный миф о «лихих 1990-х», который вбивался в головы в течение десяти лет. И этот миф, рассчитанный, прежде всего, на новое поколение, потому что нам-то чего внушать, мы и так все знаем. Но одновременно нулевые замечательны тем, что благодаря Ельцину и его команде в этот период сложилось поколение, которое: а) не знало Советского Союза; б) было воспитано родителями поколения 1990-х, а это уже было поколение глубоких индивидуалистов. То есть сегодняшнее новое поколение по духу скорее сродни невероятной ельцинской эпохе — короткому времени, когда Россия жила будущим. Энергетика той эпохи

была энергетикой будущего, и Ельцин опирался на этот настрой и на молодежь, даже ничего о ней не зная. Он был «политическим животным», и понимал, что старый, номенклатурный, партийный лидер может построить новую страну, только если будет опираться на совершенно другое поколение.

И это был удивительный феномен. Вот пример из того периода, когда Ельцин обо мне еще ничего не знал, хотя я уже была депутатом. Когда Борис Ефимович (Немцов) сказал ему, что хорошо бы отдать Сахалин Хакамаде, он спросил: «А кто такой Хакамада?». И как только он узнал, кто это такой, начались удивительные вещи, невозможные ни при моем любимом Михаиле Сергеевиче Горбачеве, ни, тем более, в дальнейшем.

Ситуация: первый парламент, в нем существует не зарегистрированная группа депутатов — все молодые, все прошли по мажоритарным округам, впервые в жизни в парламенте, не имеют никакого опыта, вообще никто и ничего. Кто-то из бизнеса, кто-то еще откуда-то, все без связей, без поддержки «Выбора России». Парламент нас топит, чтобы у нас не было шансов зарегистрировать фракцию, даже принимают бешеную норму — не менее 50 или 30 человек, а нас при этом было всего 25. Но мы, незарегистрированные маргиналы, которых Жириновский называл парламентскими бомжами, оказываемся первым из депутатских объединений, которому Борис Николаевич назначает встречу. И Ельцин обсуждает с нами проблему смертной казни — он относится к нам не как к детям, которым надо дать шанс, а обсуждает, что делать с казнью, потому что невозможно решать такой вопрос единолично.

Вот та атмосфера, которая создавалась в 1990-х, и вот то поколение 1990-х, в котором одни не приняли реформы, другие не смогли приспособиться, но продвинутая часть которого воспользовалась своим шансом. И это поколение, в том числе, повлияло на поколение «у», или, как оно еще называется, «нэкст», или «цифровое». И уже на это новое поколение — на людей, рожденных после 1985 года — сегодня обращено все внимание.

Почему? Потому что это поколение качественного изменения мира, происходящего на наших глазах. И, как это ни странно, именно благодаря эпохе Ельцина, наше поколение «у» очень похоже на западное — при всей нашей специфике. Потому что это поколение Интернета, который не знает границ, это поколение информационных технологий, которые прижились у нас при Ельцине. Вспомним: ведь даже обращение в 1991 году было передано, в том числе, с помощью Интернета.

При Горбачеве мы начали спекулировать компьютерами и распространять их, чтобы заработать деньги. При Ельцине мы начали делать свои сайты, и, благодаря этой эпохе перемен, все начало двигаться. Сейчас, по данным «Морган Стэнли», Россия входит в пятерку стран с самым большим интернет-рынком — у нас около 60 миллионов пользо-

вателей Интернета, а это 40% населения. За короткий период был сделан сумасшедший рывок.

На сегодняшнее поколение политика, с одной стороны, оказывает влияние, а с другой — нет. Об этом говорят исследования «Левада-Центра», хотя вопрос в них поставлен совершенно некорректно: «Что вы выбираете — свободу или порядок?» Это очень по-советски, делать такое противопоставление. Но даже при такой постановке вопроса 23% населения выбирают свободу. И из них более трети — 34% — считают, что свобода и порядок — это одно и то же. Это очень много при сегодняшней идеологии, когда тотально уничтожается, в том числе и в Интернете, все позитивное о демократии и о свободе, и когда «поколение нулевых» оценивается, как добровольно обменявшее свою свободу на карьеру и деньги. При этом тот же «Левада-Центр» говорит, что поколение «у» настолько консервативное и циничное, что их можно назвать поколением «гнилой лояльности», потому что больше 80% представителей этого поколения готовы голосовать за «Единую Россию». Но я хочу опровергнуть этот миф, внести некий позитив и оптимизм в оценки того, что происходит в России, и показать, на что можно опереться. Это важно сделать, потому что главный вопрос, который сегодня задают думающие люди всех поколений, таков: когда Россия сможет выстроить «снизу» реальную демократию, и не выльется ли уличная активность в кровавый и ужасный националистический бунт, которым нас все время пугают.

Я считаю, что перспективы очень хорошие, и делаю ставку на поколение «у». Во-первых, потому что я с ними работаю, я их чувствую, я их понимаю. Во-вторых, я вижу, что они разные. Да, действительно, по результатам всех исследований около 50% этого поколения, так называемое «ядро» — абсолютные карьеристы, которые делают ставку на «социальный лифт», связанный с вертикалью власти. Их совершенно не волнует личная самореализация — только карьера и соответствующее материальное вознаграждение. Но есть и еще 30% его представителей, очень интересная часть, кого я бы не назвала «гнилыми» и «лояльными». Сами себя они называют «просвещенными циниками». Как они это понимают? «Если нас спросят, мы скажем: да, мы за вашего Путина, да, мы за эту «Единую Россию», только отвалите от нас и оставьте нас в покое». То есть на самом деле они стремятся к тому, чтобы реализоваться самостоятельно, сделать самостоятельную карьеру. И это даже не карьера, а самореализация, а деньги идут вслед за ней. Именно такие люди являются локомотивом, самой прогрессивной частью этого поколения. Они ходят на тренинги, работают в сети, они очень похожи на западное «поколение миллениума». Это «сетевые люди», о которых писал Элвин Тоффлер. У них возникает индивидуальность, наложенная на консолидацию — они готовы объединяться в социальных сетях, бороться за свои права, защищать права других людей. И эта общность

дает новое качество: у них нет авторитетов. Ни в виде Путина, ни в виде Ельцина, Немцова, Хакамады. Их не интересует никто, авторитетом для них являются они сами — они опираются друг на друга. Именно поэтому социальные сети в Интернете начинают развиваться с такой скоростью. Именно поэтому Тоффлер предсказывает, что через 15–20 лет миром будут править не политики и не капитал, а социальные сети. И наше поколение «у» очень близко к этой идее. Более того, они пытаются заработать деньги вне зависимости от административного ресурса. Они ненавидят чиновничество и по-своему борются с ним. Они защищают всех — и «Марши несогласных», и тех, кто страдает от всяких счетов за услуги. Но делают они это, не выходя на улицы, потому что все еще страшно зациклены друг на друге и на этих сетях. Но они с полным правом могут себя называть себя «креативным классом».

Политика — это дело «взрослых» людей. Но я уверена, что те, кому сегодня 20–25 лет и меньше, если они смогут заработать средства, не используя коррупционную бюрократию, то, достигнув возраста 35–40 лет, «политического возраста», они создадут рамки новой экономики — России от этого никуда не деться. Они вырастут в то самое третье независимое сословие, которое совершило во Франции буржуазную революцию, они совершат революцию в России. И поскольку они очень прагматичны, то их не интересует сама революция, их интересуют отлаженные механизмы, а если им не нравится, как что-то работает, они пытаются это отладить. Они консервативны, любят собственную страну, но при этом они люди мира. И в этом смысле они более сбалансированы. Поэтому я уверена, что если с ними работать, налаживать диалог, а не купаться в собственных воспоминаниях и не уходить в бесконечную грусть и создание атмосферы «сегодня все плохо», то мы обречены на успех. Произойдет модернизация России, причем не обязательно «сверху». Может быть, впервые за всю историю XX–XXI века, благодаря «цифре», Интернету, глобализации в России через 10–15 лет она произойдет именно «снизу». И сделает это поколение «у», его самая продвинутая часть.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1 КОНСТРУИРУЯ НОВОЕ ГОСУДАРСТВО

<i>Бурбулис Г.Э.</i> Культура памяти как основа конституционного консенсуса	35
<i>Арон Л.</i> Моральное обновление страны	45
<i>Филатов С.А.</i> Основной закон и представительная власть	52
<i>Сатаров Г.А.</i> Уроки институциональных реформ	57
<i>Малышева О.Г.</i> Возрождение парламентаризма.....	61
<i>Рыжков В.А.</i> Миф о представительной власти	69
<i>Морщакова Т.Г.</i> Так создавалась Конституция	73

РАЗДЕЛ 2 СОЗДАВАЯ НОВУЮ ЭКОНОМИКУ

<i>Алексащенко С.В.</i> Успехи и неудачи экономической реформы в России	79
<i>Ясин Е.Г.</i> Право собственности как фундамент	84
<i>Чубайс А.Б.</i> Экономические преобразования и политическая компонента	90
<i>Сонин К.И.</i> Экономическая теория и реформы девяностых.....	96
<i>Рогов К.Ю.</i> Русский транзит: право без собственности и собственность без права.....	99
<i>Симонов Н.С.</i> Проблема становления банковской системы	103
<i>Уринсон Я.М.</i> Главное, что при Ельцине приватизация шла	106

РАЗДЕЛ 3 УТВЕРЖДАЯ СВОБОДУ

<i>Дондурей Д.Б.</i> Строительство новой культуры	111
<i>Архангельский А.Н.</i> Проблема независимости СМИ.....	115
<i>Евлахов А.А.</i> Конец XX века и развитие альтернативных версий отечественной истории.....	120
<i>Венедиктов А.А.</i> Это были идеальные отношения между главой государства и прессой	126

РАЗДЕЛ 4 СТАНОВЯСЬ ПОНЯТНЫМИ ДРУГИМ

<i>Коэн А.</i> Внешняя политика: наследие прагматизма (американский взгляд)	133
---	-----

<i>Шевченко В.Н.</i> Внешняя политика России: наследие прагматизма (российский взгляд)	138
<i>Шелов-Коведяев Ф.В.</i> Россия – открытая страна.....	141

РАЗДЕЛ 5 ВСПОМИНАЯ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА

<i>Рыжов Ю.А.</i> Те тринадцать лет	147
<i>Михник А.</i> Аппаратчик из Свердловска	152
<i>Зезина М.Р.</i> Борис Ельцин и Москва	155
<i>Касьянов М.М.</i> Он дал нам всем возможность почувствовать вкус свободы.....	163
<i>Батурин Ю.М.</i> Юридическое обучение Президента	166
<i>Пихоя Л.Г.</i> Наблюдения спичрайтера	171
<i>Рар А.</i> Была ли альтернатива в 1991 году?.....	176
<i>Яковенко И.Г.</i> Распад СССР: Предварительные итоги	179

РАЗДЕЛ 6 ПО ОЦЕНКЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

<i>Ковба М.В.</i> Свобода слова как ценность демократии. Роль первого Президента России в ее становлении	191
<i>Григорьев И.</i> Причины провала проекта конституционного правосудия в постсоветской России	216
<i>Гнатенко А.</i> Ведущие экономические концепции и модели на различных этапах социально-экономических преобразований в новейшей истории России	233
<i>Зеленцов В.</i> Становление и развитие местного самоуправления в России в 1990-е годы (на примере инициатив городов Сибири)	261

ПОСЛЕСЛОВИЕ

<i>Хакамада И.М.</i> Поколение Интернета и будущее России	297
---	-----

ISBN 978-5-254-02021-9

ПОНИМАЯ «ДЕВЯНОСТЫЕ»

*Издается при поддержке
Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина»*

Научный редактор *Александр Евлахов*
Редактор-корректор *Виктор Рыбалко*
Дизайнер *Наталья Захарова*

В книге использованы фото из архива
Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина»

Подписано в печать 10.11.2013 г. Формат 60х90/16
Печ.л.8,5. Тираж 2000. Заказ №

Издательство «Знание»
101990, Москва, Новая пл., д. 3/4
Тел.: (495) 691-07-42, 691-19-43
E-mail: znanie2007@mail.ru

Отпечатано
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1